

УЧРЕДИТЕЛИ:

Южно-Уральский государственный университет

Костанайский государственный университет

ООО «Южно-Уральский юридический вестник»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

МАЙОРОВ В. И., проректор ЮУрГУ, доктор юридических наук, профессор.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ЛЕБЕДЕВ В. А., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры конституционного и муниципального права МГЮА им. О. Е. Кутафина, г. Москва.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АВАКЬЯН С. А., зав. кафедрой конституционного и муниципального права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ; **БАХРАХ Д. Н.**, проректор по научной работе Уральского института экономики, управления и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ; **БОНДАРЬ Н. С.**, судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ; **ДУДКО И. Г.**, заведующий кафедрой государственного и административного права Мордовского государственного университета, доктор юридических наук, профессор; **ЙИРАСЕК Й.**, зав. кафедрой конституционного права и международного публичного права юридического факультета Университета им. Палацкего в г. Оломоуц (Чешская Республика), кандидат юридических наук; **КАПУСТИН А. Я.**, заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор; **КАЯГИН А. Б.**, директор Троицкого филиала Челябинского государственного университета, заведующий кафедрой права, кандидат юридических наук, доцент; **КИРЕЕВ В. В.**, зав. кафедрой конституционного, административного и гражданского права ЮУрГУ, доктор юридических наук, доцент; **КРАШЕНИННИКОВ П. В.**, председатель Комитета Государственной Думы РФ по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ; **КУНЦ Е. В.**, декан юридического факультета ЧелГУ, зав. кафедрой уголовного права и криминологии ЧелГУ, доктор юридических наук, профессор; **МАЙОРОВ В. И.**, проректор ЮУрГУ, доктор юридических наук, профессор; **НУГМАНОВ Р. Р.**, декан юридического факультета Костанайского государственного университета, кандидат юридических наук; **МИНБАЛЕЕВ А. В.**, зам. декана юридического факультета ЮУрГУ, доктор юридических наук; **САЛОМАТКИН А. С.**, референт Правового управления Аппарата Совета Федерации, представитель Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Шеф-редактор **СОГРИН Е. К.** Верстка **ФЕРКЕЛЬ В. Б.** Корректор **БЫТОВ А. М.**

Журнал «Проблемы права» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Издание включено в систему Российского индекса научного цитирования путем заключения договора с Российской электронной научной библиотекой

ISSN 2075-7913

Подписной индекс журнала **73848**

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство ПИ № ФС77-45180 от 19.05.2011 г.

Адрес редакции: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76, Издательский центр.

Тел./факс **(351) 267-97-01**. E-mail: **urvest@mail.ru**

PROBLEMY PRAVA (ISSUES OF LAW)

1'2014

FOUNDERS JOURNAL:

South Ural State University
Kostanay State University
OOO "South Ural Legal Newsletter"
The «Problems of Law» Journal was created in 2003.

By the decision of the Higher Certification Board, since January 1, 2010 the "Problems of Law" journal has been included into the List of leading reviewed scientific journals and publications where the main research results for candidate's and doctor's theses should be published.

The Journal has its own International Standard Serial Number (ISSN 2075-7913).

The Journal is included into «Russian Post» catalog under index 73848.

The «Problems of Law» is included into Russian Science Citation Index according to the agreement with Russian Scientific Electronic Library.

CHIEF EDITOR

V. A. Lebedev, Doctor of Legal Science, Professor, Honored Scientist of Russian Federation, Honored Lawyer of Russian Federation, Professor of Constitutional and Municipal Law Department of Moscow State Law Academy named after O. E. Kutafin, Moscow.

CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD

V. I. Mayorov, Vice Dean of South Ural State University (Russia), Doctor of Legal Science, Professor

EDITORIAL BOARD:

S. A. Avakyan, Head of Constitutional and Municipal Law department, Lomonosov Moscow State University (Russia), Doctor of Legal Science, Professor, Honored Scientist of Russian Federation; **D. N. Bakhrakh**, Vice Dean for Research, Ural Institute of Economics, Management and Law, Doctor of Legal Science (Russia), Professor, Honored Scientist of Russian Federation; **N. S. Bondar**, judge at Constitutional Court of Russian Federation (Russia), Doctor of Legal Science, Professor, Honored Scientist of Russian Federation, Honored Lawyer of Russian Federation. **I. G. Dudko**, Head of State and Administrative Law Department at Mordovian State University (Russia), Doctor of Legal Science, Professor; **J. Jirasek**, Head of Constitutional Law and International Public Law Department at the Faculty of Law, Palacký University of Olomouc, (Czech Republic), Candidate of Legal Science; **A. Y. Kapustin**, Deputy director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Legal Science, Professor; **A. B. Kayagin**, chief of the Troitsk branch of Chelyabinsk State University, chairholder of the Department of Law, Cand. Sc. Law, associate professor; **V. V. Kireev**, head of Constitutional, Administrative and Civil Law Department at South Ural State University (Russia), Doctor of Legal Science, Associate Professor; **P. V. Krasheninnikov**, Head of Civil, Penal, Arbitration and Procedural Law Committee of State Duma of Russian Federation, Doctor of Legal Science, Professor, Honored Lawyer of Russian Federation; **E. V. Kunts**, Head of Penal Law and Criminology Department of Chelyabinsk State University (Russia), Doctor of Legal Science, Professor; **V. I. Mayorov**, Vice Dean of South Ural State University (Russia), Doctor of Legal Science, Professor; **A. V. Minbaleev**, Deputy Dean of the Faculty of Law of South Ural State University (Russia), Doctor of Legal Science; **R. R. Nugmanov**, dean of the Faculty of Law, Kostanay State University (the Republic of Kazakhstan), Candidate of Legal Science; **A. S. Salomatkin**, Legal Administration Assistant of the Central Office of the Federation Council, Spokesperson of the Federation Council in the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Legal Science, Professor.

Editorial Director E. K. Sogrin; **Executive Editor** E. Y. Andriadis; **Layout** V. B. Ferkel;

Proofreading A. M. Bytov.

Published by OOO "South Ural Legal Newsletter"

The journal is registered in Ministry of the Russian Federation for Affairs of the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media. Certificate ПИ № ФС77-45180 of May 19, 2011.

Address of the editors office: 454080, 76 Lenina pr., SUSU, Publishing House, Chelyabinsk, Russia

For correspondence: 454080, Chelyabinsk, PO Box 12550

Phone/Fax (351) 267-97-01. E-mail: urvest@mail.ru

2

В НОМЕРЕ:

КОНСТИТУЦИЯ, ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

— 9 —

Лебедев В. А.

Система исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации

— 22 —

Киреев В. В.

Конституционные риски современной России в сфере обеспечения идеологического многообразия

— 23 —

Беляева И. М., Классен А. Н.

К вопросу о понятии и содержании конституционного права на неприкосновенность жилища как объекта уголовно-правовой охраны

— 34 —

Дерхо Д. С.

Принципы конституционного правотворчества в Российской Федерации: вопросы теории

— 41 —

Малюшин А. А.

Юридические средства выражения правотворческой функции конституционного правосудия

— 52 —

Муллагалеева Р. Р.

Межрегиональное межпарламентское сотрудничество субъектов Российской Федерации

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

— 55 —

Выдрин И. В.

Региональное законодательство об административных правонарушениях (на примере Уральского федерального округа)

— 62 —

Кондратьев С. М.

К вопросу о понятии дисциплинарной ответственности военнослужащих

— 66 —

Пестрякова Е. А.

Анализ статистики судебных споров, возникающих в результате юридических ошибок заявителей

— 69 —

Петров А. Ю., Якупов В. Р.

Практика применения арбитражными судами законодательства об административной ответственности юридических лиц за правонарушения, совершаемые на организованных торгах

— 74 —

Миллеров Е. В.

Проблемные стороны таможенных запретов на перемещение через таможенную границу товаров, противоречащих нравственности: история и современное состояние вопроса

3

— 79 —

Павлова Е. А.

Безопасность дорожного движения: задачи и исполнители

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

— 81 —

Ершов И. И.

Встречное исполнение взаимных обязательств

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА

— 85 —

Голощапова Т. Г., Голощапов Е. В.

Номинанты «профилактика», «предупреждение» и «противодействие»
в юридическом дискурсе

— 88 —

Зимин Е. А.

Концепция «community policing»: общие предпосылки возникновения,
доктринальная и практическая неопределенность

— 92 —

Коротких Н. Н.

Применение принципа поглощения при назначении наказания
по совокупности преступлений

— 97 —

Кудряшов А. В.

О некоторых принципах равенства всех граждан перед законом

— 101 —

Попов И. В.

Некоторые противоречия судебно-следственной практики
по делам о преступлениях главы 26 УК РФ

— 105 —

Пучкова В. В.

Исследование проблемы осложнений вследствие врачебных ошибок
и правовая защита пациентов

— 108 —

Беленько И. А.

Карать или воспитывать? (из опыта ювенальной юстиции Германии)

4

ГРАЖДАНСКОЕ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

— 113 —

Панферов Р. Г.

Криминалистическая характеристика личности преступника при расследовании
контрабанды наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов

— 117 —

Пустовая И. Н.

Защита прав и свобод участников уголовного судопроизводства

— 122 —

Роцулкин Н. А.

Проблемы подсудности Суда по интеллектуальным правам при рассмотрении дел
о недобросовестной конкуренции по товарным знакам

— 128 —

Хатмуллин К. Ю.

Понятие право-временных средств в уголовном судопроизводстве и их природа

ТРУДОВОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО

— 133 —

Стародубцева В. В.

Пенсионное обеспечение по инвалидности в Швейцарии и России:
сравнительно-правовой аспект

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

— 138 —

Иванов С. М.

К вопросу о влиянии норм международного права на судебную защиту
в административном судопроизводстве

РЕЦЕНЗИЯ

— 142 —

Карасев А. Т., Савоськин А. В.

Рецензия на курс лекций В. А. Лебедева
«Конституционное право Российской Федерации»

— 145 —

Конин Н. М.

Рецензия на монографию А. Б. Панова
«Административная ответственность юридических лиц»

— 148 —

Требования к статьям, представляемым
к публикации в журнале «Проблемы права»

IN THIS ISSUE

CONSTITUTION, STATE AND SOCIETY

— 9 —

Lebedev V. A.

The system of executive bodies of state power
of constituent units of the Russian Federation

— 22 —

Kireev V. V.

Constitutional risks in modern Russia
in the sphere of ensuring ideological pluralism

— 28 —

Beliaeva I. M., Klassen A. N.

To the question of the concept and content of constitutional right to inviolability
of the home as an object of criminal and legal protection

— 34 —

Derho D. S.

Principles of Constitutional Law-Making in the Russian Federation:
Issues of Theory

— 41 —

Maliushin A. A.

Legal Means of Expressing Law-Making Function
of Constitutional Justice

— 52 —

Mullagaleeva R. R.

Interregional Interparliamentary Cooperation
of Constituent Units of the Russian Federation

ADMINISTRATIVE LAW

— 55 —

Vydrin I. V.

Regional legislation on administrative offenses
(on the example of the Ural federal district)

— 62 —

Kondratyev S. M.

To the question of the concept of disciplinary liability of servicemen

— 66 —

Pestryakova E. A.

Analysis of the Statistics of Litigations Caused by Errors of Applicant Parties

— 69 —

Petrov A. Ju., Jakupov V. R.

Arbitration Practice of Application of Legislation on Administrative Responsibility
of Legal Bodies for Offenses Committed on Organized Trading

— 74 —

Millerov E. V.

Problematic issues of customs interdictions on movement of the goods which contravene
morality across the customs border: history and modern condition of the issue

— 79 —

Pavlova E. A.

Road safety: tasks and performers

CIVIL LAW

— 81 —

Ershov I. I.

Counter fulfillment of mutual obligations

CRIMINAL LEGAL DOCTRINE

— 85 —

Goloschapov E. V., Goloschapova T. G.

The notions “prevention”, “precautions” and “counteraction” in legal discourse

— 88 —

Zimin E. A.

The “community policing” concept: the general prerequisites of development, doctrinal and practical uncertainty

— 92 —

Korotkikh N. N.

Application of the absorption principle
in cumulative sentencing

— 97 —

Kudryashov A. V.

On certain principles of equality of all citizens before the law

— 101 —

Popov I. V.

Certain Contradictions in Investigative Practice on the Cases Provided by Chapter 26
of the Criminal Code of the Russian Federation

— 105 —

Puchkova V. V.

Study of the Problem of Complications Due to Medical Malpractice
and Legal Protection of Patients

— 108 —

Belenko I. A.

To punish or to educate?
(from the experience of german juvenile justice)

CIVIL AND CRIMINAL PROCEEDINGS

— 113 —

Panferov R. G.

Criminalistic characteristic features of personality of a criminal in the process
of the investigation of smuggling drugs, psychotropic substances and their analogues

— 117 —

Pustovaya I. N.

Protection of the Rights and Freedoms of Participants of Criminal Proceedings

— 122 —

Roshchupkin N. A.

Problems of Jurisdiction of the Copyright Court in Cases
of Unfair Competition Associated with Trademarks

— 128 —

Khatmullin K. Y.

Notion of Legal and Temporary Means in Criminal Proceedings
and Their Nature

7

EMPLOYMENT AND SOCIAL LAW

— 133 —

Starodubtseva V. V.

Pension Provision in Case of Disability in Switzerland and Russia:
Comparative and Legal Aspect

INTERNATIONAL LAW

— 138 —

Ivanov S. M.

To the Question of the Influence of the Norms of International Law
for Judicial Defense in Administrative Judicial Proceeding

REVIEW

— 142 —

Karasev A. T., Savoskin A. V.

Review: V. A. Lebedev Constitutional Right of the Russian Federation

— 145 —

Konin N. M.

Review of the monograph of A. B. Panov
'Administrative liability of legal bodies'

— 149 —

Requirements to the Articles to be Published in Magazine "Problems of Law"

КОНСТИТУЦИЯ, ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

УДК 342.518
ББК Х401(2) + Х400.6(2)

В. А. Лебедев

СИСТЕМА ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

V. A. Lebedev

THE SYSTEM OF EXECUTIVE BODIES OF STATE POWER OF CONSTITUENT UNITS OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье рассматриваются проблемы формирования системы исполнительной власти в субъектах Российской Федерации. Автором выделяются разновидности систем исполнительных органов государственной власти в субъектах Российской Федерации. Там, где глава республики или губернатор является органом исполнительной власти субъекта, правительство или администрация наряду с ним входит в систему исполнительной власти. Там, где глава или губернатор непосредственно не возглавляет исполнительную власть, органом исполнительной власти является только правительство (администрация). В статье рассматривается порядок приведения к власти высшего должностного лица субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова: система исполнительных органов государственной власти, субъект Российской Федерации, высшее должностное лицо субъекта РФ, выборы, наделение полномочий, отзыв.

The article considers the problems of formation of the system of executive power in constituent units of the Russian Federation. The author emphasizes the varieties of systems of executive bodies of state power in constituent units of the Russian Federation. In units where the Head of the Republic or the Governor is the executive body of state power, the government or the administration belong to the system of executive power together with him. In units where the Head of the Republic or the Governor is not in charge of executive power directly, the body of executive power is only the government (administration) then. The article also considers bringing the chief executive officer of a constituent unit of the Russian Federation to power.

Keywords: system of executive bodies of state power, constituent units of the Russian Federation, chief executive officer of a constituent unit of the Russian Federation, elections, authorization, review.

В субъектах Российской Федерации устанавливается система органов исполнительной власти во главе с постоянно действующим высшим исполнительным органом государственной власти [1; 30]. Высшее должностное лицо субъекта РФ может возглавить высший исполнительный орган государственной власти субъекта

РФ, а может находиться вне системы исполнительной власти [2]. Так, например, согласно Уставу города Москвы высшее должностное лицо — мэр Москвы возглавляет также Правительство Москвы (высший, постоянно действующий исполнительный орган). Согласно конституции Якутии наряду с высшим должностным

9

Конституция,
государство и общество

лицом — Главой Республики Якутия существует пост Председателя Правительства Республики Якутия, который руководит высшим постоянно действующим исполнительным органом — Правительством Республики Якутия и организует его работу.

В Ставропольском крае губернатор Ставропольского края, наоборот, не возглавляет Правительство Ставропольского края, которое является высшим исполнительным органом Ставропольского края. Согласно Уставу Ставропольского края, наряду с должностью губернатора существует также должность вице-губернатора — председателя Правительства Ставропольского края, который непосредственно руководит этим высшим исполнительным органом Ставропольского края.

Как правило, высшему должностному лицу конституции (устава) субъекта посвящают специальную главу: в Конституции Республики Дагестан это глава 5, которая называется «Глава Республики Дагестан»; в Конституции Чеченской Республики — глава 4 — «Глава Чеченской Республики»; в уставах: Красноярского края (гл. 4 разд. 4 «Губернатор края»); Белгородской (гл. 2 «Губернатор Белгородской области» и Иркутской (гл. 11 — «Основы статуса губернатора Иркутской области») областей; в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре (гл. 5 — «Губернатор Ханты-Мансийского автономного округа — Югры») и др.

Большинство конституций (уставов) субъектов Федерации включают высшее должностное лицо в систему органов исполнительной власти. Так, согласно ст. 63 Конституции Чеченской Республики ее высшее должностное лицо возглавляет постоянно действующий исполнительный орган государственной власти. Согласно ст. 85 гл. 4 разд. IV Устава Красноярского края «губернатор края является высшим должностным лицом края и возглавляет исполнительную власть края» Аналогичные нормы содержатся в конституциях: Алтая (ст. 113), Адыгеи (ст. 74), Башкортостана (ст. 82), Бурятии (ст. 69), Дагестана (ст. 75), Ингушетии (ст. 65); уставах: Алтайского (ст. 82), Забайкальского (ст. 40), (п. 1 ст. 22), краев, г. Москвы (п. 1 ст. 40) и других субъектов Федерации.

Правовой статус этих органов определен основными законами субъекта: Конституцией Дагестана (гл. 5 «Глава Республики Дагестан», гл. 6 «Правительство Республики Дагестан»); уставами Красноярского края (гл. 4 разд. 4 «Губернатор края», гл. 5 разд. 4 «Правительство края.

Иные исполнительные органы государственной власти края»); Сахалинской области (гл. 4 — «Исполнительная власть Сахалинской области») и др.

В некоторых субъектах приняты и действуют специальные законы, посвященные организации и деятельности органов исполнительной власти [например, «О системе исполнительных органов государственной власти Республики Ингушетия» от 18 мая 2006 г. № 48-РЗ (в ред. 15 июня 2012 г.); «О системе исполнительных органов государственной власти Республики Саха (Якутия)» от 19 июня 2007 г. 458-З № 929-111; «О системе исполнительных органов государственной власти Республики Хакасия» № 1-ЗРХ (в ред. 5 апреля 2011 г.); «О системе исполнительных органов государственной власти Амурской области» от 7 июня 2007 г. № 344-ОЗ и др.].

Основы правового статуса высшего должностного лица субъекта Российской Федерации [руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации (далее — высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации)] закреплены в Федеральном законе от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», принятом по совместному предмету ведения Российской Федерации и ее субъектов (п. «н» ч. 1 ст. 72, ч. 1 ст. 77 Конституции Российской Федерации).

Устанавливая общие принципы организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации и конкретизируя их в федеральном законе, — отметил Конституционный Суд РФ, — федеральный законодатель ограничен в своем усмотрении конституционными положениями об организации власти в Российской Федерации как демократическом, федеративном и правовом государстве.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, определение основ правового статуса, функций и полномочий высшего должностного лица субъекта РФ в главе III «Органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации» ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» свидетельствует о том, что федеральный законодатель рассматривает

высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации как элемент системы именно исполнительной власти. Входя в систему органов государственной власти субъекта Российской Федерации и являясь, по существу, главой исполнительной власти субъекта Российской Федерации, данное должностное лицо одновременно является звеном в единой системе исполнительной власти в РФ и ответственно за обеспечение высшим органом исполнительной власти субъекта РФ исполнения на территории этого субъекта РФ не только его конституции (устава), законов и иных нормативных правовых актов, но и Конституции РФ, федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации.

По своему статусу глава субъекта РФ — в силу принципа единства системы государственной власти — находится в отношении субординации непосредственно с Президентом Российской Федерации, который как глава государства, избираемый посредством всеобщих прямых выборов, обеспечивает согласованное функционирование всех органов государственной власти на основе взаимосвязанных положений ст. 19 (ч. 1 и 2), 77 (ч. 1), 78 (ч. 4) и 80 (ч. 1 и 2) Конституции Российской Федерации. В таком качестве высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) участвует не только в отношениях на уровне соответствующего субъекта Российской Федерации, реализуя полномочия в пределах предметов совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации и в рамках исключительного ведения субъектов Российской Федерации, но и в отношениях, имеющих общегосударственное значение, — в той мере и постольку, в какой и поскольку такое участие предусмотрено и допускается федеральными законами, иными нормативными правовыми актами федеральных органов государственной власти [3].

Следует отметить, что Конституция Российской Федерации не регулирует вопросы статуса высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, да и само это словосочетание в Конституции отсутствует. Умолчание Конституции Российской Федерации по данному вопросу позволяет путем принятия соответствующих федеральных законов по указанному предмету совместного ведения изменять регулирование весьма важных элементов правового статуса высшего должностно-

го лица субъекта Российской Федерации, как это имело место, например, в отношении изменения порядка замещения соответствующей должности [4, с. 135].

Конституционно-правовой статус высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) претерпел существенную эволюцию и в настоящее время закреплён в Федеральном законе «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (в ред. от 21.12.2013 г.). Конституционно-правовой статус высшего должностного лица субъекта Федерации предполагает: четко обозначенное законом место в системе органов государственной власти субъекта; взаимодействие с федеральными и региональными органами государственной власти; демократические принципы организации и деятельности; наличие собственных полномочий; профессионализм, компетентность; гласность, информационная обеспеченность полномочий; особый вид издаваемых им нормативно-правовых актов; гарантии деятельности; конституционную ответственность [5, с. 357—358].

Центральное место в иерархии органов исполнительной власти на региональном уровне занимает высшее должностное лицо государственной власти субъекта Федерации — глава республики, губернатор края, области, автономных образований; мэр (губернатор) города федерального значения (Москвы и Санкт-Петербурга)¹.

Изначально Федеральный закон «Об общих принципах...» предусматривал, что высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации избирается гражданами Российской Федерации, проживающими на территории субъекта Российской Федерации и обладающими активным избирательным правом, на основе все-

¹ Согласно Федеральному закону от 28 декабря 2010 № 406-ФЗ «О внесении изменений в ст. 18 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»» наименование указанной должности не может содержать слов и сочетаний, составляющих наименование должности главы государства — Президента Российской Федерации. Изменения в региональные конституции и уставы должны быть внесены до 1 января 2015 г. (см., напр., Закон Дагестана «Об изменении наименования должности высшего должностного лица Республики Дагестан» от 20 июля 2011 г. № 39).

общего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, что предусматривало реализацию принципа народовластия на региональном уровне как залога эффективных федеративных отношений, построенных исключительно на основе волеизъявления жителей субъекта Российской Федерации (за исключением Республики Дагестан из-за особой специфики, заключающейся в широком этническом разнообразии) [6, с. 76].

Изменения в процедуре назначения высшего должностного лица субъекта Федерации произошли в соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О порядке рассмотрения кандидатур на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации» от 27 декабря 2004 г. № 1603 (в ред. от 11 февраля 2006 г.) [7, с. 76; 31; 32]. С этого времени высшие должностные лица субъектов Федерации уже не избирались, а наделялись полномочиями по представлению Президента Российской Федерации законодательными (представительными) органами государственной власти республики, края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа [8; 12]. Одновременно высшие должностные лица субъектов Федерации утратили свой статус членов Совета Федерации, куда они попадали по должности. Взамен они приобрели статус члена Государственного Совета — совещательного органа при Президенте Российской Федерации.

В обществе неоднозначно отнеслись к новации, введенным этим законом. По убеждению Н. М. Добрынина, новый порядок наделения полномочиями высших должностных лиц субъектов Федерации ставит под сомнение федеративный характер российского государства, «а их реализация приведет к эрозии базовых конституционных принципов» [9, с. 285]. По мнению Т. Я. Хабриевой, новая модель наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта РФ предполагает более высокую степень согласованности действий и решений федеральных и региональных органов исполнительной власти, а также повышает степень ответственности высших должностных лиц субъектов за реализацию единой федеральной политики в регионах [10].

Конституционный Суд своим Постановлением «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (пред-

ставительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан» от 21 декабря 2005 г. № 13-П признал не противоречащими Конституции РФ положения федеральных законов, согласно которым гражданин РФ наделяется полномочиями высшего должностного лица субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) по представлению Президента РФ законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ [11]. «Такое правомочие, — отмечает Конституционный Суд, — как неотъемлемый элемент конституционно-правового статуса Российской Федерации обусловлено ее государственным суверенитетом, полнота которого изначально принадлежит Российской Федерации в целом, а не ее субъектам, чем обуславливается и характер федеративного устройства Российской Федерации... федеральный законодатель вправе избирать наиболее эффективные и соразмерные конституционным целям механизмы организации государственной власти, в том числе при наделении полномочиями органов государственной власти и должностных лиц, в отношении которых соответствующий порядок прямо не предусмотрен в Конституции Российской Федерации, соблюдая при этом конституционные принципы и нормы и обеспечивая сбалансированное сочетание полномочий и интересов Российской Федерации, с одной стороны, и субъектов Российской Федерации — с другой» [3].

Согласно Федеральным законам «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 6 октября 1999 г. (с изм.) и «О политических партиях» в ред. от 5 апреля 2009 г. № 41-ФЗ, а также Указу Президента Российской Федерации «Об утверждении Положения о порядке внесения и рассмотрения предложений о кандидатурах на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъектов Российской Федерации» от 23 апреля 2009 г. № 441 [13] кандидатуры на должность руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Федерации Президенту Российской Федерации предлагались политической партией, победившей на региональных парламентских выборах. Речь

шла о трех кандидатах, которые вносились Президенту Российской Федерации коллегиальным постоянно действующим руководящим органом политической партии, победившей на региональных парламентских выборах до истечения срока полномочий высшего должностного лица субъекта Федерации. И позже произошло дальнейшее изменение обсуждаемого Закона в сторону усиления централизации власти. Пятого апреля 2009 года Президент России Дмитрий Медведев подписал Федеральный закон № 41-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “О политических партиях”» [14], в котором установил, что предложения по кандидатурам на должность высшего должностного лица субъекта президенту вносит политическая партия, список кандидатов которой получил наибольшее число голосов избирателей и допущен к распределению депутатских мандатов. Президент получил, кроме того, право самостоятельно вносить представление о кандидатуре, в том числе из состава лиц, включенных в федеральный резерв управленческих кадров. Были также определены порядок и сроки внесения и рассмотрения кандидатур как в случае истечения срока полномочий высшего должностного лица, так и в случае досрочного прекращения полномочий.

Кроме того, подписанным законом определен порядок вступления в должность гражданина Российской Федерации, наделенного полномочиями высшего должностного лица субъекта, как до истечения срока полномочий, так и после истечения срока полномочий действующего главы региона. Установлено, что высшее должностное лицо субъекта считается вступившим в должность с момента принесения присяги на верность народу и Конституции России. Позже [15; 33] были сокращены сроки проведения процедуры по назначению губернаторов субъектов РФ. Кандидатуры на должность высшего должностного лица субъекта РФ согласовывались с Президентом Российской Федерации не позднее, чем за 45 дней до истечения срока полномочий высшего должностного лица субъекта Федерации. Если ни одна из представленных кандидатур не получала поддержки президента, политическая партия должна была повторно внести свои предложения о трех новых кандидатах. Повторное внесение

предложений о кандидатах осуществлялось с учетом консультаций с Президентом России не позднее, чем через 10 дней со дня уведомления. В 10-дневный срок со дня внесения предложений Президент Российской Федерации уведомлял о своем мнении политическую партию, повторно представившую трех кандидатов на пост высшего должностного лица региона [5, с. 356].

Если после рассмотрения предложений о кандидатурах ни одна из них не была поддержана Президентом России, он проводил консультации с политической партией и законодательным собранием региона. По результатам этих консультаций политическая партия снова (фактически в третий раз) вносила Президенту России предложения не менее чем о трех новых кандидатах.

Повторные предложения о кандидатурах на пост высшего должностного лица субъекта Федерации вносились Президенту России за 14 дней до истечения 180 дней со дня последнего уведомления и рассматривались им в течение 10 дней со дня внесения предложений.

Российская практика представления Президентом Российской Федерации в законодательные (представительные) органы власти региона кандидатур на должность главы исполнительной власти субъекта Федерации для наделения его полномочиями была уникальна и не имела аналогов в зарубежных странах [5, с. 356].

Законом также устанавливаются и требования к кандидатам, претендующим на занятие должности высшего должностного лица субъекта РФ. Так, каждый кандидат должен обладать гражданством РФ, пассивным избирательным правом и достичь возраста 30 лет, также необходимо отсутствие у него гражданства иностранного государства либо иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание на территории другого государства. Кандидаты выдвигаются политическими партиями и в порядке самовыдвижения, если последнее предусмотрено законом субъекта РФ. Выдвижение политическими партиями своих кандидатов может осуществляться после консультаций с Президентом Российской Федерации, порядок проведения которых определяется Президентом Российской Федерации. Не может быть выдвинуто кандидатом лицо, замещавшее уже эту должность и отрешенное от нее Президентом РФ. Такой запрет действует в течение двух со дня вступления в силу Указа Президента РФ об отрешении его от должности и до назначения выборов

высшего должностного лица региона не может быть выдвинут кандидатом на указанную должность ни в одном субъекте Российской Федерации. Также не может быть выдвинут кандидатом на выборах гражданин России, который занимал должность руководителя региона и досрочно прекратил полномочия в связи с отставкой по собственному желанию или в связи с выражением ему недоверия законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта.

Выдвижение кандидата политической партией и выдвижение кандидата в порядке самовыдвижения должны поддерживать от 5 до 10 процентов депутатов представительных органов муниципальных образований и (или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных образований субъекта РФ. Конкретное число лиц, необходимое для поддержки кандидата, устанавливается законом субъекта и определяется в процентном отношении от общего числа депутатов, предусмотренного уставами муниципальных образований на день принятия решения о назначении выборов, из числа избранных на муниципальных выборах глав этих муниципальных образований. В муниципальных районах, представительный орган которых формируется путем делегирования, учет депутатов происходит лишь один раз. В городах федерального значения число лиц, необходимое для поддержки кандидата, устанавливается региональным законом и определяется в процентном отношении от общего числа депутатов представительных органов муниципальных районов и городских округов региона. Кандидат должен быть поддержан не менее чем в трех четвертях муниципальных районов и городских округах региона.

Поддержка кандидата осуществляется путем проставления депутатом представительного органа муниципального образования или избранным на муниципальных выборах главой муниципального образования своей подписи на листе поддержки кандидата с указанием даты и времени ее проставления. Подлинность подписи должна быть нотариально засвидетельствована. Отзыв подписи не допускается. Списки публикуются в региональных государственных периодических печатных изданиях или размещаются на сайтах избирательных комиссий субъектов. Из регионов, где в октябре 2012 года прошли выборы, самый высокий фильтр был установлен в Новгородской области — 10%, самый низкий — в Белгородской — 5%. В Рязанской, Амур-

ской и Брянской областях он составляет 7% [16].

Вопрос о соответствии Конституции норм о муниципальном фильтре поднимался в Конституционном Суде РФ по запросу группы депутатов от партий «Справедливая Россия» и КПРФ. В качестве аргументации своей позиции заявители указали на то, что данные нормы вводят необоснованные и чрезмерно жесткие ограничения избирательных прав граждан, не позволяют в условиях значительного преобладания на местном уровне представителей одной из политических партий получить статус зарегистрированного кандидата лицам, выдвинутым от других политических партий или в порядке самовыдвижения, а также возлагают на местное самоуправление не свойственные ему полномочия [17]. Конституционный Суд РФ признал данные нормы не противоречащими Конституции РФ. В качестве аргументации постановления Суд указал на то, что: во-первых, федеральный законодатель вправе ввести специальные предварительные условия, несоблюдение которых позволяет исключить участников из избирательного процесса. Данные условия не могут рассматриваться как ограничение прав граждан и общественных объединений; во-вторых, законодатель вправе предусмотреть те или иные формы участия выборных лиц местного сообщества, учета их мнения в рамках процедуры замещения должности высшего должностного лица субъекта РФ. Такой учет мнений означает в конкретном социально-историческом контексте признание реальной способности кандидата в случае победы на выборах решать задачи, относящиеся к его компетенции; в-третьих, число подписей депутатов представительных органов муниципальных образований, представляемых в избирательную комиссию субъекта РФ, может превышать число подписей, необходимое для регистрации кандидата, но не более чем на 5 процентов, — в единстве с закрепленным ст. 17 (ч. 3) Конституции Российской Федерации принципом недопустимости нарушения прав и свобод других лиц при осуществлении прав и свобод человека и гражданина, означающим в том числе запрет злоупотребления правом, и с учетом того, что одно выборное лицо местного самоуправления может поддержать только одного кандидата на соответствующую должность, — предполагает недопустимость создания искусственных препятствий выдвижению других кандидатов путем сбора подписей выборных лиц местного самоуправления

в количестве большем, чем определенное законом субъекта Российской Федерации число подписей, необходимое для регистрации кандидата, превышенное на 5 процентов.

Кандидату на должность высшего должностного лица субъекта, выдвинутому в порядке самовыдвижения, помимо получения поддержки депутатов представительных органов муниципальных образований и (или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных образований необходимо собрать подписи избирателей в количестве, установленном законом субъекта. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» устанавливает диапазон от 0,5 до 2 процентов от числа избирателей, зарегистрированных на территории избирательного округа. Подлинность каждой подписи на листе поддержки кандидата должна быть нотариально засвидетельствована.

Избирательная комиссия субъекта РФ проверяет достоверность подписей, представленных в листах поддержки кандидатов в течение 10 дней. Срок проверки устанавливается субъектом Федерации. Список поддержавших кандидата должен публиковаться в средствах массовой информации и в Интернете.

Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) избирается на срок не более пяти лет. Полномочия высшего должностного лица субъекта РФ прекращаются по истечении срока его полномочий. Кроме того, его полномочия могут быть прекращены досрочно в следующих случаях: его смерти; отставки по собственному желанию; признания его судом недееспособным или ограниченно дееспособным; признания его судом безвестно отсутствующим или объявления умершим; вступления в отношении его в законную силу обвинительного приговора суда; утраты гражданства РФ, получения вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание на территории иностранного государства; отрешения его от должности Президентом РФ. Такое отрешение возможно: в связи с выражением ему недоверия законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ; в связи с утратой доверия Президента РФ; за ненадлежащее исполнение главой субъекта своих обязан-

ностей; в иных случаях, предусмотренных законом.

В случае досрочного прекращения полномочий главы субъекта РФ Президент РФ назначает временно исполняющего его обязанности, который не вправе распускать законодательный орган субъекта РФ и предлагать поправки к конституции (уставу) субъекта РФ. Решение Президента Российской Федерации о назначении временно исполняющего обязанности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) принимается в форме указа.

В случае признания выборов несостоявшимися или недействительными проводятся повторные выборы и до вступления в должность избранного высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) исполнение его обязанностей осуществляется лицом, назначаемым Президентом Российской Федерации.

Претендент на пост главы региона в ходе избирательной кампании заранее обозначает тройку кандидатур, из которых в случае победы выбирает сенатора в Совет Федерации Федерального Собрания России. Законодатель дает возможность главе региона самому решать, кто из числа тех, кто шел на выборы вместе с ним, достоин места в Совете Федерации. На наш взгляд, это не совсем правильно. Приоритет должен быть отдан тому кандидату, который идет в списке под номером один, как наиболее авторитетный.

При досрочном прекращении полномочий сенатора сменил другой человек, стоящий в списке под номером два. Законом предусмотрено, что победителю надо получить 50% плюс один голос от числа принявших участие в голосовании. Если кандидат не получил этого количества голосов, проводится второй тур выборов. Глава исполнительной власти субъекта РФ может занимать свой пост не более двух сроков подряд.

В 2012 году по инициативе Президента России Д. А. Медведева был разработан федеральный закон, предусматривающий возвращение прямых выборов глав регионов. Окончательно этот вопрос разрешился 2 мая 2012 года, когда Президентом РФ был подписан федеральный закон о внесении изменений в федеральные законы «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и

исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ». Тем не менее по просьбе некоторых субъектов РФ был разработан и внесен в Государственную Думу законопроект, устанавливающий альтернативный выборам способ смены глав субъектов, который успешно прошел всю процедуру и вступил в силу как Федеральный закон от 2 апреля 2013 г. № 30-ФЗ. Так, данный закон внес изменения в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ», установив, что главы субъектов РФ могут быть назначены еще и законодательным (представительным) органом субъекта РФ по представлению Президента РФ. Итоговое решение о введении данного способа занятия должности высшего должностного лица субъекта РФ останется на волю самих субъектов РФ, что должно быть закреплено в их конституции (уставе) или путем принятия отдельного закона.

Начало перехода на новую модель формирования должности главы субъекта РФ было положено 18 апреля 2013 года, когда был принят Закон Республики Дагестан «О внесении изменений в Конституцию Республики Дагестан», согласно которому президент республики избирается депутатами Народного Собрания Дагестана [18] из числа трех кандидатов, представленных Президентом Российской Федерации [19]. По такому же пути пошла Республика Ингушетия.

Высшее должностное лицо и члены администрации субъекта являются государственными служащими [20; 34] и, следовательно, обязаны при назначении на должность представлять в департамент правительства субъекта Федерации, отвечающего за решение кадровых вопросов, сведения о своих доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, а также соответствующие сведения о супруге и несовершеннолетних детях.

Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) не может быть одновременно депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, членом Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, судьей, замещать иные государственные должности Российской

Федерации, иные государственные должности данного субъекта Российской Федерации, должности федеральной государственной службы, должности государственной гражданской службы субъекта Российской Федерации, а также муниципальные должности и должности муниципальной службы, не может заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации. При этом преподавательская, научная и иная творческая деятельность не может финансироваться исключительно за счет средств иностранных государств, международных граждан и лиц без гражданства, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации. Ограничения, установленные настоящим пунктом в части, касающейся замещения должностей федеральной государственной службы, не применяются в случаях, установленных указами Президента Российской Федерации.

При вступлении в должность высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) приносит присягу на верность народу и Конституции Российской Федерации, конституции (уставу) субъекта Российской Федерации.

Высшее должностное лицо субъекта РФ (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) обладает широкими полномочиями, закрепленными в законе.

Высшее должностное лицо субъекта РФ (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных законов, нормативных актов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, конституции (устава) и законов субъекта РФ издает указы (постановления) и распоряжения.

Президент Российской Федерации по представлению Генерального прокурора РФ временно отстраняет высшее должностное лицо от должности в случае предъявления ему обвинения в совершении преступления.

Высшее должностное лицо субъекта отстраняется от должности Президентом Российской Федерации в связи с выражением ему недоверия законодательным

(представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

Вопрос о допустимости введения субъектами Федерации отрешения от должности главы исполнительной власти субъекта законодательным (представительным) органом власти субъекта как одной из форм конституционной ответственности [21] был предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации. В постановлении «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного закона) Алтайского края» от 18 января 1996 года № 2-П Конституционный Суд России установил, что нормы, допускающие досрочное освобождение от должности главы администрации субъекта Федерации региональным парламентом, соответствующим Конституции Российской Федерации, что такое освобождение производится на основании вступившего в силу судебного решения [22].

Федеральным законом от 2 мая 2012 года №40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав граждан и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» предусматривается возможность отзыва высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) в случаях нарушения им законодательства Российской Федерации или законодательства субъекта Российской Федерации либо неоднократного без уважительных причин неисполнения своих обязанностей. При этом нарушения законодательства и неисполнения обязанностей должны быть установлены судом. На это обратил внимание Конституционный Суд РФ, который в Постановлении от 7 июня 2000 г. № 10-П указал, что в силу закрепленных Конституцией Российской Федерации принципов демократического правового государства основанием для отзыва главы субъекта РФ «может служить лишь его неправомерная деятельность, т. е. конкретное правонарушение, факт совершения которого этим лицом установлен в надлежащем юрисдикционном порядке». При этом «сама процедура отзыва должна обеспечивать лицу возможность дать избирателям объяснения по поводу обстоятельств, выдвигаемых в качестве

основания для отзыва. Без установления четких правовых критериев (оснований) отзыва высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации, надлежащих процедур его осуществления не достигаются те конституционные цели, для обеспечения которых данный институт может вводиться» [23].

Отзыв высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) признается состоявшимся, если за него проголосовало более половины от числа участников голосования, включенных в списки для голосования по отзыву.

В систему органов исполнительной власти субъектов РФ входят также иные органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации [24; 35, с. 18; 36]. Как правило, конституции (уставы) субъектов РФ не обозначают наименования иных органов исполнительной власти кроме высшего исполнительного органа.

Высшим коллегиальным органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации является правительство (администрация), формируемое с обязательным участием высшего должностного лица и законодательного (представительного) органа государственной власти.

Правовой статус правительства субъекта определяется конституцией (уставом) субъекта Федерации. Это, к примеру, Конституции Дагестана (гл. 6 «Правительство Республики Дагестан»); Бурятии (гл. 6 — «Правительство Республики Бурятия»); уставы Алтайского (гл. 9 — «Исполнительная власть Алтайского края»); Красноярского (гл. 5 разд. 4 — «Правительство края. Иные исполнительные органы государственной власти края») краев и др.

В субъектах РФ порядок формирования и деятельности правительства кроме конституции (устава) определяется и специальными законами: Алтай «О структуре Правительства Республики Алтай» от 14 февраля 2006 г. № 15-РЗ (в ред. 19 октября 2011 г.); Дагестана «О Правительстве Республики Дагестан» от 7 июня 2006 г. № 33 (в ред. 12 мая 2009 г.); Мордовии «О Правительстве Республики Мордовия» от 12 ноября 2001 г. № 23 (в ред. 13 июня 2012 г.) и др.

В некоторых субъектах приняты и действуют специальные законы, посвященные организации и деятельности органов исполнительной власти (например,

«О системе исполнительных органов государственной власти Республики Ингушетия» от 18 мая 2006 г. № 48-РЗ (в ред. 15 июня 2012 г.); «О системе исполнительных органов государственной власти Республики Саха (Якутия)» от 19 июня 2007 г. 458-З № 929-111; «О системе исполнительных органов государственной власти Республики Хакасия» № 1-ЗРХ (в ред. 5 апреля 2011 г.); «О системе исполнительных органов государственной власти Амурской области» от 7 июня 2007 г. № 344-ОЗ и др.).

Правительство субъекта Российской Федерации является постоянно действующим органом исполнительной власти, обладающим общей компетенцией и возглавляющим отраслевые органы исполнительной власти субъекта РФ.

Структура высшего исполнительного органа субъекта РФ строится по аналогии с Правительством РФ и представляет собой установленный конституцией (уставом) субъекта РФ перечень членов этого органа. В состав правительства субъекта Федерации входят председатель, его заместители, министры, руководители иных органов исполнительной власти субъекта РФ. Так же, как и Конституция Российской Федерации (п. «и» ст. 83), упоминает полномочие Президента по формированию Администрации Президента Российской Федерации (не раскрывая ее место в системе государственной власти), так и значительное число субъектов Российской Федерации предусматривают в конституциях (уставах) наличие органов исполнительной власти или структурных подразделений, обеспечивающих деятельность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, а зачастую и высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации.

Возможен и другой вариант — администрация (аппарат) высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, обеспечивающий деятельность всего органа, включая его руководителя.

Наиболее часто в конституциях (уставах) встречаются такие органы, обеспечивающие исполнение полномочий высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, как администрация президента, аппарат губернатора, аппарат администрации.

С функциональной точки зрения чаще встречается администрация (аппарат) высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. Совмещенное наименование встречается редко [25].

В структуру высшего исполнительного органа субъекта РФ может входить Президиум как рабочий орган, как в Республике Мордовия, либо совещательный коллегиальный орган, принимающий решения по особо важным вопросам, как Совет Администрации Алтайского края.

Члены Правительства субъекта РФ назначаются на должность из числа граждан Российской Федерации, не имеющих гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание на территории иностранного государства.

Федеральные и региональные органы исполнительной власти образуют единую систему, тесная связь которых проявляется в их праве взаимно делегировать друг другу часть своих полномочий, предусмотренных ч. 2 ст. 78 Конституции РФ и Федеральным законом об общих принципах организации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Это право закреплено в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации.

Не допускается делегирование исключительных полномочий Федерации субъектам, а также исключительных полномочий субъектов федеральному центру. Запрещается передача полномочий, ведущая к утрате установленных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина, нарушению государственной целостности России и единства системы государственной власти.

Соглашение о делегировании полномочий по предметам совместного ведения между федеральными и региональными органами исполнительной власти заключается на основании федерального закона или договора между Федерацией и ее субъектами.

Таким образом, система исполнительной власти в субъектах Российской Федерации является продолжением федеральной исполнительной власти на территории субъекта РФ по вопросам ведения России и по вопросам совместного ведения и обладает всей полнотой государственной власти в пределах ведения субъектов РФ. В соответствии с действующим законодательством возможна передача части государственных полномочий федеральным исполнительным органам субъектов РФ и наоборот. При этом органы государственной власти субъекта РФ вправе обратиться в Правительство РФ с предложением об установлении особого порядка реализации отдельных полномочий, переданных для

осуществления органами власти субъектов РФ. Такой порядок устанавливается на определенный срок в целях совершенствования механизма предоставления государственных услуг [26, с. 213].

Главы исполнительной власти тех или иных субъектов Федерации вправе создавать территориальные органы исполнительной власти для выполнения отдельных полномочий (ст. 28 Устава Калужской области); назначать на должность и освобождают от должности руководителей территориальных подразделений органов исполнительной власти области в муниципальных образованиях области (ст. 50 Устава (Основного Закона) Челябинской области); устанавливать полномочия, порядок создания, реорганизации, ликвидации, организации деятельности территориальных исполнительных органов государственной власти (ст. 47 Устава Новосибирской области). В то же время конституции и уставы значительного числа субъектов Федерации относят вопросы порядка образования, деятельности, установления компетенции, формирования территориальных органов исполнительной власти к полномочиям высшего органа исполнительной власти региона.

Как представляется, наиболее оптимальный способ регулирования организации и деятельности исполнительной власти на местах определен в Уставе Московской области. Согласно ст. 61 Устава этого субъекта Федерации территориальные органы государственной власти формируются Правительством Московской области в соответствии с областным законом о системе исполнительных органов и структурной исполнительных органов государственной власти Московской области, определяемой губернатором области. Данный порядок в полной мере согласуется с предписаниями Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», п. 4 ст. 17 которого установлено, что структура исполнительных органов государственной власти субъекта Российской Федерации определяется высшим должностным лицом соответствующего субъекта [27, с. 50—51].

Издаваемые в субъектах РФ акты управления являются важнейшим средством реализации целей и задач публичной администрации. Посредством издания таких актов органы исполнительной власти субъектов РФ добиваются надлежащего функционирования всей системы регионального государственного и муниципально-

ципального управления. Акты управления представляют собой основную юридическую форму, через которую органы и должностные лица исполнительной власти субъектов РФ реализуют свои властные полномочия, обеспечивают претворение в жизнь требований федеральных законов и законов субъектов РФ, указов Президента и постановлений Правительства России [28].

Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных законов, нормативных актов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, конституции (устава) и законов субъекта Российской Федерации издает указы (постановления) и распоряжения.

Акты высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) и акты высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, принятые в пределах их полномочий, обязательны к исполнению в субъекте Российской Федерации.

Акты высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации), акты высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации не должны противоречить Конституции Российской Федерации, федеральным законам, принятым по предметам ведения Российской Федерации и предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, указам Президента Российской Федерации, постановлениям Правительства Российской Федерации, конституции (уставу) и законам субъекта Российской Федерации.

По вопросам своего ведения органы исполнительной власти субъекта РФ издаются правовые акты. Если высший исполнительный орган субъекта представлен правительством, кабинетом министров, тогда у него есть и свои виды юридических актов — постановления и распоряжения. Если используется понятие «администрация субъекта» РФ, тогда соответствующие акты исходят от возглавляющего ее высшего должностного лица субъекта [29, с. 853].

Литература

1. Лебедев, В. А. Проблемы организации и деятельности законодательной и исполнительной власти в субъектах Российской Федерации / В. А. Лебедев. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000.
2. Черепанов, В. А. Конституционный суд РФ о реформе государственной власти в субъектах РФ / В. А. Черепанов // Государственная власть и местное самоуправление. — 2006. — № 5.
3. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2005 г. № 13-П // СЗ РФ. — 2006. — № 3. — Ст. 336.
4. Сазонов, П. А. Статус высшего должностного лица: особенности конституционного (уставного) регулирования в субъектах Российской Федерации / П. А. Сазонов // Конституционное (уставное) регулирование в субъектах Российской Федерации : материалы сравнительно-правового анализа ; под ред. В. В. Игнатенко. — Иркутск : Институт законодательства и правовой информации Иркутской области, 2007.
5. Михалева, Н. А. Конституции и уставы субъектов Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование) / Н. А. Михалева. — 2-е изд., изм. и доп. — М. : Юркомпани, 2013.
6. Дмитриев, Ю. А. Порядок наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации: проблема определения / Ю. А. Дмитриев, В. Б. Израелян // Гражданин. Выборы. Власть [Научно-аналитический журнал] Приложение к журналу «Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации». — 2013. — № 1.
7. СЗ РФ. — 2004. — № 52. — Ст. 5427.
8. СЗ РФ. 2004. — № 25. — Ст. 2484.
9. Добрынин, Н. М. Федерализм: историко-методологические аспекты / Н. М. Добрынин. — Новосибирск, 2005.
10. Павлушкин, А. В. Роль права в обеспечении интересов в федерации / А. В. Павлушкин // Журнал российского права. — 2005. — № 12. — С. 141—147.
11. СЗ РФ. — 2006. — № 3. — Ст. 336.
12. СЗ РФ. — 2004. — № 50. — Ст. 4950.
13. СЗ РФ. — 2009. — № 17. — Ст. 2053.
14. Российская газета. — 2009. — 8 апр.
15. Федеральный закон от 17 декабря 2009 г. № 319-ФЗ «О внесении изменений в статьи 18 и 19 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и статью 26-1 Федерального закона «О политических партиях» // Российская газета. — 2009. — 21 дек.
16. Выборы губернаторов: к чему привел муниципальный фильтр // Интернет портал «РосБизнесКонсалтинг». URL: <http://top.rbc.ru/politics/01/10/2012/672024.shtml> (дата обращения: 10.05.2013).
17. По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : Постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 года № 32-П // сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>
18. «О внесении изменений в Конституцию Республики Дагестан» : Закон Республики Дагестан. Принят Народным Собранием Республики Дагестан 18 апреля 2013 года // Дагестанская правда. — 2013. — 1 мая.
19. «О порядке избрания Президента Республики Дагестан» : Закон Республики Дагестан. Принят Народным Собранием Республики Дагестан 30 мая 2013 года // Дагестанская правда. — 2013. — 7 июня.
20. «О типовых государственных должностях субъектов Российской Федерации» : Указ Президента РФ от 4 декабря 2009 г. № 1381 // СЗ РФ. — 2009. — № 49 (ч. 2). — Ст. 5921.
21. Лебедев, В. А. Конституционно-правовая ответственность органов государственной власти субъектов Российской Федерации / В. А. Лебедев // Проблемы юридической ответственности : мат-лы науч.-практ. конф. Челябинского государственного университета ; ред. Р. А. Сабитов. — Челябинск, 2001. — С. 7—11.
22. СЗ РФ. — 1996. — № 4. — Ст. 409.
23. По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» : Постановление Консти-

- туционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П / СЗ РФ. — 2000. — № 25. — Ст. 2728.
24. Лебедев, В. А. Становление системы органов законодательной и исполнительной власти в субъектах Российской Федерации / В. А. Лебедев // Проблемы права. — 2013. — № 4. — С. 8—18.
25. Сазонов, П. А. Статус высшего должностного лица: особенности конституционного (уставного) регулирования в субъектах Российской Федерации / П. А. Сазонов // Конституционное (уставное) регулирование в субъектах Российской Федерации : материалы сравнительно-правового анализа ; под ред. В. В. Игнатенко. — Иркутск : Институт законодательства и правовой информации Иркутской области, 2007. — С. 168—170.
26. Правовые и организационные основы государственного управления / Д. Ф. Аяцков, Н. С. Гегедюш, М. М. Мокаев, А. А. Подсумкова. — М. : Форум, 2012.
27. Ишеков, К. А. Теоретико-правовые основы реализации конституций и уставов субъектов Российской Федерации органами государственной власти : монография / К. А. Ишеков ; под общ. ред. П. П. Сергуна ; РПА Минюста России, Поволжский (г. Саратов) юридический институт (филиал). — М. ; Саратов : РПА Минюст России, 2012.
28. Гулягин, А. Ю. Обеспечение законности нормативных правовых актов управления, издаваемых в субъектах Российской Федерации / А. Ю. Гулягин, С. Д. Князев // Правоведение. — 2006. — № 6.
29. Авакьян, С. А. Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. / С. А. Авакьян. — 4-е изд., перераб. и доп. — Т. 2. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2010.
30. Лебедев, В. А. Законодательные и исполнительные органы власти субъектов Российской Федерации : монография / В. А. Лебедев. — Челябинск, 1999.
31. СЗ РФ. — 2005. — № 27. — Ст. 2728.
32. Российская газета. — 2006. — 21 февр.
33. О внесении изменений в статьи 5 и 12 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» и статьи 26-3 и 26-11 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (вступил в силу с 1 января 2010 года) : Федеральный закон от 17 декабря 2009 г. № 326-ФЗ // Российская газета. — 2009. — 22 дек.
34. «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» : Указ Президента РФ от 28 июля 2007 г. № 25 (с изм.) // СЗ РФ. — 2007. — № 27. — Ст. 3256.
35. Лебедев, В. А. Современная система органов законодательной и исполнительной власти в субъектах Российской Федерации / В. А. Лебедев. — Челябинск, 2000.
36. Лебедев, В. А. Особенности системы и порядок формирования органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации / В. А. Лебедев // Южноуральский юридический вестник. — 2000. — № 3.

ЛЕБЕДЕВ Валериан Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета (МГЮА) им. О. Е. Кутафина, Россия, 123995, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9. E-mail: lebedev_va@bk.ru

LEBEDEV Valerian Alekseyevich, Doctor of Juridical Science, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Official within the sphere of higher professional education of the Russian Federation, Professor of Constitutional and Municipal Law Department of Moscow State Law Academy named after O. E. Kutafin, Moscow. Bld. 9., str. Sadovaya Kudrinskaya, Moscow, 123995. E-mail: lebedev_va@bk.ru

УДК 342.413(470)
ББК Х400.2(2)

В. В. Киреев

КОНСТИТУЦИОННЫЕ РИСКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО МНОГООБРАЗИЯ

V. V. Kireev

CONSTITUTIONAL RISKS IN MODERN RUSSIA IN THE SPHERE OF ENSURING IDEOLOGICAL PLURALISM

В статье рассматриваются конституционные риски, связанные с содержанием и реализацией конституционных положений, направленных на обеспечение идеологического многообразия, вопросы, составляющие проблематику соотношения конституционной и государственной идеологии, производится анализ понятия идеологии, проблем идеологического содержания и идеологической функции Конституции РФ, основных идеологических приоритетов государства, характеризуются конституционный риск, связанный с запретом на установление государственной идеологии, формальной деидеологизация государства, угрозой замещения конституционной идеологии государственной идеологией «полезных действий», оправдывающей отклонения текущей государственной политики от конституционных ценностных ориентиров, а также конституционный риск, связанный с развитием идеологии государственного патернализма.

Ключевые слова: конституционные риски, идеологическое многообразие, государственная идеология, идеологическая функция Конституции РФ, конституционная идеология, идеологические приоритеты государства, деидеологизация государства, идеология государственного патернализма.

The article considers constitutional risks connected with the content and implementation of constitutional provisions aimed at ensuring ideological pluralism, as well as the problematic issues of the correlation between the constitutional and state ideology. The author also analyzes the notion of ideology, problems of ideological character, ideological functions of the Constitution of the Russian Federation, and main ideological priorities of a state. The article characterizes constitutional risks connected with the ban on the establishment of state ideology, formal de-ideologization of a state, the threat of substitution of constitutional ideology with the state ideology of 'useful actions' which justifies the deviations of the current state policy from constitutional value orientations, as well as the constitutional risk connected with the development of the ideology of state paternalism.

Keywords: constitutional risks, ideological pluralism, state ideology, ideological function of the Constitution of the Russian Federation, constitutional ideology, ideological priorities of a state, de-ideologization of a state, ideology of state paternalism.

Идеологию можно с полным правом отнести к тем сферам, где глобальная конкуренция имеет особую остроту. Казалось бы, эфемерные, нематериальные идеологические вопросы способны раскалывать, дестабилизировать общества и государства, ввергать их в хаос, либо,

напротив, укреплять и способствовать бескризисному развитию. Идеологии как сложной и многоплоскостной сфере свойственен ряд неопределенностей. Прежде всего это относится к самому понятию идеологии. Автор фундаментального исследования по истории

22

Конституция,
государство и общество

И. Иглетон приводит около 40 дефиниций идеологии, норвежский исследователь А. Нэсс насчитывает свыше 30 определений этого понятия, польский ученый Е. Вятр предлагает многоуровневую типологизацию дефиниций идеологии [1, с. 184—185]. Исходя из самых обобщенных позиций, идеология определяется как система взглядов, идей, характеризующих какую-либо социальную группу, класс, политическую партию, общество [2, с. 231]. Также она рассматривается и в виде системы идей и взглядов: политических, правовых, философских, нравственных, религиозных, эстетических, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности, выражаются интересы социальных групп [3, с. 287]. Обобщение указанных выше подходов позволяет сделать вывод о том, что идеология не может существовать вне ее носителей (социальных групп, общества в целом, других субъектов), ей свойственна системность, а содержание системно взаимосвязанных взглядов и идей, составляющих определенную идеологию, может охватывать чрезвычайно широкий круг многообразных вопросов.

Для современной России вопросы идеологии неразрывно связаны с ее Конституцией. Именно Конституция РФ, выступая правовой основой взаимодействия личности, общества и государства, призвана выражать те систематизированные взгляды, идеи, которые выступают идеологическим фундаментом существования и развития нашей страны. В какой степени идеологизирована Конституция РФ? Бесспорным представляется вывод С. А. Авакьяна о том, что конституция просто не может не быть идеологическим — в смысле мировоззренческим — документом. Ведь практически каждое ее слово, все закрепленные в конституции институты выражают видение желаемой социально-политической системы страны... Каждая конституция закрепляет свою систему общественных ценностей (в какой степени они выражают общечеловеческие идеалы — это другой вопрос) и нацелена на то, чтобы на ее основе формировались соответствующие воззрения каждого члена общества [4, с. 14—15]. Основываясь на указанном выше подходе, С. А. Авакьян правомерно обращает внимание на тот факт, что порой в конституционном праве пытаются отразить характеристику общества, ту идеологию, которая является господствующей, более того — создать картину идейного единства общества. Как бы оборотной стороной регулирования является отражение в конституциях

общества идеологического многообразия и политического плюрализма, тем более многопартийности. Этот вариант конституционного регулирования налично в действующей нашей Конституции [5, с. 4—5]. Действительно, идеологическое многообразие является одной из основополагающих конституционных ценностей современной России. Конституционное закрепление этой ценности явилось важным этапом становления и развития демократических основ в нашей стране. В. В. Комарова обоснованно указывает на то, что Конституция Российской Федерации не допускает установление монополюльно господствующей идеологии в общественно-политической жизни, что было характерно для советского периода [6, с. 153]. Однако нетрудно заметить, что ч. 2 ст. 13 Конституции РФ, устанавливающая запрет на установление какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной, содержит уже не терминологическую, а содержательную неопределенность. Эта неопределенность, прежде всего, имеет место в отношении выполнения Конституцией РФ идеологической функции. По указанной причине, в рамках учения о Конституции РФ, приходится противопоставлять идеологическую функцию этого основополагающего акта и конституционный запрет на идеологический монополизм. Так, С. А. Авакьян отмечает, что идеологическая функция есть у любой конституции, она присуща и Конституции РФ. Для этого утверждения есть все основания, хотя в ст. 13 Конституции РФ и сказано, что в Российской Федерации признается идеологическое многообразие, никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной [7, с. 165]. Таким образом, речь идет не только о неопределенности, но и противоречии, противопоставлении идеологической функции Конституции РФ, с одной стороны, и идеологического многообразия — с другой.

Следует отметить, что существующее положение трудно назвать позитивным. Более того, неопределенность в сфере идеологических подходов можно с полным основанием отнести к числу тех конституционных рисков, которые имеют место в России XXI века. По существу, существование этого риска обусловлено разнонаправленным воздействием трех факторов: 1) необходимости идеологии, объединяющей все общество; 2) выражения идеологических позиций государством; 3) признания в Российской Федерации идеологического многообразия.

И запрет на установление какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной — это риск существования Российской Федерации как деидеологизированного государства, отсутствие у него ясно обозначенных идеологических, ценностных ориентиров.

Если рассматривать этот конституционный риск с позиций соотношения благоприятных и неблагоприятных последствий, то к благоприятным последствиям закрепления в Конституции РФ рассматриваемого положения можно с полным основанием отнести существование в современном российском обществе различных, в том числе противоречащих друг другу идеологических воззрений, что, в свою очередь, является предпосылкой для политического, экономического, культурного, духовного развития каждого гражданина и социума в целом, создает возможности для генерирования новых прогрессивных идей. Конечно, идеологическое многообразие не может быть безграничным, так как это означало бы возможность развития таких идеологий, которые действовали бы разрушительно, угрожали конституционным ценностям. Возможные риски в этой сфере были минимизированы посредством установления в ч. 2 ст. 29 Конституции РФ положения о том, что не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. Также были приняты Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [8], Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011—2020 годы)» (утв. распоряжением Правительства РФ от 20 октября 2010 г. № 1815-р) [9], предусматривающая противодействие распространению идеологии терроризма, экстремизма, пропаганде насилия. Вопросы идеологии затрагивались и в Плане мероприятий по реализации Программы сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2008—2010 годы (утв. распоряжением Правительства РФ от 31 марта 2009 г. № 416-р) [10], Постановлении Конституционного Суда РФ от 28 июня 2007 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона “О погребении и похоронном деле” и Положения о погребении

лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К. И. Гузиева и Е.Х. Кармовой”» [11], других документах [12; 18]. Обращает на себя внимание тот факт, что сам термин «идеология» употребляется, как правило, лишь по отношению к совокупности тех взглядов и идей, которые могут нанести вред (например, «идеология терроризма»). В то же время законодатель старается не употреблять понятие «идеология», когда речь идет о развитии идеологических представлений, способных принести пользу обществу и государству. Так, Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в ст. 3 в качестве одного из основных принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования устанавливает гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования [13], определяя, в сущности, его идеологические основы, но не именуя их идеологией. Этот вывод может быть распространен и на Постановление Правительства РФ от 3 марта 2012 г. № 186 «О федеральной целевой программе “Культура России (2012—2018 годы)”» [14], где в качестве приоритета государственной политики в области культуры выступает решение следующих задач: воспитание подрастающего поколения в духе правовой демократии, гражданственности и патриотизма, причастности к инновационной культуре и свободе творчества, а также на Постановление Правительства РФ от 5 октября 2010 г. № 795 «О государственной программе “Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011—2015 годы”» [15], реализация которой основывается на дальнейшем совершенствовании форм и методов работы институтов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных организаций по осуществлению государственной политики в области патриотического воспитания граждан, пропаганды патриотизма в средствах массовой информации и консолидации деятельности всех структур гражданского общества.

Рискну предположить, что такое акkuratное обращение государственных

органов с термином «идеология» в небольшой степени связано с конституционным запретом на установление какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной (ч. 2 ст. 13 Конституции РФ). Даже с формальных позиций получается, что разрушительные взгляды, идеи нашим государством признаются идеологией, а позитивные идеологические воззрения выступают в виде разрозненных принципов, некоего «духа» правовой демократии, гражданственности, патриотизма и т. д. Вместе с тем идеологические приоритеты государства, даже в приведенном выше далеко не исчерпывающем обзоре документов, выражены достаточно определено. Сама возможность Конституции РФ выполнять идеологическую функцию существует потому, что этот акт выражает определенную идеологию, охватывающую как свободу мысли и слова, идеологическую свободу, так и социальную, политическую, экономическую и творческую свободу, т. е. основные постулаты либеральной идеологии, что позволяет говорить об ее преимущественно либеральном содержании. Формально Конституция России закрепляет идеологию либерализма. При этом проблемы внедрения таких конституционных положений в общественную, государственную практику определяют не низкой степенью либеральности положений Конституции, а проблемой ее реализации, в частности соответствия Основному Закону идеологической позиции отдельных социальных групп, общества в целом и государства.

Возможно ли существование в современной России государственной идеологии? Думается, что не только возможно, но и необходимо. С одной оговоркой. Государственной идеологией должны быть те взгляды, идеи, которые закреплены в Конституции РФ. То есть, государственная идеология должна быть тождественна идеологии конституционной. Если рассматривать конституцию как учредительный правовой акт, основной закон государства, принимаемый и изменяемый в усложненном порядке, обладающий в современных условиях особым объектом регулирования, высшей юридической силой и являющийся юридической базой для правосознания, правоприменения и правосознания [16, с. 39], то систематизированные идеи, составляющие ее содержание, конституционная идеология должны быть обязательными для государства и призваны оказывать эффективное влияние на правотворчество, осуществляемое государственными органами, при-

менение ими норм права, правосознание государственных служащих. Поэтому существование государственной (конституционной) идеологии является очевидным, несмотря на то, что это не вписывается в конституционные рамки. Такой щекотливый аспект государственной идеологии был при анализе конституционного мировоззрения очень точно охарактеризован Н. С. Бондарем, отметившим, что конституционное требование политического и идеологического плюрализма (ч. 1, ч. 3 ст. 13 Конституции РФ) напрямую влияет на ценностно-мировоззренческие ориентиры в обществе, предопределяет весьма существенные особенности их нормативно-правового закрепления. Вместе с тем с признанием на высшем правовом уровне основополагающих социальных ценностей, фундаментальных основ и принципов организации общества и государства неизбежно — во многом вопреки конституционному запрету на установление государственной или обязательной идеологии — происходит объективный процесс юридикации соответствующих принципов, идей и представлений, ценностных нормативов, что является закономерным проявлением конституционализации складывающейся в плюралистическом обществе системы мировоззрения [17, с. 73].

Формальная деидеологизация государства генерирует ряд конституционных рисков. Прежде всего это риск безосновательного возведения текущей государственной политики с ее несомненными достоинствами и серьезными недостатками в ранг идеологии, объединяющей все слои общества. Идеология «государственного действия» или «практического результата» может быть полезной лишь тогда, когда она находится в русле конституционных ценностей, идей. Этот риск заключается в возможном замещении конституционной идеологии государственной идеологией «полезных действий», оправдывающей отклонения текущей государственной политики от конституционных ценностных ориентиров.

Другой риск связан с развитием идеологии государственного патернализма. В условиях, когда в Конституции РФ не выражены основные принципы, определяющие пределы вмешательства государства в жизнь гражданского общества, существует вероятность идеологического крена в эту сторону. Идеи свободы, признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина в нашей Конституции соседствуют с моделью сильного государства. При этом возмо-

жен своеобразный идеологический «разлом», связанный с реализацией ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, которая закрепляет, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Опасность развития идеологии государственного патернализма заключается в возможности произвольной интерпретации этих конституционных идей.

Можно сделать вывод, что действующая Конституция РФ отличается идеологической многополярностью. Конституционный риск заключается в возможности коллизий либеральной идеологии и идеологии государственного патернализма. Если предположить, что результаты референдума, посредством которого была принята Конституция РФ, адекватно выразили идеологию общества, то закономерно вывод о том, что либеральная конституционная идеология широко поддерживается народом России, а свобода является наиболее фундаментальной ценностью ее граждан. В связи с этим существование нашего государства немыслимо без конституционного идеологического фундамента. В ином случае оно утратило бы право именоваться демократическим и даже с сугубо идеологических позиций могло бы рассматриваться как антиконституционная организация. Поэтому те идеологические позиции, которых фактически придерживается государство,

нуждаются в сверке с идеологическими вехами, ориентирами, содержащимися в Конституции РФ.

В современных условиях нельзя полностью исключить существование риска кризиса конституционной идеологии, связанного с идеологической многополярностью Конституции РФ. Если такой кризис возможен, то он в значительной степени будет обусловлен идеологическим противопоставлением идеологии демократии и идеи сильного государства. Коллизии идеологии сильного государства и примата власти народа являются питательной средой как для усиления вмешательства государства в развитие гражданского общества, так и для выражения недоверия государству со стороны граждан, в том числе в форме массовых выступлений. Дестабилизация, которая связана с таким возможным противостоянием, влечет риск утраты тех приобретений, которые были достигнуты в рамках нашего конституционного поля, риск подрыва стабилизирующей и полезной роли государства (что, например, сегодня происходит на Украине), либо риск искусственного торможения развития гражданского общества со стороны государства. Минимизировать такой риск возможно посредством развития конституционной идеологии как звена, которое может соединить идеологию общества и те идеи, которыми руководствуется государство. Обязанность государства руководствоваться теми идеями, которые закреплены в Конституции РФ, — это тоже идеология, в которой нуждается современная Россия.

Литература

1. Словарь философских терминов / науч. ред. проф. В. Г. Кузнецова. — М. : ИНФРА-М, 2004.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская АН ; Российский фонд культуры. — 3-е изд., стереотип. — М. : АЗЪ, 1996.
3. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов: 17 000 сл. — М. : АСТ : Астрель : Русские словари, 2002.
4. Авакьян, С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность / С. А. Авакьян. — 2-е изд. — М. : РЮИД ; Сашко, 2000.
5. Авакьян, С. А. Общество как объект конституционно-правового регулирования / С. А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. — 2004. — № 2.
6. Конституционное право : учебник для бакалавров / отв. ред. В. И. Фадеев. — М. : Проспект, 2013.
7. Авакьян, С. А. Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. / С. А. Авакьян. — 4-е изд., перераб. и доп. — Т. 1. — М. : Норма ; Инфра-М, 2010.
8. СЗ РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3031.
9. СЗ РФ. — 2010. — № 46. — Ст. 6026.
10. СЗ РФ. — 2009. — № 14. — Ст. 1744.
11. СЗ РФ. — 2007. — № 27. — Ст. 3346.
12. Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 6 сентября 2010 г. № 1485-р) // СЗ РФ. — 2010. — № 40. — Ст. 5107.
13. СЗ РФ. — 2012. — № 53 (ч. 1). — Ст. 7598.

14. СЗ РФ. — 2012. — № 13. — Ст. 1516.
15. СЗ РФ. — 2010. — № 41 (ч. II). — Ст. 5250.
16. Хабриева, Т. Я. Теория современной конституции / Т. Я. Хабриева, В. Е. Чиркин. — М. : Норма, 2005.
17. Бондарь, Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н. С. Бондарь. — М. : Норма ; ИНФРА-М, 2011.
18. Об утверждении федерального компонента государственных образовательных стандартов начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования : приказ Минобрнауки РФ от 5 марта 2004 г. № 1089 // «Официальные документы в образовании» : бюллетень. — 2004. — № 25, 26. — Сент.

КИРЕЕВ Валерий Витальевич, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета, Южно-Уральский государственный университет. 454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 76. E-mail: kireevvv@is74.ru

KIREEV Valery Vitalievich, PhD Law, professor of the Department of the Constitutional and Administrative Law of the Faculty of Law of the South Ural State University (national research university. 454080, Russia, Chelyabinsk, Lenina Av., 76. E-mail: kireevvv@is74.ru

И. М. Беляева, А. Н. Классен

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СОДЕРЖАНИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЖИЛИЩА КАК ОБЪЕКТА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

I. M. Beliaeva, A. N. Klassen

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT AND CONTENT OF CONSTITUTIONAL RIGHT TO INVIOABILITY OF THE HOME AS AN OBJECT OF CRIMINAL AND LEGAL PROTECTION

В статье проводится исторический и сравнительный анализ понятия конституционного права человека на неприкосновенность жилища. Авторы комплексно рассматривают проблемы определения понятия и содержания неприкосновенности жилища и гарантий права на его соблюдение. Особое внимание авторами уделено сопоставлению норм, закрепляющих данное право в российской правовой системе, с международными и межгосударственными актами в контексте неприкосновенности частной жизни. Определяются подходы к пониманию неприкосновенности жилища, в результате чего формулируется вывод о межотраслевом характере данного понятия, его социальной значимости. В связи с этим и гарантии права на неприкосновенность жилища складываются из конституционных, уголовных, гражданских и административных правовых и процессуальных норм.

Ключевые слова: конституционные права, охрана частной жизни, неприкосновенность жилища.

The article carries out historical and comparative analysis of the concept of a constitutional right to inviolability of the home. Authors consider problems of determination of concept and content of inviolability of the home and guarantees of the right to its observance. Special attention is paid to comparison of the regulations providing this right in the Russian system of law along with the international and interstate statutory acts in a context of privacy. Approaches to understanding of inviolability of the home are determined; therefore the conclusion about inter-branch nature of this concept, its social importance is formulated. As a result guarantees of the right to inviolability of the home consist of the constitutional, criminal, civil and administrative legal and procedural rules.

Keywords: constitutional rights, protection of privacy, inviolability of the home.

Право на жилище ст. 40 Конституции России [1] отнесено к числу основных прав человека и гражданина. Согласно ст. 17 основные права и свободы человека и гражданина неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Право на жилище не подлежит ограничению даже в условиях чрезвычайного положения (ст. 56). Конституция России предусматривает вполне определенные гарантии права на жилище, что делает его устойчивым. Согласно положениям Конституции РФ жилищное законодательство должно

основываться на необходимости беспрепятственного осуществления жилищных прав, их судебной защиты.

В настоящее время большинство зарубежных конституций закрепляет право на неприкосновенность частной жизни в комплексе с другими смежными правами: правом на неприкосновенность личности, жилища, правом на защиту чести и достоинства, при этом опыт построения конституционных норм весьма разнообразен. Так, в Конституции ФРГ (ст. 10) [2], Конституции Италии (ст. 15)

[3], Конституции Китая (ст. 40) [4] закрепляется свобода личности и тайна сообщений. Конституции стран Восточной Европы отличаются более подробной регламентацией права на неприкосновенность частной жизни [5].

На данном этапе развития общества частная жизнь индивида протекает в условиях, когда процессы сбора информации и ее обработки практически неотделимы друг от друга. В настоящее время информационная составляющая концепции неприкосновенности частной жизни вышла на первый план. Если раньше границы сферы частной жизни имели условное физическое выражение и проходили по стенам жилища («мой дом — моя крепость»), то сейчас они становятся информационными.

В русском же языке «частное» — производное от «часть», то есть отдельное, взятое в обособлении, но тесно взаимосвязанное с целым. «Именно поэтому мы говорим об известной обособленности личности от общества — полное, абсолютное ее определение невозможно», — справедливо отмечает Ф. М. Рудинский [6, с. 294]. Следует отметить, что в российской научной литературе понятие «частная жизнь» до недавнего времени практически отсутствовало и анализировалось понятие «личная жизнь».

Необходимо отметить, что отдельные элементы института государственной охраны личной жизни как конституционной нормы законодательно закреплялись и анализировались еще в дореволюционной России. Так, Почтовый устав 1857 г. и Телеграфный устав 1976 г. закрепляли тайну корреспонденции, нормы по охране указанной тайны содержались в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уголовном уложении 1903 г. [7; 27].

Первая советская Конституция 1918 г., положившая начало существованию социалистической конституционной модели, не предусматривала развернутого каталога личных прав [8; 28, с. 8]. Эти права граждан получили регламентацию только в Конституции СССР 1936 г., предусматривавшей неприкосновенность личности, жилища и тайну переписки (ст. 127 и 128). Нормы этой Конституции свидетельствуют о рецепции права *habeas corpus* [9, с. 7]. Подобное заимствование положило начало процессу трансформации указанных прав с учетом того, что правовая норма была перенесена на совершенно новую почву, а следовательно, не могла не приобрести несколько иное содержание [10]. Эффект соответствия

принципам социалистической организации государства и общества при рецепции норм о частной жизни достигался за счет неполного признания права (из всех составляющих комплексного права на неприкосновенность частной жизни были заимствованы лишь неприкосновенность жилища и тайна переписки), отказа от признания иных прав (например, неприкосновенности частной собственности), существования дополнительных обязанностей и особенностей реализации, что качественно влияло на институт прав человека в СССР. По этой причине «простое прочтение» текста Конституции СССР 1936 г. может ввести в заблуждение [11, с. 205; 29, с. 134].

В 1948 г. ООН была принята Всеобщая декларация прав человека [12], ст. 12 которой предусматривает, что никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств.

В 1976 г. в отношении Советского Союза вступил в силу Международный пакт о гражданских и политических правах 16 декабря 1966 г. [13], ст. 17 которого предусматривает, что никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию, и каждый человек имеет право на защиту со стороны государства от такого вмешательства или таких посягательств.

Эти международные документы и объективные особенности развития советского права стали основными причинами расширения каталога личных прав в советской Конституции СССР 1977 г. [14]. Право граждан на жилище впервые провозгласила именно эта Конституция — согласно ст. 44 это право обеспечивалось развитием и охраной государственного и общественного жилищного фонда, содействием кооперативному и индивидуальному строительству, справедливым распределением под общественным контролем жилой площади, предоставляемой по мере осуществления программы строительства благоустроенных жилищ.

Право граждан на неприкосновенность жилища нашло отражение в Конституции РФ (ст. 25) — никто не вправе проникать в

жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения. Разъяснения судам по поводу применения приведенных конституционных положений даны Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 1993 г. № 13 «О некоторых вопросах, связанных с применением ст. 23 и 25 Конституции Российской Федерации» [15].

Право на неприкосновенность жилища является одним из трех видов неприкосновенности гражданина (наряду с неприкосновенностью частной жизни и личной неприкосновенностью), установленных в конституционном праве, и означает следующее: только в случаях, предусмотренных федеральным законом или при наличии вступившего в силу судебного решения, можно войти в квартиру или иное жилище против воли проживающих в нем лиц [16, с. 426, 427].

Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. предусматривает, что не должно быть никакого вмешательства со стороны государственных органов в пользование этим правом, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах государственной и общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц [17]. Согласно ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах никто не может подвергаться произвольному или незаконному посягательствам на неприкосновенность жилища. В соответствии с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод [18] каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

Конституционный принцип неприкосновенности жилища означает запрет входить в него против воли проживающих в нем лиц. Право на неприкосновенность жилища является личным неимущественным правом и составляющей права на неприкосновенность частной жизни (ст. 150 ГК РФ) [19]. Все, что происходит в жилище, не может быть предано гласности (обнародовано) без согласия на то заинтересованных лиц.

Таким образом, в России на каждом этапе новых социально-экономических условий жизни в последующей конституции иначе по сравнению с предыдущей определялось право на жилище. Кон-

ституцией РФ 1993 г. было предложено принципиально новое решение вопроса реализации права граждан на жилище.

Конституционный принцип неприкосновенности жилища нашел свое развитие в ст. 3 Жилищного кодекса РФ [20]: никто не вправе проникать в жилище без согласия проживающих в нем на законных основаниях граждан иначе как в предусмотренных Жилищным кодексом РФ целях и в предусмотренных другим федеральным законом случаях и в порядке или на основании судебного решения. Право на неприкосновенность жилища в своем развитии получило закрепление в отраслевых нормативно-правовых актах: ст. 12 УПК РФ [21], в ст. 11 ФЗ «О милиции» [22], а затем в ст. 15 ФЗ «О полиции» [23], а равно в некоторых иных.

На наш взгляд, наиболее полно проанализировал содержание права на жилище П. И. Седугин, по мнению которого данное право имеет шесть юридически значимых возможностей: стабильность пользования имеющимся жильем; улучшение своих жилищных условий; использование жилья в интересах других граждан; обеспечение жильцам здоровой среды обитания; недопустимость произвольного лишения граждан жилья; неприкосновенность жилища [24, с. 19—20].

Право на неприкосновенность жилища относится к числу основных гражданских прав и свобод, гарантируемых Конституцией РФ согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Оно предоставляет гражданину возможность беспрепятственного выбора различных вариантов личной жизни (семейной, одинокой), устройства быта, нравственного поведения, если оно не противоречит нормам права и принципам общественной морали.

Социальная ценность права на неприкосновенность жилища выражается в том, что оно обеспечивает такое существенное личное благо, как возможность уединения и частной жизни, недопустимость произвольного, незаконного вмешательства в область личной свободы человека, является защитным правовым средством от неправомερных действий должностных лиц, влекущих ухудшение качества жилища и коммунального обслуживания проживающих [25].

Это право гражданина направлено на охрану его жилья от незаконных вторжений, обысков и других посягательств со стороны должностных лиц и отдельных граждан.

Конституционное право на неприкосновенность частной жизни (ст. 23 Кон-

ституции РФ) немислимо без гарантии прав на неприкосновенность жилища, с которыми связана значительная часть коммуникационных отношений в личной жизни человека. Тайны частной жизни, хранящиеся в жилище и интересующие правоохранительные органы, не могут быть доступны без обоснованного судебного решения.

В буквальном смысле «неприкосновенность» можно понять так: человек не может быть подвергнут принудительным мерам, откуда бы они ни исходили.

Но в Конституции РФ в это понятие заложен более широкий смысл. Понятие неприкосновенности жилища в юридическом смысле — право гражданина на неприкосновенность жилища, которое проявляется как личное право, закрепленное в различных правовых нормативных актах: от Конституции РФ, законодательства субъектов Федерации и до решений органов местного самоуправления. Совокупность этих норм обеспечивает юридическую защиту неприкосновенности жилища граждан.

Статья 25 Конституции РФ состоит по существу из двух частей:

Первая — «Жилище неприкосновенно». Это законченная правовая норма, выражающая сам принцип неприкосновенности жилища, который предполагает широкий аспект возможных его нарушений и который не может быть сведен только к уголовно наказуемому деянию.

Вторая — «Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения». В данном случае незаконное проникновение в жилище является лишь одним из многих возможных нарушений его неприкосновенности, хотя по степени общественной опасности оно наиболее значимо и описывается в ст. 139 УК РФ.

Таким образом, гарантии права на неприкосновенность жилища складывается из конституционных, уголовных, гражданских и административных правовых и процессуальных норм.

Эти нормы исходят из того, что современное жилище имеет двойственный характер: с одной стороны, оно является

традиционным домашним очагом, местом, закрытым от чужих взоров, свободным от посторонних вторжений; с другой, составная часть быта, связанная с многочисленными коммуникациями (электричество, водоснабжение, газификация, водоотведение, телефонная связь, телевидение и т. п.).

Следовательно, нарушения права неприкосновенности жилища могут быть выражены не только в виде незаконного проникновения посторонних лиц в жилище, но и в самоуправных действиях должностных и иных ответственных лиц по произвольному отключению систем жизнеобеспечения жилых помещений, а также в действиях, допускающих порчу и преждевременный износ жилых зданий, игнорирующих санитарно-эпидемиологические требования, что влечет гражданскую и административную ответственность. Подобные нарушения права граждан на неприкосновенность жилища фактически стали нормой жизни [25, с. 53].

Итак, можно заключить, что неприкосновенность жилища является межотраслевым институтом, так как регламентируется нормами гражданского, конституционного и уголовно-процессуального права [26, с. 12]. Сущность же нарушения права на неприкосновенность жилища состоит в следующем:

во-первых, какое-либо вторжение в жилище без согласия проживающих в нем граждан в принципе запрещено и уголовно наказуемо. Оно может быть осуществлено в исключительных, строго указанных в законе случаях;

во-вторых, нарушение неприкосновенности жилища может происходить и по другим основаниям, не связанным с незаконным проникновением в него постороннего лица (лиц). Такими основаниями могут служить противоправные действия должностных и иных лиц по произвольному отключению жилища от систем жизнеобеспечения, приводящие к порче жилища и находящегося в нем имущества, нарушающие установленные санитарно-эпидемиологические требования, что влечет за собой, как отмечалось, имущественную (гражданскую) или административно-правовую ответственность.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Консорциум «Кодекс». URL: <http://pravo.gov.ru/>

2. Основной закон Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 г. (с последующими изменениями и дополнениями до 20 октября 1997 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://constitutions.ru/archives/247>
3. Конституция Итальянской Республики от 22 декабря 1947 года / пер. с итал. Л. П. Гринберга // Конституции государств Европейского Союза ; под общ. ред. Л. А. Окунькова. — М. : ИНФРА-М-НОРМА, 1997. — С. 423—450.
4. Конституция Китайской Народной Республики. Принята Всекитайским Собранием Народных Представителей 4 декабря 1982 г. // URL: <http://www.sovetika.ru/knr/konst.htm>
5. Златопольский, Д. Л. Новые конституции стран Восточной Европы и Азии (1989—1992) / Д. Л. Златопольский. — М., 1996. — 353 с.
6. Рудинский, Ф. М. Наука прав человека и проблемы конституционного права / Ф. М. Рудинский. — М., 2006.
7. Балашкина, И. В. Особенности конституционного регулирования права на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации / И. В. Балашкина // Право и политика. — 2007. — № 7. — С. 14—18.
8. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // Хрестоматия по истории государства и права России / сост. Ю. П. Титов. — М., 1998. — С. 305—317.
9. Бурылов, А. В. Право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в Российской Федерации (Конституционно-правовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Бурылов. — Екатеринбург, 2003.
10. Хужокова, И. М. Эволюция содержания права на неприкосновенность частной жизни в России / И. М. Хужокова // Адвокатская практика. — 2006. — № 4. — С. 56—61.
11. Авакьян, С. А. Конституционное право России : учебн. курс : в 2 т. / С. А. Авакьян. — Т. 1. — М., 2005.
12. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // Веб-сайт ООН на русском языке. URL: <http://www.un.org/ru/documents/>
13. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // Веб-сайт ООН на русском языке. URL: <http://www.un.org/ru/documents/>
14. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. // Библиотека электронных ресурсов исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/>
15. О некоторых вопросах, связанных с применением статей 23 и 25 Конституции Российской Федерации» (с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 6 февраля 2007 г. № 7) : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 13 от 24 декабря 1993 г. // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.vsrp.ru/>
16. Популярный юридический энциклопедический словарь / ред. колл. О. Е. Кутафин, В. А. Туманов, И. В. Шмаров. — М. : Большая юрид. энциклопедия, 2000.
17. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (Заключена в г. Минске 26.05.1995) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/>
18. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изменениями от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января, 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) ETS № 005 // ИПП «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/2540800/>
19. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 23.07.2013) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/>
20. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 02.07.2013) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/>
21. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.07.2013) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/>
22. Закон РФ от 18.04.1991 № 1026-1 (ред. от 27.07.2010) «О милиции» (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/>
23. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/>
24. Седугин, П. И. Жилищное право / П. И. Седугин. — М. : Норма, 1997.
25. Макаров, Г. П. Неприкосновенность жилища — конституционное право граждан / Г. П. Макаров // Гражданин и право. — 2008. — № 1.
26. Шелестюков, В. Н. Уголовно-правовые средства обеспечения неприкосновенности жилища : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. Н. Шелестюков. — Красноярск, 2006.

27. Бокаев, А. Ф. Становление уголовно-процессуального законодательства о неприкосновенности жилища в дореволюционной России / А. Ф. Бокаев // Вестник Калининградского юридического института МВД России. — 2011. — № 1. — С. 171—173.

28. Кукушкин, Ю. С. Очерк истории Советской Конституции / Ю. С. Кукушкин, Д. И. Чистяков. — М., 1980.

29. Кузин, В. Н. История отечественного права: советский период : курс лекций / В. Н. Кузин, В. В. Кузнецов ; под ред. С. Ю. Наумова. — Саратов, 2004.

БЕЛЯЕВА Ирина Михайловна, заведующая кафедрой уголовного права Уральского филиала, Российская академия предпринимательства, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, Южно-Уральский государственный университет, канд. юрид. наук, доцент, 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 160. E-mail: irina69@bk.ru

BELIAEVA Irina Mikhailovna, Head of the Department of Criminal Law of the Ural Branch of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Russian Academy of Justice, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Forensic Science, and Criminal and Executive Law South Ural State University, Cand. Sc. Law, Associate Professor, 160, Pobedy Av., 454084, Chelyabinsk. E-mail: irina69@bk.ru

КЛАССЕН Александр Николаевич, заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, декан юридического факультета, Южно-Уральский государственный университет, канд. юрид. наук, доцент. 454080, Челябинск, пр. Ленина, 76, к. 240. E-mail:ur-dek@susu.ac.ru

KLASSEN Aleksandr Nikolaevich, Head of the Department of Criminal Law, Forensic Science, and Criminal and Executive Law, Dean of the Faculty of Law South Ural State University, Cand. Sc. Law, Associate Professor. Office 240, 76, Lenina Av., 454080, Chelyabinsk. E-mail:ur-dek@susu.ac.ru

Д. С. Дерхо

ПРИНЦИПЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

D. S. Derho

PRINCIPLES OF CONSTITUTIONAL LAW-MAKING IN THE RUSSIAN FEDERATION: ISSUES OF THEORY

В данной статье автор раскрывает понятие принципов конституционного правотворчества как самостоятельного правового явления, анализирует их значимость для становления и совершенствования процесса принятия, изменения и отмены конституционных норм, а также предлагает возможную классификацию этих принципов путем разделения на общие и специальные руководящие начала. При этом к общим принципам автором отнесены те, которые могут быть положены как в основу правотворчества вообще, так и в основу конституционного правотворчества в частности. В качестве специальных принципов рассмотрены специфические правила (правовые идеи), присущие исключительно процессу конституционного правотворчества. Каждому из предложенных принципов автором дана содержательная оценка.

Ключевые слова: конституционное правотворчество, принципы конституционного правотворчества, поправки к Конституции РФ, пересмотр Конституции РФ.

In this article the author explains the idea of the principles of the constitutional lawmaking as a separate legal phenomenon, examines their significance for the formation and improvement of the process of adoption, modification and cancellation of the constitutional norms, as well as suggests a possible classification of these principles by the division of general and specific leading basis. The general principles include those which can be taken both as the basis for law-making in general and the basis of constitutional law-making in particular. To the category of special principles the author assigns specific rules (legal ideas) related solely to the process of constitutional law-making. Each of the principles proposed by the author is given a comprehensive assessment.

Keywords: constitutional law-making, principles of constitutional law-making, amendments to the Constitution of the Russian Federation, revision of the Constitution of the Russian Federation.

34

Конституция,
государство и общество

Конституционное правотворчество, как процесс принятия, изменения и отмены конституционных норм, представляет собой процедуру, посредством которой в стране принимается и по мере необходимости совершенствуется Основной закон — базовый нормативный правовой акт, определяющий правовые, политические, социальные, экономические и культурно-нравственные устои общества и государства.

Принимая во внимание ту роль, которая отводится Конституции РФ в вопросах построения и совершенствования действующей модели государственного, политического и общественного устрой-

ства страны, необходимо отметить, что содержание Основного закона, степень его соответствия реалиям сегодняшнего дня и тем вызовам, которые возникают перед государством, имеют важное значение для системного, устойчивого и динамичного развития России.

В свою очередь, Конституция РФ лишь тогда может быть усовершенствована и сохранена как целостный, сбалансированный и юридически безупречный документ, когда вмешательство законодателя в ее содержание будет сведено к необходимому минимуму и подчинено единым принципам конституционного правотворчества. В противном случае существует

риск того, что Основной закон страны наполнится неактуальным, неоднородным, коллизионным содержанием и не сможет качественно выполнять возложенные на него задачи.

Понятию и системе принципов правотворчества, реализуемых в отношении Основного закона, наукой конституционного права до настоящего времени не уделено достаточного внимания. Принципы конституционного правотворчества, как руководящие (исходные, основополагающие) правовые идеи [1, с. 2], которым должен соответствовать процесс образования (изменения, отмены) норм Конституции РФ, не исследованы, не описаны и не систематизированы конституционалистами в должной мере.

Между тем представляется, что теоретическое исследование этого вопроса назрело и является актуальным, поскольку оно может способствовать упорядочению деятельности субъектов конституционного правотворчества, формированию единых, эффективных, прозрачных и легитимных правотворческих процедур как на стадии выявления потребности в правовой регламентации базовых общественных отношений, так и на стадии конституционного законодательного процесса.

Принимая во внимание, что конституционное правотворчество является составной частью более общего (родового) понятия правотворчества, принципы, лежащие в основе этих двух явлений, имеют определенное сходство.

Так, принципы правотворчества достаточно полно и подробно описаны в общей теории права. В частности, Т. Н. Москалькова и В. В. Черников [2, с. 61—69] отмечают, что процесс правотворчества должен соответствовать таким принципам, как объективность, демократизм, законность, профессионализм, системность и научность. А. С. Пиголкин [2, с. 201—202] дополнительно называет в числе принципов правотворчества гуманизм, тщательность и скрупулезность подготовки проектов, техническое совершенство принимаемых актов. Ю. Г. Арзамасов [4, с. 19—20] упоминает о гласности правотворчества, В. Д. Перевалов — об использовании правового опыта и связи с практикой [4, с. 186], а Ю. Е. Сысоев [6, с. 15—23] — об иерархичности.

Очевидно, что применение большей части этих принципов справедливо и по отношению к конституционному правотворчеству, но с поправкой на особые предмет и метод правового регулирования, которые присущи Основному закону

страны. Вместе с тем следует признать, что конституционное правотворчество имеет и свои специфические принципы, присущие только ему и отличающие его от других смежных правовых явлений.

По этой причине в качестве одного из возможных вариантов систематизации принципов конституционного правотворчества можно предложить их деление на общие и специальные. При этом к общим принципам будут относиться те, которые могут быть положены как в основу правотворчества вообще, так и в основу конституционного правотворчества в частности. К категории же специальных принципов будут относиться специфические руководящие правила (правовые идеи), имеющие отношение исключительно к процессу конституционного правотворчества.

В числе общих принципов конституционного правотворчества необходимо рассмотреть такие основополагающие принципы, как объективность, демократизм, законность, профессионализм, научность, системность, гуманизм и гласность.

Объективность, как принцип конституционного правотворчества, состоит в том, что сам процесс принятия, изменения и отмены конституционно-правовых норм должен быть детерминирован причинами объективного порядка. Как полагают судьи Конституционного Суда РФ К. В. Арановский и С. Д. Князев, идеальных актов конституционного законодательства не существует, причем не только вследствие законодательных дефектов, но и по причине того, что разность общественных интересов всегда слишком велика, чтобы один законодательный текст одинаково угодил бы всем заинтересованным лицам в каждый конкретный момент времени. Серьезные причины для критики конституционных положений найдутся всегда, что, однако, далеко не каждый раз должно становиться поводом для конституционной ревизии [7, с. 57]. Таким образом, любое вмешательство в содержание Основного закона страны оправданно лишь в случае, если оно вызвано реальными изменениями в общественной жизни и объективно существующей потребностью в правовой регламентации новых либо существовавших ранее, но изменившихся общественных отношений. Искусственное, необъективное правотворчество, продиктованное сиюминутным проявлением воли отдельной политической группы, не может иметь места в практике конституционного строительства, поскольку неизбежным следствием

такого подхода станет утрата Конституцией РФ ее регулятивного потенциала, образование смыслового и содержательного разрыва между нормами Основного закона страны и действительными потребностями общества и государства.

Реализация принципа объективности конституционного правотворчества должна пронизывать весь процесс принятия поправок к Конституции РФ либо ее пересмотра как на стадии выявления потребностей в правовой регламентации базовых общественных отношений, так и на стадии непосредственной законотворческой деятельности. В первом случае объективность может быть обеспечена широко предварительным обсуждением предлагаемых изменений, во втором — качественной, непредвзятой работой компетентного органа.

Демократизм конституционного правотворчества следует назвать в качестве одного из наиболее важных принципов рассматриваемого процесса. Во-первых, российский народ изначально учредил всю систему публичной власти путем принятия Конституции РФ 1993 года на общенародном референдуме [8, с. 50] и сохраняет за собой в случае, предусмотренном ч. 3 ст. 135 Конституции РФ, право на участие в процедуре пересмотра ее положений. Во-вторых, определение Российской Федерации в качестве демократического государства содержится в статье 1 Конституции РФ, что говорит об особой значимости данной формы политического режима для существования нашей страны на современном этапе ее развития. В свою очередь, государство не может считаться и оставаться демократическим в условиях, когда изменения в Основной закон вносятся произвольным, авторитарным, недемократическим путем. Следовательно, демократизм, как принцип конституционного правотворчества, состоит в том, чтобы принятие поправок к Конституции РФ либо ее пересмотр происходили только в установленном гл. 9 Конституции РФ порядке посредством реализации соответствующих демократических процедур.

В настоящее время существующая законодательная база (механизм внесения поправок к Конституции РФ и ее пересмотра) хоть и не до конца проработана, тем не менее в достаточной мере ориентирована на реализацию принципа демократизма конституционного правотворчества, поскольку предполагает возможность изменения положений Основного закона страны в форме прямой (или представительной — в зависимости от

степени значимости пересматриваемых положений) демократии (конечно же, при условии, что состав Конституционного Собрания в случае пересмотра Конституции РФ также будет сформирован по принципу демократического представительства). Вместе с тем С. А. Авакьян, например, полагает, что от провозглашения народовластия как принципа конституционного строя (ст. 3 Конституции РФ) нужно сделать шаги в сторону реального обеспечения народовластия, которое реализовано не в полной мере [9, с. 4—5]. По этой причине важным является то, чтобы процедура конституционного правотворчества была демократичной не только и не столько по форме, сколько по сути, чтобы в итоговом результате находила свое выражение действительная воля народа (избирателей), не искаженная в угоду автономных интересов каких-либо групп влияния. Гарантией достижения такого результата, как и в случае с обеспечением объективности конституционного правотворчества, может служить соблюдение режима максимальной прозрачности данного процесса на каждом его этапе и открытое общественное обсуждение предлагаемых изменений.

В этом смысле принципы объективности и демократизма конституционного правотворчества неразрывно связаны с принципом гласности, который предполагает предельную открытость процесса формирования (изменения, отмены) конституционных положений для институтов гражданского общества. Общественный контроль над правотворчеством, а также общественное мнение, основанное на полной и достоверной информации о реальном положении дел в стране и фактическом направлении планируемых конституционных изменений, могут стать эффективным механизмом защиты от необъективных и недемократических вмешательств в содержание Основного закона страны.

Принцип законности конституционного правотворчества имманентно присущ этому явлению и заключается в следовании букве закона в течение всего процесса внесения поправок к Конституции РФ либо ее пересмотра. Очевидно, что правовой результат не может быть достигнут методами неправового характера, поэтому каждый участник процесса конституционного правотворчества в каждый конкретный момент времени обязан отталкиваться в своей деятельности от тех нормативных предписаний, которые регламентируют правотворческую процедуру, в том числе в части объема

полномочий того или иного ее субъекта, а также в части порядка и последовательности совершаемых им действий.

В свою очередь, важным условием реализации данного принципа является наличие необходимой законодательной базы — детально разработанного механизма правотворчества, каждый элемент которого был бы закреплён законодательно. В настоящее время это условие не соблюдено. Так, статьей 135 Конституции РФ определено, что положения гл. 1, 2 и 9 Конституции РФ не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием. Если предложение о пересмотре положений гл. 1, 2 и 9 Конституции РФ будет поддержано тремя пятими голосов от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, то в соответствии с федеральным конституционным законом должно созываться Конституционное Собрание, которое либо подтверждает неизменность Конституции РФ, либо разрабатывает ее новый проект, принимаемый Конституционным Собранием квалифицированным большинством голосов или выносимый на всенародное голосование.

Вместе с тем федеральный конституционный закон о порядке созыва Конституционного Собрания РФ на данный момент не принят. Два законопроекта («О создании органа для внесения изменений в Конституцию РФ» и «О создании Конституционного Собрания в целях внесения изменений в Конституцию РФ») были внесены в Государственную Думу РФ еще в 2000 году по инициативе ряда депутатов, находившихся на рассмотрении более 10 лет, но 14 сентября 2012 года — отклонены [10].

Н. А. Гущина также отмечает, что одна из последних попыток инициировать разработку специального законопроекта была предпринята Д. А. Медведевым, который, будучи еще Президентом РФ, 20 февраля 2012 года по итогам встречи с руководителями политических партий, не прошедших государственную регистрацию, подписал перечень поручений, в котором указал Администрации Президента РФ в срок до 20 марта 2012 года подготовить предложения по проекту Федерального конституционного закона «О Конституционном Собрании Российской Федерации». Однако эти попытки также не увенчались успехом [11, с. 11].

Таким образом, существенный пробел в правовой регламентации процедуры конституционного правотворчества сохраняется, что фактически исключает легальную возможность пересмотра по-

ложений, содержащихся в гл. 1, 2 и 9 Конституции РФ.

С одной стороны, сложившееся положение вещей может быть оправдано тем, что эти базовые нормы (о правах и свободах человека и гражданина, об основах конституционного строя) настолько важны и видятся такими незыблемыми, что само создание механизма их пересмотра кажется ненужным или, более того, опасным для уверенного и стабильного развития страны, поскольку в определенный временной период может оказаться «ящиком Пандоры» в руках неумелого или ошибочно мотивированного законодателя. Однако подобный подход представляется неверным, поскольку фактически сопряжен с представлением о незрелости российского общества, о неспособности его самостоятельно определить свою судьбу, защититься от посягательств на гарантированные Конституцией РФ блага. Кроме того, нельзя забывать и о том, что Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию РФ. Следовательно, указание в Конституции РФ на Конституционное Собрание и необходимость определения порядка его созыва федеральным конституционным законом означает, что такой нормативный акт должен быть принят. В противном случае это означало бы необязательность исполнения предписаний Основного закона страны, что недопустимо.

Профессионализм, как принцип конституционного правотворчества, означает необходимость привлечения к осуществлению данной деятельности только надлежаще подготовленных участников, обладающих достаточным уровнем знаний, навыков и квалификации для того, чтобы обеспечить качественную, безошибочную реализацию законодательского замысла. Профессионализм — это одновременно объективная характеристика образовательно-интеллектуальной составляющей участников правотворческой деятельности и субъективный показатель их отношения к делу. По этой причине важное значение для достижения успеха на данном поприще имеет фактическая способность субъектов конституционного правотворчества (в широком смысле этого понятия, т. е. всех специалистов, причастных к деятельности по принятию, изменению и отмене конституционных норм) по уровню своей подготовки ре-

шать стоящие перед ними задачи (диагностировать потребности в правовой регламентации общественных отношений, определять оптимальный способ их нормативного урегулирования, готовить проект нормативного акта, участвовать в процедуре его принятия и реализации), а также готовность, полностью сосредоточившись на своем деле, отдать ему время и силы в том объеме, который необходим для достижения максимально позитивного результата. Гарантией реализации принципа профессионализма в конституционном правотворчестве является качественная и объективная государственная кадровая политика, направленная на подготовку, выявление и расстановку на ключевых направлениях специалистов, отвечающих самым строгим критериям конкурентного отбора.

Как справедливо отмечает В. В. Киреев, высокая социальная значимость конституционных преобразований, наличие в обществе антагонистических политических воззрений и программ предъявляют особые требования к научному обеспечению конституционного правотворчества [12, с. 107]. Фактически научность конституционного правотворчества, а также принцип использования правового опыта и связи с практикой, являются двумя звеньями одной цепи. Наука и практика неразрывно связаны друг с другом и взаимозависимы, что представляется актуальным и весьма значимым именно по отношению к сфере конституционного строительства. Организация полноценного, качественного процесса формирования и совершенствования конституционных норм возможна лишь в условиях масштабного использования современных научных разработок и практического опыта. Необходимость учета результатов практической деятельности обусловлена стремлением, с одной стороны, не допустить повторения случившихся в прошлом ошибок, с другой — воспринять позитивный опыт ранее удавшихся преобразований и использовать его для решения последующих задач правотворчества. Задача науки при этом состоит в том, чтобы, обобщив накопленные опытным путем знания и навыки, выявить существующие закономерности, систематизировать их, познать механику происходящих процессов, после чего экстраполировать полученные результаты на реалии современного этапа развития страны с тем, чтобы максимально выверенно и корректно определить пути дальнейшего развития конституционного правотворчества, выработать наиболее универсальные и

эффективные методы конституционно-правового регулирования общественных отношений.

Системность конституционного правотворчества также является весьма значимой его характеристикой. Разрозненные, не взаимосвязанные, не объединенные единым замыслом вмешательства в содержание Основного закона страны едва ли могут привести к позитивному результату, напротив, они способны разбалансировать Конституцию РФ и, в конечном счете, всю существующую систему права. Так, А.А. Манасян обоснованно приходит к выводу о том, что если в конституции будут установлены нормы, которые, по отдельности предусматривая эффективное регулирование, в совокупности не смогут надлежащим образом регулировать общественные отношения, то основной закон будет не в состоянии осуществлять свои функции [13, с. 25]. В связи с этим весьма значимым шагом представляется выработка общей концепции текстуального развития Конституции РФ, которая бы устанавливала единые подходы к конституционному правотворчеству, определяла основные ориентиры и направления законодательной политики в сфере совершенствования институтов конституционного права.

Кроме того системность, как принцип конституционного правотворчества, означает, что научная и практическая работа в данной сфере не может сводиться к решению локальных, единичных задач, связанных с реализацией конкретных политических решений. Такая работа должна иметь системный, непрерывный, планомерный характер, что позволяло бы в режиме реального времени отслеживать динамику общественных отношений, прогнозировать направление их дальнейшего развития и, соответственно, своевременно выявлять нуждаемость в корректировке тех положений Конституции РФ, которые утратили актуальность и эффективность своего регулятивного потенциала.

Гуманизм в конституционном правотворчестве, безусловно, должен иметь место. Важно помнить, что именно человек, его права и свободы признаны сегодня высшей ценностью. По этой причине принятие поправок к Конституции РФ либо ее пересмотр не должны приводить к изменению существующей матрицы конституционного правопорядка, в центре которой в настоящее время находится человек, благу которого подчинено государство, но не наоборот. Именно с таким тезисом подлежит согласованию каждое вмешательство законодателя в дей-

ствующие конституционные положения, что обеспечит и дальнейший приоритет гуманистических идей и представлений в практике конституционного строительства.

Тщательность и скрупулезность подготовки проектов, а также техническое совершенство принимаемых актов не являются самостоятельными принципами конституционного правотворчества, а имеют аксессуарную природу и могут рассматриваться лишь в качестве требований, технических условий исполнения приведенных выше принципов. Поскольку претворение в жизнь любой правотворческой идеи происходит посредством облечения ее в конкретную словесную форму и закрепления на материальном носителе, постольку от тщательности и скрупулезности такой работы, от технического совершенства итогового документа зависит практическая реализация, судьба этой идеи, ее жизнеспособность и результативность.

В числе специальных принципов конституционного правотворчества, которые присущи только ему и отличают его от других видов правотворчества не только отдельными специфическими аспектами своего содержания (как общие принципы конституционного правотворчества), но и самой своей сутью, могут быть выделены следующие руководящие начала.

Принцип предельной универсализации (обобщения) конституционно-правовых предписаний. Правовая природа Основного закона страны, как базового нормативного правового акта, предполагает необходимость использования максимально возможного уровня обобщения при установлении конституционных норм. Иными словами, такие нормы одновременно должны обладать значительными регулятивными возможностями, структурируя и упорядочивая целые сферы общественной жизни, и при этом иметь всеобщий, универсальный характер, относясь более подробно и детально к регулированию соответствующих отношений к компетенции источников права меньшей юридической силы — законов и подзаконных актов.

Программный характер конституционного правотворчества, как специальный принцип этого процесса, с одной стороны продиктован спецификой общественных отношений, регулируемых Основным законом (их особой значимостью для общества и государства), с другой стороны — задачами, которые стоят перед Конституцией РФ (в том числе первостепенной задачей по установлению устойчивых

базовых ориентиров развития страны). В. В. Киреев указывает, что проведение такого сложного политико-правового процесса, как конституционная реформа, невозможно без выработки ее общего замысла (концепции), а также установления иных программно-координационных начал [12, с. 121]. Такое утверждение нужно признать обоснованным и по отношению к институту конституционного правотворчества в целом. Однако программный характер конституционного правотворчества не исчерпывается потребностями упорядочения самого этого процесса по принятию, изменению и отмене норм Конституции РФ, а имеет и более широкое значение — распространения программного влияния конституционных положений на все иные сферы и отрасли общественной жизнедеятельности, что не может быть присуще ни одному другому виду правотворчества, кроме конституционного.

Принцип предельного ограничения круга субъектов законодательной инициативы находит свое отражение в статье 134 Конституции РФ, согласно которой предложения о поправках и пересмотре Конституции РФ могут вносить Президент РФ, Совет Федерации, Государственная Дума, Правительство РФ, законодательные (представительные) органы субъектов РФ, а также группа численностью не менее одной пятой членов Совета Федерации или депутатов Государственной Думы. Таким образом, из общего перечня субъектов законодательной инициативы, предусмотренного ст. 104 Конституции РФ, в отношении процедуры конституционного правотворчества исключены: отдельные члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы, а также высшие судебные инстанции.

Обоснованность существующего закрепления такого принципа в Конституции РФ и необходимость его дальнейшего применения обусловлены задачей сохранения стабильности в сфере конституционного правотворчества. Бесспорным видится тот факт, что Основной закон страны и регулируемые им отношения всегда находятся в фокусе пристального общественного внимания, повышенного интереса. Даже не имеющие под собой реальных оснований и перспектив высказывания на тему принятия возможных поправок к Конституции РФ подчас вызывают бурные обсуждения и служат предметом многочисленных спекуляций. Право законодательной инициативы в такой ситуации может стать серьезным инструментом межпартий-

ной борьбы, формально легитимным элементом «черных» политических технологий, когда в отсутствие объективных предпосылок для реального изменения конституционных норм отдельные депутаты в популистских или иных узкокорыстных целях будут инициировать заведомо непроходные поправки. По этой причине субъекты конституционной законодательной инициативы обоснованно укрупнены, что существенно затрудняет возможность злоупотреблений подобного рода.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что понятие принципов конституционного правотворчества как самостоятельного правового явления, нуждающегося в изучении и описании, имеет право на существование. При этом система принципов конституционного правотворчества, несмотря на то, что она детально не разработана, в конституционно-правовой доктрине потенциально является достаточно раз-

ветвленной и разносторонней, поскольку отражает в себе многочисленные аспекты и содержательные особенности данного процесса. Указанные принципы одновременно представляют собой образец, которому должен соответствовать механизм конституционного строительства, и средства, с помощью которых этот механизм подлежит совершенствованию. В большей или меньшей степени каждый из охарактеризованных выше принципов присущ конституционному правотворчеству в России, но нуждается в дальнейшей научно-теоретической, методологической проработке и практической реализации в целях поэтапного, эволюционного совершенствования положений действующей Конституции РФ. При этом следует оговориться, что упомянутые в статье принципы конституционного правотворчества не исчерпывают всего их многообразия, что предполагает необходимость дальнейшего исследования затронутой проблематики.

Литература

1. Лексин, И. В. Действительные и мнимые конституционные принципы / И. В. Лексин // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 10.
2. Москалькова, Т. Н. Нормотворчество : науч.-практ. пособие / Т. Н. Москалькова, В. В. Черников. — М. : Проспект, 2011.
3. Общая теория права : учебник / под ред. А. С. Пиголкина. — М. : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 1998.
4. Арзамасов, Ю. Г. Нормотворческая деятельность МВД России в механизме реализации прав человека и гражданина / Ю. Г. Арзамасов. — М. : Академия управления МВД России, 2000.
5. Теория государства и права / под ред. В. Д. Перевалова. — М. : Норма, 2006.
6. Сысоев, Ю. Е. Системообразующие принципы нормотворчества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю. Е. Сысоев. — М., 2006.
7. Арановский, К. В. Роль Конституции в политико-правовом обустройстве России: исходные обстоятельства и современные ожидания / К. В. Арановский, С. Д. Князев // Сравнительное конституционное обозрение. — 2013. — № 3.
8. Черепанов, В. А. Власть народа: миф или реальность / В. А. Черепанов // Конституционное и муниципальное право. — 2012. — № 11.
9. Авакьян, С. А. Нужна ли конституционная реформа в России / С. А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. — 2012. — № 9.
10. Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=4800-3&02>.
11. Гущина, Н. А. Конституция Российской Федерации 1993 года — основа закрепления и развития демократических ценностей российского общества / Н. А. Гущина // Современное право. — 2013. — № 12.
12. Киреев, В. В. Конституционная реформа в Российской Федерации / В. В. Киреев. — М. : Изд-во МГУ, 2006.
13. Манасян, А. А. Стабильность конституции как важнейшая предпосылка укрепления конституционализма в современных государствах / А. А. Манасян // Сравнительное конституционное обозрение. — 2013. — № 5.

ДЕРХО Даниил Сергеевич, судья Челябинского областного суда, Челябинский областной суд, 454000, г. Челябинск, ул. Труда, 135. E-mail: derxo@list.ru

DERHO Daniil Sergeevich, a judge of the Chelyabinsk regional court (the Chelyabinsk regional court, 454000, Chelyabinsk, street of Labour, 135). E-mail: derxo@mail.ru

А. А. Малюшин

ЮРИДИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ

A. A. Maliushin

LEGAL MEANS OF EXPRESSING LAW-MAKING FUNCTION OF CONSTITUTIONAL JUSTICE

В статье рассматриваются юридические средства правотворческой функции конституционного правосудия, различный подход авторов на понятие юридических средств определяет механизм реализации конституционно-судебного правотворчества в Российской Федерации. Юридические средства, согласно позиции автора, представляют собой институциональные явления правовой сферы: они основаны на праве, закреплены и регулируются им. Автор утверждает, что без своевременного совершенствования правовых средств, используемых в правотворческом и правореализационном процессах, невозможно оптимизировать механизм правового регулирования, настроить российскую правовую систему на социально плодотворную работу.

Ключевые слова: Конституционный Суд, правовые позиции, юридические средства, правовое регулирование, средства юридической техники.

The article considers legal means of expressing law-making function of constitutional justice, as well as various approaches to the notion of legal means. The author defines the mechanism of implementation of constitutional and judicial law-making activity in the Russian Federation. According to the author's viewpoint legal means comprise institutional phenomena of the legal sphere: they are based on confirmed rights and regulated by it. The author claims that it is impossible to optimize the mechanism of legal regulation and adapt Russian legal system to social work without well-timed improvement of legal means used in lawmaking and law-implementing proceedings.

Keywords: Constitutional court, legal propositions, legal means, legal regulations, means of legal techniques.

С целями и задачами правового регулирования в периоды коренных преобразований, модернизации общественных систем традиционно и обоснованно связывают проблему соответствующего обновления правового инструментария. В такие периоды объективно должны меняться и совершенствоваться те правовые средства, от которых зависят социальная ценность и действенность юридических институтов. Справедливо утверждение, что без своевременного совершенствования правовых средств, используемых в правотворческом и правореализационном процессах, невозможно оптимизировать механизм правового регулирования, настроить российскую правовую систему на социально плодотворную работу [1].

Следует признать, что конституционно-правовая система новой России не снаб-

жена еще в должной мере адекватными инструментами воздействия на социальные практики, а унаследованные от старой системы институты оказываются зачастую неспособными к решению возникших задач. К числу соответствующих тренду конституционной модернизации правовых институтов, по нашему мнению, принадлежит конституционно-судебное правотворчество и его особая разновидность — конституционное судебное правотворчество. Рассмотрение конкретных средств выражения правотворческой функции конституционного правосудия требует предварительного обращения к теории правовых средств.

А. В. Малько справедливо отмечает, что термин «правовые средства» имеет известную неопределенность. Рядом с ним вполне можно поставить термины

«правовые явления», «правовые феномены», «правовые факторы», «правовые условия» и т. п., которые в самом широком смысле взаимозаменяемы [1]. К правовым средствам в теории права относят нормы и принципы права, правоприменительные акты, договоры, юридические факты, субъективные права, юридические обязанности, запреты, льготы, меры поощрения, меры наказания, акты реализации прав и обязанностей и т. п. Именно через такой арсенал, набор средств обеспечивается целевое и функциональное своеобразие отраслей и институтов права.

Понятие «средство» — общенаучное, междисциплинарное. В различных отраслях знания исследуют разные средства — технические, радиоэлектронные, транспортные, производственные, лекарственные, наркотические, массовой информации, управленческие, бюджетные, валютные, денежные, финансовые, заемные, платежные, оборотные и т. д.

Толковый словарь Ушакова рассматривает средства как прием, способ действий для достижения чего-нибудь. Первую попытку философской трактовки проблемы средств предпринял Аристотель, определяя таким понятием «все то, что существует ради цели» (фактически средства); как «соответствующую цели причину»; как нечто «среднее» между целью и тем, что ею причинено [2]. «Средство» включает в себя как инструментарий, так и его использование при получении желаемого результата. В содержании цели сущее трансформируется в должное, средства же призваны обеспечить обратный переход должного (цели) в сущее (результат). В этой связи следует выделять как средства, находящиеся в сфере должного, так и средства, находящиеся в сфере сущего. «Средства достижения цели, — отмечается в философской литературе, — это объективные предметы или действия, включенные в структуру целеполагающей деятельности и обеспечивающие получение определенного результата» [3, с. 206].

В политологии под средствами понимаются не только политические нормы, ценности, декларации и иные средства-установления (инструменты), но и политические действия — забастовки, пикеты, митинги, демонстрации, выборы, референдумы, восстания и другие политико-технологические процессы, позволяющие добиваться соответствующих целей [4, тема 4; 5, с. 249—251; 46, с. 66—78; 47, гл. 4; 48, с. 43—44].

В правовой сфере получают обоснование и существуют свои средства с

присущими им особенностями. Термин «юридические средства» использовался еще в трудах дореволюционных ученых-юристов.

С психологической точки зрения о правовых средствах писал Л. И. Петражицкий. Он отмечал, что «основным методом правополитического мышления является психологическая дедукция, умозаключения на основании подлежащих психологических посылок относительно тех психических — мотивационных и педагогических — последствий, которые должны получаться в результате действия известных начал и институтов права, или относительно тех законодательных средств, которые способны вызвать известные желательные психические — мотивационные и педагогические — эффекты» [6, с. 4].

Представитель юридического позитивизма Г. Ф. Шершеневич обращал внимание на такое назначение юридических средств, как обеспечение интересов, которые, в свою очередь, «предполагают именно наличность воли, способной усвоить угрозу и воздержаться от нарушения» [7, с. 639; 49].

В самом общем виде правовые средства — это правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей [8].

Юридические средства представляют собой институциональные явления правовой сферы: они основаны на праве, закреплены и регулируются им. Благодаря этому, как отмечается в литературе, юридические средства являются важнейшими *работающими* частями права, они заключают в себе особую «правовую энергию», регулятивную силу, способность «двигать» общественные отношения, направляя их к целям правового регулирования [9, с. 149—150].

А. В. Малько называет следующие общие признаки правовых средств: 1) выражают собой все обобщающие юридические способы обеспечения интересов субъектов права, достижения поставленных целей (в этом проявляется социальная ценность данных образований и в целом права); 2) отражают информационно-энергетические качества и ресурсы права, что придает им особую юридическую силу, направленную на преодоление препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов участников правоотношений; 3) сочетаясь определенным образом, выступают основными *работающими частями* (элементами) дей-

ствия права, механизма правового регулирования, правовых режимов (т. е. функциональной стороны права); 4) приводят к юридическим последствиям, конкретным результатам, той или иной степени эффективности либо дефектности правового регулирования; 5) обеспечиваются государством [1]. Все эти признаки, на наш взгляд, важно учитывать и при анализе средств конституционно-судебного правотворчества, с учетом «поправок» на конституционное правопонимание.

Термин «юридические средства» предопределяет также анализ понятия «средства юридической техники». Средства юридической техники, по мнению С. С. Алексеева, следует рассматривать как средства юридического выражения воли законодателя и средства словесно-документального изложения содержания нормативного акта. Доктринальной модификацией этого феномена выступает представление о конституционной юридической технике, включая конституционную технику правотворчества¹.

Юридические средства выражения (оформления) воли законодателя — это идеальные формы, при помощи которых возможно строить право, создавать его конструкции (типовые схемы), облекать в юридический вид его содержание, представляющее систему позитивного права.

Средства словесно-документального изложения содержания нормативного акта — это формы, позволяющие закреплять, фиксировать надлежащим образом выраженную волю законодателя. К ним относятся составленный с помощью юридической терминологии текст документа (его реквизиты и структурное построение) [11, с. 275].

В литературе представлены различные классификации средств юридической техники. Можно согласиться с выводом о приемлемости их объединения в три основные группы: 1) общесоциальные (по природе своей не имеют юридической специфики); доктринальные (разрабатываются правовой теорией); нормативные (получают закрепление в источниках права). В известном смысле это и соответствующие уровни юридических средств, каждый из названных уровней средств юридической техники (общесоциальный, доктринальный и нормативный) выполняет свои функции в обеспечении эффективности правового регулирования [12].

Средства выражения правотворческой функции конституционного правосудия можно, таким образом, отнести к категории средств юридической техники,

представляющих собой совокупность инструментов и приемов, используемых для осуществления правотворческой функции Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов РФ. Наиболее значимыми и специфическими в ряду таких средств выступают, по нашему мнению, правовые позиции конституционных (уставных) судов.

В ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» нет легального определения правовой позиции. Законы о конституционных (уставных) судах субъектов РФ также не содержат определений правовой позиции соответствующих органов и характеризуют эти феномены преимущественно декларативным образом. Так, в законе о Конституционном Суде Республики Саха (Якутия) содержится положение о том, что решения этого органа в соответствии с точным смыслом Основного Закона Республики выражают правовую позицию судей, свободную от соображений практической целесообразности и политических склонностей [13]. Такое же положение содержит и Закон об Уставном суде Свердловской области [14].

Толкуя Конституцию РФ, выявляя конституционность правового акта, рассматривая споры о компетенции и осуществляя иные возложенные на него функции, Конституционный Суд РФ формулирует правовые позиции, получающие закрепление в различных частях его решений. Характеристика правовых позиций конституционных (уставных) судов субъектов РФ сходна с характеристикой правовых позиций Конституционного Суда РФ с той лишь разницей, что исходным критерием при формулировании правовой позиции конституционного (уставного) суда служит конституция или устав субъекта, а при формулировании правовой позиции Конституционного Суда РФ таким критерием является Конституция РФ [15, с. 537]. Поэтому считаем возможным далее рассматривать правовые позиции в качестве институционального средства выражения правотворческой функции конституционного судебного правосудия, опираясь преимущественно на анализ решений и правовых позиций Конституционного Суда РФ и распространяя полученные выводы на правовые позиции конституционных (уставных) судов субъектов РФ с учетом того принципиального обстоятельства, что последние названные органы при формулировании своих правовых позиций должны обязательно учитывать решения и правовые позиции Конституционного Суда РФ.

¹ См., в частности, [10].

В отечественной литературе феномену правовых позиций Конституционного Суда РФ уделено самое пристальное внимание, по этой проблематике защищено значительное количество кандидатских и докторских диссертаций, вместе с тем, они по-прежнему неоднозначно интерпретируются различными исследователями. Их рассматривают как: отношение суда к содержанию конституционной нормы в результате ее истолкования [16, с. 64]; некую теоретическую конструкцию, с помощью которой Конституционный Суд РФ, используя потенциал науки, преодолевает правовую неопределенность содержания той или иной нормы [17]; правовые выводы и представления Суда как результат интерпретации (толкования) Судом духа и буквы Конституции РФ и истолкования им конституционного смысла (аспектов) положений отраслевых (действующих) законов и других нормативных актов в пределах его компетенции [18, с. 95], интерпретацию Судом какого-либо явления конституционно-правовой действительности (правового принципа, нормы, понятия), проведенную при рассмотрении конкретного вопроса (дела) и выраженную в тексте итогового решения [19, с. 85].

Л. В. Лазарев под правовой позицией Конституционного Суда РФ понимает систему правовых аргументов, противоположения (правопонимания), образцы (правила, прецедентного характера) [20].

П. Е. Кондратов считает, что в решениях Конституционного Суда РФ содержится целостная система аргументации, приводимая в обоснование решения и называемая правовой позицией [21, с. 229].

М. С. Саликов полагает, что правовые позиции Конституционного Суда РФ — это «система выводов и аргументов, выявленных в ходе рассмотрения конкретных дел по сугубо определенным проблемам и имеющих общий характер, т. е. приемлемых и необходимых для решения подобных проблем при рассмотрении других дел» [22, с. 15].

Г. А. Гаджиев рассматривает правовую позицию как «обнаруженный на примере исследования конституционности оспоренной нормы принцип решения группы аналогичных дел» [23, с. 83].

С. П. Маврин полагает, что к правовым позициям следует отнести лишь те умозаключения, оценки, представления и выводы по вопросам права, которые высказывает Конституционный Суд РФ в процессе решения конкретного дела на основе толкования, истолкования или интерпретации конституционных и иных норм права [24, с. 562].

При определенных различиях приведенные представления, на наш взгляд, характеризует и известная принципиальная общность видения. Нормативно-правовой пласт, формирующийся на основе выявления конституционности у широкого круга правовых источников (конституционные принципы и нормы, нормативные положения законодательных и подзаконных актов, правоприменительная практика) и состоящий из обобщений, выводов, суждений специально уполномоченных субъектов права, приводит к созданию интегративных конституционно-правовых образований, получивших наименование «правовая позиция» органов конституционного правосудия. Сформулированная в конкретном решении правовая позиция в последующем распространяет свое действие на аналогичные конституционно-правовые ситуации. Как отмечает И. А. Чернышев, в науке правовые позиции Конституционного Суда РФ живут собственной, отдельной от его решений жизнью [25, с. 2].

Правовая позиция не исчерпывает всех правотворческих проявлений Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов РФ, но именно она наиболее наглядно демонстрирует подобное проявление как результат процесса выявления конституционности правовых актов и связанных с этим процессом суждений, выводов, обобщений и т. п.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ имеют определенные законом (ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации») юридические свойства: окончательность, непосредственность действия, невозможность преодоления решения Суда повторным принятием акта, признанного неконституционным; утрата актом юридической силы в случае признания его не соответствующим Конституции РФ. По мнению Г. А. Гаджиева, особая юридическая сила правовой позиции позволяет рассматривать ее даже в качестве принципа права [23, с. 83].

Решения самого Суда также не оставляют сомнений в общеобязательности его правовых позиций, рассчитанных на неоднократное применение и «выходящих за пределы» конкретного дела. Так, в Определении Конституционного Суда РФ от 7 октября 1997 года № 88-О указывается, что правовые позиции, содержащие толкование конституционных норм либо выявляющие конституционный смысл закона, на которых основаны выводы Конституционного Суда РФ в резолютивной

части его решений, обязательны для всех государственных органов и должностных лиц [26]; в Определении от 7 декабря 2001 года № 261-О подчеркивается недопустимость любого иного истолкования выявленного Судом общеобязательного смысла рассмотренных законоположений в последующей правоприменительной практике [27, с. 101—102].

К сожалению, российские суды (и судьи) далеко не всегда обнаруживают готовность руководствоваться правовыми позициями Конституционного Суда РФ в своей правоприменительной деятельности. Отметим, в частности, Определение Конституционного Суда РФ от 5 июня 2003 года № 277-О, где Суд, отдельно подчеркнув, что проверка законности и обоснованности решений арбитражного суда не относится к его компетенции, вместе с тем вынужден был дать отрицательную оценку решению Арбитражного суда Владимирской области, принятому вопреки ранее выработанной Конституционным Судом РФ правовой позиции [28, с. 15].

Выступая на торжественном заседании, посвященном 10-летию начала работы Конституционного Суда РФ, В. М. Лебедев отметил значение правовых позиций Суда как базы для нового правового сознания, для юридического мышления, основанного на достижениях современной юридической науки, подчеркнул их влияние на развитие правовой базы в целом и совершенствование отдельных правовых институтов [29, с. 10]. Институт конституционно-судебного творчества, разумеется, занимает особое место в этом ряду. За последние годы в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов закрепились практика использования правовых позиций Конституционного Суда РФ при вынесении решений, при этом в самих решениях нередко делается ссылка на конкретную правовую позицию и ее источник. Так, Президиум Верховного Суда РФ, отменяя определение Судебной коллегии по уголовным делам, в обоснование своих выводов сослался на ряд решений Конституционного Суда РФ, закрепляющих правовые позиции, применимые к рассматриваемым вопросам [30, с. 6—7].

Правовая позиция Конституционного Суда РФ — это особая форма конституционно-правового обобщения, в которой с высокой степенью концентрированности выражены окончательные выводы и суждения Суда относительно конституционности рассматриваемых в конституционно-судебной процедуре правовых принципов и норм. Нет, конеч-

но, оснований противопоставлять какую-либо часть (элемент) решения (акта) Суда его правовой позиции, изложенной в этом же акте, учитывая, что фиксируют они общие выводы относительно конституционности и основываются решающим образом на одних и тех же доводах, основаниях и суждениях. Но с позиций технико-инструментального анализа, конституционно-правовые конструкции, резолюции и правовые позиции все-таки различаются, что существенно в сфере рассматриваемой проблематики.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 года № 10-П [31] сформирована правовая позиция, согласно которой территориальные органы федеральных органов исполнительной власти полномочий Российской Федерации по вопросам совместного ведения дает федеральному законодателю право предусмотреть возможность согласования с законодательным (представительным) органом субъекта РФ назначения на должность руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти. Однако, как подчеркнул Конституционный Суд РФ, не могут затрагиваться прерогативы Российской Федерации в конечном счете самостоятельно решать данный вопрос при условии обязательного использования установленных Конституцией РФ и федеральным законом необходимых согласительных и юрисдикционных процедур. Данная правовая позиция в равной мере относится к назначению на должность руководителей территориальных органов любых федеральных органов исполнительной власти, что получило развитие в определении Конституционного Суда РФ от 28 октября 2000 года. В этом определении Суд уточнил, что принятие решения при назначении на должность руководителей территориальных органов федеральных органов налоговой полиции в конечном счете остается за самой Федеральной службой налоговой полиции РФ, так как иное могло бы препятствовать формированию единой системы исполнительной власти в Российской Федерации. Затем на основании той же первоначально сформированной правовой позиции Конституционный Суд РФ в определении от 21 декабря 2000 года установил нормативное правомочие: МВД РФ, как и любой иной федеральный орган исполнительной власти, вправе при неполучении в результате проведения обязательных согласительных процедур согласия соответствующих органов госу-

дарственной власти субъекта Российской Федерации на назначение конкретного лица на должность руководителя территориального органа, осуществляющего в этом субъекте РФ федеральные полномочия, самостоятельно решать вопрос о его назначении.

О нормативной природе правовой позиции Конституционного Суда РФ свидетельствует и тот факт, что выработанная при конкретных условиях конституционного судопроизводства, она тем не менее сохраняет свое значение и для иных существенно сходных обстоятельств. Так, сформулированная Конституционным Судом РФ в Постановлениях от 13 ноября 1995 года, от 29 апреля 1998 года, от 23 марта 1999 года, от 14 февраля 2000 года и от 18 февраля 2000 года правовая позиция в полной мере распространяется, как об этом констатировано в Определении Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2000 года [32], на отношения, связанные с обжалованием продления срока содержания под стражей, а поэтому соответствующие правоохранительные органы обязаны, обеспечивая обвиняемому право на обжалование в суд постановления о продлении срока содержания под стражей, ознакомить его с содержанием данного постановления.

Аналогичным образом правовая позиция, сформированная в Постановлении Конституционного Суда РФ от 18 февраля 2000 года по делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», является *полностью применимой*, как об этом сказано в Определении Конституционного Суда РФ от 6 июля 2000 года, к ситуациям, связанным с обеспечением доступа лиц, чьи права и свободы затрагиваются решением об отказе в возбуждении уголовного дела, и к материалам, на основании которых было вынесено это решение [33].

Понимая правовую позицию Конституционного Суда РФ как этап познания конституционной нормы права, В. О. Елеонский приходит к выводу, что различное понимание одной и той же конституционной нормы по различным делам свидетельствует о продолжающемся процессе ее познания. Соответственно, правовая позиция Конституционного Суда РФ — это не сама норма, а то или иное понимание ее смысла. Поэтому неверно утверждать, что правовые позиции Суда могут противоречить друг другу.

Поскольку Конституционный Суд РФ разрешает отнесенные к его ведению дела на основе определенного понима-

ния конституционной нормы, постольку, как отмечает В. О. Елеонский, «правовая основа решения (норма) не совпадает с результатом познания этой основы, выраженным решением, т. е. не совпадает с правовой позицией суда или, иначе, с пониманием им конституционной нормы на данный момент времени». Правовую позицию Конституционного Суда РФ формирует его приверженность конституционным нормам, т. е. — приверженность праву; это, однако, не обеспечивает конечный, т. е. абсолютно верный, результат познания права на данный момент времени (по данному конкретному делу) [34, с. 96]. Именно представление о практике конституционного судебного правотворчества позволяет объяснить, почему по одному и тому же вопросу с течением времени может быть несколько последовательно выраженных правовых позиций Конституционного Суда РФ. Конституционное правотворчество есть также и правопознание: взаимно дополняя и корректируя друг друга, правовые позиции Суда дают все более полное и динамичное понимание соответствующей конституционной нормы.

Как справедливо отмечал Н. В. Витрук, нет оснований считать правовые позиции Конституционного Суда РФ *всею лишь* рекомендациями, хотя бы и особого рода. Авторитетный ученый, как уже отмечалось, приравнивал по юридической силе эти правовые позиции к юридической силе самой Конституции РФ [18, с. 96]. Во всяком случае, юридическая сила правовых позиций Конституционного Суда РФ составляет важнейший компонент конституционности и выступает средством выражения правотворческих проявлений в деятельности Суда.

Как отмечалось выше, хотя статус Конституционного Суда РФ и не предполагает обжалование принимаемых им решений, специфическая корректировка правовых позиций Суда может иметь место. Утратившая силу ст. 73 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» допускала изменение правовой позиции, выраженной Судом в ранее принятых решениях, при обязательном рассмотрении соответствующего дела в пленарном заседании Суда. Поводом для этого могло послужить обращение в Конституционный Суд РФ любого из управомоченных на это субъектов, в том числе и жалоба гражданина. Согласно положениям, содержащимся в Определении Конституционного Суда РФ от 13 января 2000 года, такая инициатива могла исходить от судей Конституционного Суда РФ, пришедших при рассмотрении ново-

го дела к выводу о необходимости изменения правовой позиции [35]. Подобное положение дел, на наш взгляд, мало соотносилось с представлением о правовой позиции Конституционного Суда РФ нормативно-доктринальной квинтэссенции принимаемого Судом решения, как продукта и его нормотворческой деятельности.

Однако и после изменений в законодательстве сохраняют теоретический и практический интерес вопросы о том, что же такое правовая позиция Конституционного Суда РФ; совпадает ли это понятие по объему с понятием «решение Конституционного Суда РФ»; содержится ли правовая позиция Суда в мотивировочной или же в резолютивной части его решения; могут ли правовые позиции Суда содержаться в так называемых «отказных» определениях суда и т. д.? Все они значимы и для теории конституционного судебного правотворчества.

Применительно к выделенному вопросу о соотношении М. С. Саликов отмечает, что «решения и правовые позиции суда тесно связаны между собой, но не совпадают ни по объему, ни по правовым последствиям» [22, с. 14].

В. А. Кряжков утверждает, что «правовые позиции представляют собой логико-правовое обоснование конечного вывода конституционного (уставного) суда, содержащегося в постановляющей части его решения, формулируемое в виде правовых умозаключений, установок, имеющих общеобязательное значение».

Широким охватом отличается видение Н. В. Витрука. В его характеристике правовых позиций Конституционного Суда РФ есть правовые представления (выводы) общего характера как результат толкования Судом Конституции РФ и выявления им конституционного смысла положений законов и других нормативных актов, которые снимают конституционную неопределенность и служат *правовым основанием* итоговых решений Суда [18, с. 95].

А. Курбатов считает, что правовая позиция Конституционного Суда РФ представляет собой обязательную для исполнения часть решения, выражающую коллективную позицию его судей по поводу применения тех или иных норм Конституции РФ [36].

В. О. Лучин и М. Г. Моисеенко приходят к выводу, что с помощью правовых позиций, отражающих аргументы, мотивы, доказательственную базу, примененные им при рассмотрении дела, Конституционный Суд РФ санкционирует общеобязатель-

ность понимания конституционных и иных правовых норм и возводит ее в ранг государственной воли [37, с. 57—58]. Обобщая значительный круг суждений, эти авторы выделяют следующие черты правовых позиций Конституционного Суда РФ как *источников* права: отражение государственной воли в предписанной законом форме и параметрах; общеобязательный характер и качество регулятора определенного вида общественных (конституционных) отношений; выполнение роли нормативной основы в правовой системе, а также — ориентира в правотворчестве и правоприменении. В итоге же правовые позиции трактуются ими как особый юридический источник, суммарно отражающий коллективную волю Суда, сочетающий различные виды толкования правовой нормы и ее разъяснение с целью выявления той сути конституционного значимого предмета рассмотрения, «которую законодатель либо иные субъекты правотворчества вложили в словесную формулировку» [37, с. 57—58].

Выше мы уже касались этой проблемы и здесь должны повторно указать на некорректность подведения правовой позиции Конституционного Суда РФ под понятия источника (формы) права. Формой права является решение органа конституционного правосудия в целом, правовая же позиция — это средство выражения правотворческой функции, то есть фактически особое правоположение (норма права), созданное Судом в рамках конституционного судопроизводства.

Современная юридическая наука и практика должны учитывать наличие в механизме правового регулирования и таких средств как правовые позиции органов международной, конвенционной юстиции, в частности, Европейского Суда по правам человека (далее — Европейский Суд). В этой связи в литературе отмечается, что если правовые позиции Конституционного Суда РФ по сути являются нормами, конкретизирующими Конституцию РФ, то Европейского Суда конкретизируют Европейскую конвенцию, являющуюся согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ частью российской правовой системы [38, с. 52]. Одной подобной констатации, очевидно, недостаточно, и мы вернемся далее к обозначенной здесь проблеме.

Выделяя особое инструментальное значение правовых позиций Конституционного Суда РФ, мы не можем согласиться с утверждениями о том, что лишь они и обладают признаком обязательности в решениях этого органа. Такое восприятие не только теоретически несостоятель-

но, но и противоречит нормам ст. 6 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» (а также нормам соответствующих законов субъектов РФ). Применительно к названным признакам речь идет именно о решениях в целом, а не о какой-либо их части. Некорректно, по нашему мнению, и отождествление правовой позиции с итоговым выводом Конституционного Суда РФ или в целом с его решением. В этом смысле прав Б. С. Эбзеев, утверждающий, что в определенном смысле решения Конституционного Суда РФ и его правовые позиции соотносятся как форма и содержание [39, с. 561].

В решениях Конституционного Суда РФ (конституционных (уставных) судов субъектов РФ) действительно можно выделить отдельные части, различающиеся по характеру нормативной определенности содержащихся в них положений: кроме самой «нормы» в решении приводятся и определенные доводы, обоснования, подкрепляющие необходимость ее существования, что не присуще другому источникам права. В этой связи Г. А. Гаджиев, ссылаясь на английскую правовую доктрину [40, с. 11], различает в решениях конституционных (уставных) судов *ratio decidendi* — решающий довод, аргумент, обязательный для применения другими судами (который и образует правовую норму, заключенную в решении суда), и *попутно сказанное* [23, с. 83]. Так, в Постановлении от 21 июня 1996 года Конституционный Суд РФ, определяя *недопустимость* введения законами субъектов РФ дополнительных требований, ограничивающих права граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления (нормативное положение), «попутно» указывает, что в соответствии со ст. 76 Конституции РФ законы и иные нормативные акты субъектов не могут противоречить федеральным законам, принятым по предметам ведения Российской Федерации либо по предметам совместно ведения Российской Федерации и ее субъектов [41].

Вызывает научные споры вопрос о юридической силе правовых позиций, изложенных в резолютивной и мотивировочной частях решений, и связанная с этим их обязательность для правоприменительных органов.

Б. А. Страшун считает, что «постановление обязательно целиком, а не только в резолютивной части, хотя последняя и представляет собой необходимый концентрированный вывод из изложенного в мотивировке» [42, с. 115].

С. П. Маврин подчеркивает недопустимость отождествления правовых позиций с излагаемым в резолютивной части *итоговым выводом* Конституционного Суда РФ. Такой вывод обычно представлен достаточно лаконичной фразой, не содержит каких-либо развернутых суждений Суда, в том числе способных претендовать на роль правовой позиции. Правовые позиции Суда содержатся не в резолютивной, а в мотивировочной части его решения [24, с. 563].

В. А. Кряжков также справедливо замечает, что ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» не делает различий между правовыми позициями с точки зрения необходимости сохранения их стабильности.

Нельзя не признать того факта, что правовые позиции Конституционного Суда РФ чаще всего содержатся в его постановлениях. Вместе с тем полагаем, что встречаются они и в решениях других видов, включая так называемые «отказные» определения Суда. В таких случаях правовые позиции носят преимущественно процессуальный, а не материальный характер, включая конституционно-правовые обоснования выводов о неподведомственности и допустимости рассматриваемых дел. В этом аспекте нам близка точка зрения Б. А. Страшуна и И. В. Суханиной о том, что правовая позиция может находиться не только в постановлении суда, завершающем дело, но и в определении, которым суд отказывает заявителю в принятии его обращения к рассмотрению [43, с. 639].

По нашему мнению, следует также признать одинаковую юридическую силу правовых позиций Конституционного Суда РФ, высказанных в различных частях различных видов его решений. Так, в Определении от 27 сентября 1995 года об отказе в принятии к рассмотрению жалобы министра иностранных дел А. В. Козырева о признании неконституционной ст. 7 ГК РСФСР, гарантирующей защиту чести и достоинства, Конституционный Суд РФ указал, что суды общей юрисдикции вправе и обязаны обеспечивать должное равновесие при использовании конституционных прав на защиту чести и достоинства, с одной стороны, и на свободу слова, с другой стороны [23, с. 82—83].

Сходной точки зрения придерживается и В. Анишина, полагая, что мотивировочная часть решения Конституционного Суда РФ образует неразрывное единство с резолютивной частью, раскрывая конституционное содержание правовой нормы и сопоставляя ее с позицией зако-

нодателя, а сами правовые позиции могут содержаться в любых постановлениях и определениях суда [44, с. 11].

В. О. Лучин подчеркивает, что «обязательно толкование, даваемое не только в резолютивной части любого решения Конституционного Суда, но и в мотивировочной части».

Правовые позиции Конституционного Суда РФ имеют равную юридическую силу независимо от того, сформулированы они пленумом суда или его палатой, содержатся в постановлении или определении, — указывают Б. А. Страшун и И. В. Сухина [43, с. 639].

В. А. Кряжков и Л. В. Лазарев считают, что юридически обязательны не все, а лишь некоторые из правовых позиций, а именно: те, которые прописаны в решениях о толковании Конституции РФ, а также содержащиеся в резолютивной части иных решений во взаимосвязи с выводами их мотивировочной части; другие позиции имеют юридически ориентирующий и координирующий смысл. С таким мнением нельзя согласиться, так как правовые позиции носят общий характер, то есть распространяются не только на конкретный случай, ставший предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ, но и на все аналогичные случаи, имеющие место в правовой практике.

Разделяя позицию о том, что толкование конституционных положений недопустимо в отрыве от относящихся к ним правовых позиций Конституционного Суда РФ и тем более в противоречии с ними [43, с. 639], полагаем, что недопустимо оспаривать обязательность правовой позиции для любого правоприменителя. Она такой же источник российского конституционного права, как и всякая норма Конституции РФ. По этому поводу В. А. Сивицкий справедливо замечает, что любая правовая позиция Конституционного Суда РФ имеет непререкаемое значение для должного правового регулирования конституционно-правовых отношений и реализации норм конституционного права. Правоприменителю должно быть безразлично, отменяет его решение в дальнейшем или нет, поэтому он, зная правовые позиции суда, должен избегать принятия решения, основанного на норме, им противоречащей, поскольку такое решение может быть отменено как принятое на основе положения противоречащего Конституции РФ.

Как отмечают Н. С. Бондарь и Ю. В. Капранова, Конституционный Суд РФ, «выявляя неявный смысл конституционных норм, определяя собственную правовую

позицию по оспоренной норме, формирует принцип решения группы аналогичных дел» [45, с. 131].

Н. В. Витрук также не проводил различий, отмечая, что правовые позиции Конституционного Суда РФ являются самостоятельными, занимают самостоятельное место в правовой системе, имеют общий характер и обязательны для всех субъектов права.

Таким образом, мы полагаем, что под правовыми позициями следует понимать закрепленные в решении органа конституционной юстиции правовые положения особого вида и уровня нормативности, служащие образцом для решения вопросов, возникающих в будущем, в которых выводы Конституционного Суда РФ, конституционных (уставных) судов субъектов РФ, сделанные ими при рассмотрении конкретного дела, подкреплены определенными доктринальными обоснованиями и фактическими основаниями. В решении могут быть высказаны правовые позиции как по одному, так и по нескольким важным вопросам; правовая позиция может быть выражена в любой части решения соответствующих органов.

При этом с позиций конституционного правопонимания лишь особые — в единстве конституционно обоснованных свойств и признаков — вырабатываемые Конституционным Судом РФ, могут называться правовыми позициями, поскольку только они наделены исключительным качеством неопровержимости (конституционной легитимности). Объем и весомость конституционного судебного правотворчества значительно варьируются в зависимости от конституционно-правовых статусов, функционально-иерархической соотнесенности и назначения в судебной системе Российской Федерации субъектов такой деятельности. С учетом исключительного положения Конституционного Суда РФ, даже по отношению к нормативно-правовым положениям, вырабатываемым конституционными (уставными) судами субъектов РФ, следует воздерживаться от использования термина «правовая позиция». Ввиду этого обстоятельства такие нормативные положения должны применяться судами (и другими правоприменителями) постольку, поскольку это не противоречит принципам национальной конституционной юстиции, конституционной модели российского федерализма и конституционно выверенной иерархии (юридической силе) нормативных положений в системе российского права.

Литература

1. Малько, А. В. Правовые средства как общетеоретическая проблема / А. В. Малько // Правоведение. — 1999. — № 2. — С. 4—16.
2. Философская энциклопедия. URL: dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/
3. Материалистическая диалектика: краткий очерк теории. — М., 1985.
4. Политология / под ред. А. А. Радугина. — М., 1996.
5. Мельник, В. А. Политология / В. А. Мельник. — Минск, 1996.
6. Петражицкий, Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии / Л. И. Петражицкий. — СПб., 1908.
7. Шершеневич, Г. Ф. Общая теория права / Г. Ф. Шершеневич. — М., 1912.
8. Малько, Л. В. Правовые средства: вопросы теории и практики / Л. В. Малько // Журнал российского права. — 1998. — № 8. — С. 66—77.
9. Шундилов, К. В. Юридические средства реализации правовой политики / К. В. Шундилов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1997. — № 4.
10. Крусс, В. И. Конституционные критерии и пределы модернизации правотворческой техники / В. И. Крусс // Юридическая техника : ежегодник. — 2012. — № 6. — С. 252—263.
11. Алексеев, С. С. Общая теория права : в 2 т. / С. С. Алексеев. — Т. 2. — М. : Юридическая литература, 1981.
12. Давыдова, М. Л. Средства юридической техники и проблема ограничения прав и свобод человека / М. Л. Давыдова // Российский государственный гуманитарный университет. Юриспруденция. — 2010. — № 18. URL: http://www.pravorggu.ru/2010_18/davydova_7.shtml
13. О Конституционном Суде Республики Саха (Якутия): Закон Республики Саха (Якутия) от 7 февраля 1992 г. // Якутские ведомости. — 1992. — 25 фев.
14. Об Уставном суде Свердловской области : закон Свердловской области от 6 мая 1997 г. // Ведомости Законодательного Собрания Свердл. обл. — 1997. — № 14.
15. Витрук, Н. В. Конституционное правосудие: судебное конституционное право и процесс / Н. В. Витрук. — М. : Закон и право, 1998. — 376 с.
16. Гаджиев, Г. А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации / Г. А. Гаджиев // Северо-Кавказский юридический вестник. — 1997. — № 3.
17. Богданова, Н. А. Конституционный Суд РФ в системе конституционного права / Н. А. Богданова // Вестник Конституционного Суда РФ. — 1997. — № 3. — С. 59—68.
18. Витрук, Н. В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение / Н. В. Витрук // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. — 1999. — № 3.
19. Романова, О. В. К вопросу о понятии и правовой природе правовых позиций Конституционного Суда РФ / О. В. Романова // Государство и право. — 2001. — № 7.
20. Лазарев, Л. В. Конституционный Суд России и развитие конституционного права / Л. В. Лазарев // Журнал российского права. — 1997. — № 1. — С. 3—13.
21. Федеративный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Комментарий. — М., 1996.
22. Саликов, М. С. О сущности правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации / М. С. Саликов // Рос. юрид. журн. — 2003. — № 1 (37).
23. Гаджиев, Г. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права / Г. Гаджиев // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. — 1999. — № 3.
24. Маврин, С. П. Некоторые соображения о понятии правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации / С. П. Маврин // Актуальные вопросы конституционного правосудия (по материалам «Журнала конституционного правосудия»).
25. Чернышов, И. А. Правовые позиции в решениях Конституционного Суда России / И. А. Чернышов // Журнал конституционного правосудия. — 2009. — № 5.
26. СЗ РФ. — 1996. — № 50. — Ст. 5679.
27. Вестник Конституционного Суда РФ. — 2002. — № 3.
28. Российская газета. — 2003. — 14 окт.
29. Лебедев, В. М. Выступление на торжественном заседании, посвященном 10-летию начала работы Конституционного Суда РФ / В. М. Лебедев // Государство и право. — 2002. — № 4.
30. Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2003. — № 5.
31. СЗ РФ. — 2000.
32. Российская газета. — 2001. — 6 мар.
33. СЗ РФ. — 2000. — № 9. — Ст. 1066.
34. Елеонский, В. О. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по отдельным аспектам федеративного устройства России / В. О. Елеонский // Теоретические проблемы Российского конституционализма. — М., 2000.

35. Российская газета. — 2000. — 29 мар.
36. Курбатов, А. Конституционный Суд без работы не останется / А. Курбатов // Правовые новости. — 2001. — 9 апр.
37. Лучин, В. О. Формирование правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации по проблемам конституционного права / В. О. Лучин, М. Г. Моисеенко // Теоретические проблемы российского конституционализма. — М., 2000.
38. Кучин, М. В. Прецедентное право Совета Европы и правовая Система Российской Федерации: проблемы взаимодействия / М. В. Кучин // Правоведение. — 2001. — № 1.
39. Эбзеев, Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации / Б. С. Эбзеев. — М., 2005.
40. Кросс, Р. Прецедент в английском праве / Р. Кросс. — М. : Юрид. лит., 1985.
41. По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 20 Закона Республики Башкортостан «О выборах депутатов Государственного Собрания Республики Башкортостан» в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан : Постановление Конституционного Суда РФ от 21 июня 1996 года // Вестник Конституционного Суда РФ. — 1996. — № 4.
42. Страшун, Б. А. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник права / Б. А. Страшун // Избирательное право и избирательный процесс...
43. Страшун, Б. А. О базе данных «Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации» / Б. А. Страшун, И. В. Сухинина // Актуальные вопросы конституционного правосудия (по материалам «Журнала конституционного правосудия»).
44. Анишина, В. Правовые позиции Конституционного Суда России / В. Анишина // Российская юстиция. — 2000. — № 7.
45. Бондарь, Н. С. Конституционное измерение равноправия граждан Российской Федерации / Н. С. Бондарь, Ю. В. Капанова. — Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 2002.
46. Политология. — Минск, 1997.
47. Пугачев, В. П. Введение в политологию / В. П. Пугачев, А. И. Соловьев. — М., 1997.
48. Демидов, А. И. Политология в вопросах и ответах / А. И. Демидов, А. В. Малько. — М., 1998.
49. Жижиленко, А. А. Наказание, его понятие и отличие от других правоохранительных средств / А. А. Жижиленко. — СПб., 1914.

МАЛЮШИН Алексей Александрович, судья Федерального арбитражного суда Московского округа. 127994, Москва, ГСП-4, ул. Селезневская, д. 9. E-mail: lebedev_va@bk.ru

MALYUSHIN Aleksey Aleksandrovich, judge of the Federal Arbitration Court of Moscow district. 9 Seleznevskaya Street, GSP-4, Moscow, 127994. E-mail: lebedev_va@bk.ru

УДК 341.185 + 342.24
ББК Х400.532.2 + Х400.532.22

Р. Р. Муллагалеева

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ МЕЖПАРЛАМЕНТСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

R. R. Mullagaleeva

INTERREGIONAL INTERPARLIAMENTARY COOPERATION OF CONSTITUENT UNITS OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье рассматриваются основные формы и общие организационные основы межрегионального межпарламентского сотрудничества субъектов Российской Федерации. Анализируется правовой статус и порядок функционирования парламентских ассоциаций регионов Российской Федерации. Исследуется понятие внутригосударственного модельного правотворчества, а также возможность эффективного участия в его развитии межрегиональных межпарламентских ассоциаций. Отдельное внимание уделено правовому статусу и эффективности межрегиональных соглашений, заключаемых законодательными (представительными) органами субъектов. Статья содержит выводы о существующих проблемах современного межрегионального межпарламентского сотрудничества субъектов.

Ключевые слова: межпарламентское сотрудничество, представительные (законодательные) органы власти, федерализм.

The article considers the basic forms and general organizational fundamentals of interregional interparliamentary cooperation of constituent units of the Russian Federation. It analyzes the legal status and functioning proceedings of parliamentary associations of the regions of the Russian Federation. The article studies the notion of domestic law-making model and the ability to participate effectively in the development of interregional parliamentary associations. Special attention is paid to the legal status and the effectiveness of interregional agreements made by the legislative (representative) bodies of constituent units of the Russian Federation. The article also contains conclusions on the existing problems of modern interregional interparliamentary cooperation of constituent units of the Russian Federation.

Keywords: interparliamentary cooperation, representative (legislative) bodies of state power, federalism.

Государственная региональная политика в Российской Федерации направлена на обеспечение сбалансированного социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом состоянии регионов и качестве жизни [1]. Государственной программой «Региональная политика и федеративные отношения», утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 26.03.2013 № 435-р, предусмотрено, что эффективность осуществления региональной политики вытекает из решения задач дальнейшего развития федеративных отношений [2].

В свою очередь, еще в 1996 году Указом Президента РФ «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации» подчеркивалось, что развитие федеративных отношений, сохранение и укрепление единства правового пространства Российского государства во многом зависит от организации взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления [3].

Однако в литературе справедливо отмечается, что в рамках существующей на сегодняшний день модели российского

52

Конституция,
государство и общество

федерализма процесс налаживания связей между субъектами и правовое регулирование таких связей представляют определенную сложность [4, с. 37].

В настоящей статье мы рассмотрим организационные основы межпарламентского сотрудничества или взаимодействия законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации на межрегиональном уровне.

Наиболее распространенной формой взаимодействия законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации является сотрудничество в рамках функционирования парламентских ассоциаций субъектов Российской Федерации. Данные ассоциации являются самостоятельными субъектами межпарламентской деятельности. В литературе отмечается, что присущие им функции и правовое положение позволяют рассматривать ассоциации в виде наиболее эффективных средств совершенствования и дальнейшего развития регионального межпарламентского сотрудничества [5, с. 127].

Парламентские ассоциации представляют собой консультативно совещательные органы, образованные в целях выработки согласованных подходов к осуществлению конституционной и экономической реформ, обеспечения прав и законных интересов граждан и решения иных важнейших вопросов, представляющих общий интерес субъектов того или иного региона Российской Федерации. Подобная формулировка правового статуса присутствует в Договоре об образовании Северо-Западной Парламентской ассоциации, а также в Договоре об образовании Южно-Российской Парламентской Ассоциации.

Сфера функционирования парламентских ассоциаций обширна. Вместе с тем существует перспективное и эффективное направление деятельности, которому в настоящее время не уделяется достаточного внимания. Речь идет о процессе модельного правотворчества. В рамках настоящей работы мы рассматриваем это явление с точки зрения участия в нем межрегиональных парламентских ассоциаций субъектов федеративного государства.

Данный термин — модельное правотворчество — чаще всего употребляется в международно-правовом аспекте. В этом ракурсе применение понятия «модельное правотворчество» в совокупности с терминами «модельный правовой акт» или «модельный закон» прежде всего ассоциируется с функционированием таких организаций, как Межпарламентская

ассамблея государств (МПА) участников Содружества независимых государств и Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС).

При этом внутригосударственное модельное правотворчество остается малоисследованным, хотя и обладает большим потенциалом для развития национального права государства и законодательства [5, с. 128].

В учредительных документах парламентских ассоциаций редко встречается применение термина «модельный акт». Исключение составляет лишь Соглашение о создании Ассоциации законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации Приволжского федерального округа. Так, в статье 8 предусмотрено полномочие ассоциации по разработке рекомендательных законодательных актов (модельных) по вопросам, находящимся в сфере общих интересов Сторон [6].

В настоящее время практика модельного правотворчества на региональном уровне не так востребована. На наш взгляд, подобная тенденция неблагоприятна, поскольку модельное правотворчество может способствовать гармонизации регионального законодательства и поиску единых решений по различным вопросам внутригосударственной правовой регламентации.

Вторым важным направлением межрегионального сотрудничества является практика заключения Соглашений о межпарламентском сотрудничестве.

Заключенные соглашения предусматривают координацию законодательных инициатив субъектов в Федеральном Собрании Российской Федерации, разработку совместных законопроектов, поддержку проектов и законодательных предложений, вносимых в Государственную Думу участниками соглашений. Это позволяет скоординировать деятельность законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации по защите взаимных интересов в федеральном парламенте, что имеет важное значение для согласования федерального и регионального законодательства, формирования в России единого правового пространства.

На основании проведенного исследования, а также имеющейся в общем доступе информации о деятельности парламентских ассоциаций нельзя не констатировать, что в настоящее время акцент межрегионального взаимодействия смещен в сторону исполнительных органов власти, так как обусловлен эко-

номической компонентой развития регионов [4, с. 45].

В целях оптимизации межрегионального межпарламентского сотрудничества, как способа тиражирования лучшей законотворческой практики, на наш взгляд, необходимо выработать единую

концепцию реализации межрегиональной правотворческой деятельности в Российской Федерации, а также расширить практику применения парламентскими ассоциациями модельного правотворчества на региональном уровне.

Литература

1. СЗ РФ. — 2008. — № 47. — Ст. 5489.
2. СЗ РФ. — 2013. — № 13. — Ст. 1600.
3. СЗ РФ. — 1996. — № 23. — Ст. 2756.
4. Мещерякова, М. А. Правовые основы регламентации взаимодействия субъектов Российской Федерации / М. А. Мещерякова // Журнал российского права. — 2010. — № 9.
5. Хабибуллина, Г. Р. Ассоциации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и их роль в развитии модельного правотворчества / Г. Р. Хабибуллина, Р. И. Нуртдинова // Вестник Удмуртского университета. — 2012. — Вып. 2.
6. URL: http://samgd.ru/activity/mezhparlamentskoe_sotrudnichestvo/associacija_zakonodatelej/5934/

МУЛЛАГАЛЕЕВА Регина Радмировна, аспирант Института права, Башкирский государственный университет. 450076, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32. E-mail: ufamrr@mail.ru

MULLAGALEEVA Regina Radmirovna, PhD student of the Institute of Law of Bashkir State University, 32, Zaki Validi Str., Ufa, 450076, Republic of Bashkortostan, Russian Federation. E-mail: ufamrr@mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

УДК 342.9.0.03
ББК Х401.041(2Р36)

И. В. Выдрин

РЕГИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

I. V. Vydrin

REGIONAL LEGISLATION ON ADMINISTRATIVE OFFENSES (ON THE EXAMPLE OF THE URAL FEDERAL DISTRICT)

В статье на примере субъектов РФ в составе Уральского федерального округа рассматривается законодательство об административных правонарушениях: истоки его становления, круг и пределы регулируемых им вопросов, особенности отдельных административных составов. Выявляется общее и особенное в регулировании административной ответственности за совершение административных правонарушений, для чего сопоставляются отдельные нормы КоАП РФ и соответствующих региональных законодательных актов. Формулируются выводы, имеющие отношение к нынешнему состоянию законодательства субъектов Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: региональное законодательство, административная ответственность, административные правонарушения, субъекты административной ответственности, составы административных правонарушений.

The article considers regional legislation on administrative offenses on the example of the constituent units of the Russian Federation as part of the Ural federal district, namely the its origin, range and limits of questions it regulates, as well as the peculiar features of certain overhead personnel. The author reveals the common and peculiar features in the process of regulation of administrative liability for committing administrative crimes. For this purpose the author compares certain statutory acts of the Administrative Code of the Russian Federation and corresponding regional statutory acts. Conclusions related to the modern state of administrative legislation of constituent units of the Russian Federation are formed.

Keywords: regional legislation, administrative liability, administrative offences, subjects of administrative liability, set of elements of administrative offences.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), вступивший в силу с 1 июля 2002 г., стал, по замечанию профессора Д. Н. Бахраха, монопольным источником федеральных норм об административной ответственности. С этого же времени система административных пра-

вонарушений и административная ответственность регулируются только законами, причем федеральными (в основном) и региональными (частично) [1, с. 465—466]. Упоминания об участии регионов содержатся в нескольких статьях КоАП РФ (ст. 1.1, 1.3.1, 2.10). Федеральным законом от 28 декабря 2009 г. № 380-ФЗ

55

Административное
право

«О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [2] были сформулированы предметы ведения субъектов Федерации в этой сфере, которые коснулись следующих вопросов.

Во-первых, субъекты РФ получили право устанавливать административную ответственность за нарушение собственного законодательства (законов и иных нормативных правовых актов), а также нормативных актов органов местного самоуправления. В качестве источника такой ответственности теперь выступают исключительно региональные законы, а не указы губернатора или, скажем, постановления правительства области. Во-вторых, в их ведении отныне находится организация производства по делам об административных правонарушениях, но не всех, а только тех, которые предусмотрены, опять же, региональными законами. В-третьих, субъекты РФ вправе определять подведомственность административных дел. В-четвертых, им принадлежит право создания административных комиссий. В-пятых, субъекты Федерации вправе определять перечень должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных нарушениях. Многие регионы намеренно подчеркивают, что устанавливают административную ответственность по вопросам, не имеющим федерального значения. К характеристике нескольких таких вопросов мы еще вернемся в конце статьи, иллюстрируя, на наш взгляд, оригинальность региональных составов административных правонарушений.

Все субъекты в составе Уральского федерального округа (а некоторые уже и не по разу) воспользовались предоставленным правом, приняли собственные законодательные акты, которые обычно так и называются — «об административных правонарушениях». Основания административной ответственности очерчены в них примерно одинаково: нарушение правил и норм, установленных законами, иными нормативными актами субъектов Федерации, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления — все в точности, как в КоАП РФ.

Имеет смысл лишний раз подчеркнуть, что речь идет сугубо о нормативных актах, а не о региональных и муниципальных правовых актах вообще. Административная ответственность, таким образом, всегда связывается с нормативностью документа, его направленностью на регулирование действительно важных общественных отношений, широкоим кругом субъектов,

которым адресованы установленные им правила поведения, неограниченным сроком их действия (т. е. с традиционным набором признаков любого нормативного акта).

Любопытна особенность Закона Ямало-Ненецкого автономного округа от 16 декабря 2004 г. № 81-ЗАО «Об административных правонарушениях», в одной из начальных статей которого сказано, что устанавливающее административную ответственность окружное законодательство состоит только лишь из данного закона. Случающиеся время от времени изменения осуществляются путем внесения поправок опять-таки в этот же закон. На наш взгляд, данная норма совсем не лишняя, поскольку является результатом однозначного понимания КоАП РФ — перечень административных нарушений и санкции за них устанавливаются исключительно законом. Аналогичный подход, причем в тождественных формулировках, демонстрирует Закон от 14 июня 2005 г. № 52-ОЗ «Об административных правонарушениях на территории Свердловской области».

Некоторые субъекты РФ в составе Уральского федерального округа определяют виды административных наказаний (Ямало-Ненецкий автономный округ), лиц, подлежащих административной ответственности (Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ), обстоятельства, смягчающие административную ответственность (Ямало-Ненецкий автономный округ). Челябинская, Свердловская и Курганская области обходятся без этой «теории», сразу же начинают с составов административных правонарушений.

Согласно Закону Ханты-Мансийского автономного округа от 11 июня 2010 г. № 102-ОЗ «Об административных правонарушениях» к ответственности привлекаются физические лица (граждане РФ, иностранные граждане, лица без гражданства), должностные и юридические лица. Термин «должностное лицо» используется здесь в точном соответствии с примечанием к ст. 2.4 КоАП РФ. Раскроем его. Это лицо, постоянно, временно или в соответствии со специальными полномочиями осуществляющее функцию представителя власти, т. е. наделенное распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости от него, а равно лицо, выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственном органе, органе местного самоуправления, государствен-

ных и муниципальных организациях. Понятие должностного лица распространяется также на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица.

Кодекс Тюменской области от 27 декабря 2007 г. № 55 «Об административной ответственности» (единственный в Уральском федеральном округе пример кодифицированной формы такого рода закона и одновременно называющийся об административной ответственности, а не об административных правонарушениях, что свойственно большинству регионов)¹ не просто отсылает к данной норме, а полностью воспроизводит ее. Он же устанавливает виды административных взысканий: предупреждение и административный штраф. Предупреждение квалифицируется как мера наказания, выраженная в официальном порицании физического или юридического лица. Оно выносится в письменной или иной предусмотренной федеральным законодательством форме. Административный штраф является денежным взысканием, выражаемым в рублях. Сумма штрафа зачисляется в бюджет и составляет для граждан не более 5 тыс. рублей, для должностных и юридических лиц — не свыше 50 тыс. и 1 млн рублей. При этом размер административного штрафа не может быть менее 100 рублей.

По нашему мнению, детальное, а не отсылочное воспроизведение в региональном законодательстве норм КоАП РФ в общем заслуживает поддержки, поскольку создает впечатление цельного юридического документа, удобного в применении.

Почему только предупреждение и административный штраф? Дело в том, что все виды административных наказаний, кроме предупреждения и штрафа, устанавливаются исключительно КоАП РФ (ст. 3.2). «Это, на наш взгляд, — замечает профессор Д. Н. Бахрах, — не только существенно повышает роль федерального закона в регулировании вопросов административной ответственности, но и создает реальные гарантии надлежащего обеспечения единого подхода и оценки этой ответственности на всей территории страны» [1, с. 470].

¹ Кодекс Тюменской области «Об административной ответственности» состоит из Общей и Особенной частей. Первая, как указывается, воспроизводит положения КоАП РФ, касающиеся общих оснований и условий административной ответственности, административной ответственности граждан, должностных и юридических лиц. Особенная часть фиксирует перечни административных правонарушений с разбивкой по отдельным блокам.

Основное содержание комментируемых законодательных актов составляют административные правонарушения, изложенные, однако, в разной манере. Закон от 2 июня 2010 г. № 584 «Об административных правонарушениях в Челябинской области» и Закон от 20 ноября 1995 г. № 25 (в ред. от 5 ноября 2013 г.) «Об административных правонарушениях на территории Курганской области» перечисляют их без попыток какой-либо тематической группировки. Напротив, законодательные акты иных субъектов Уральского федерального округа классифицируют правонарушения по блокам, которые, несмотря на целевую близость, отличаются по своему наименованию.

К примеру, в Кодексе Тюменской области обособлены **административные правонарушения, посягающие на права граждан, здоровый образ жизни людей, их безопасность и отдых**. В Ямало-Ненецком автономном округе они именуется правонарушениями, посягающими на права граждан, общественный порядок и общественную безопасность. В соответствии с Законом Ханты-Мансийского автономного округа правонарушения данной группы касаются общественного порядка и безопасности, обеспечения защиты прав несовершеннолетних и нравственности. Правонарушения этой группы многочисленны, разнообразны и включают внушительный набор составов.

По совокупности это нарушение покоя граждан, проезд в общественном транспорте в пачкающей одежде либо провоз загрязненных предметов, нарушение общепризнанных правил поведения, купание в запрещенных местах. В данный перечень, как правило, включаются выгул собак вне мест, специально отведенных органами местного самоуправления, порча и потрава посевов, оставление открытых люков смотровых колодцев на инженерных коммуникациях и т. д.

Имеет смысл прокомментировать некоторые из них. Под нарушением покоя граждан Закон Ханты-Мансийского автономного округа понимает использование повышенной громкости звуковоспроизводящих устройств, в том числе установленных на балконах, в окнах, на транспортном средствах, с 22 до 8 часов. В соответствии с Законом Курганской области под действиями, нарушающими покой граждан, понимается выполнение в квартире работ, создающих повышенный шум или вибрацию, использование повышенной громкости звуковоспроизводящих устройств, громкое пение и воспроизведение музыки, неприятие води-

телем мер по отключению сработавшей звуковой сигнализации автомобиля, иное нарушение тишины с 23 до 7 часов.

Закон Ямало-Ненецкого автономного округа «Об административных правонарушениях» первоначально не раскрывал действия, нарушающие тишину и покой граждан. В апреле 2013 г. он пополнился развернутой характеристикой подобных действий, отражающей, пожалуй, самые распространенные проявления безответственного человеческого поведения. Теперь это не только использование телевизоров, радиоприемников, магнитофонов, других громкоговорящих и звукоусиливающих устройств, но и игра на музыкальных инструментах, пение, крики и даже свист. Речь, конечно, не о художественном, а о грубом уличном свисте, сродни тому, что фольклористы называют разбойничьим. В перечне нарушающих тишину и покой граждан действий использование пиротехнических средств, производство ремонтных, строительных, погрузочно-разгрузочных работ, правда, все же с некоторыми разумными послаблениями. Не считаются правонарушениями случаи применения пиротехнических средств для организации культурно-массовых мероприятий органами власти или гражданами в новогоднюю ночь. Не в счет и производимые в ночное время (с 23 до 7 часов) аварийные, спасательные, восстановительные и иные неотложные работы, связанные с обеспечением личной и общественной безопасности людей.

Серьезность намерений ямальского законодателя выдает тот факт, что в законе также нашли отражение объекты (помещения и территории), защищаемые от действий, нарушающих тишину и покой. Во-первых, это больницы, санатории, дома отдыха, пансионаты. Во-вторых, детские сады, школы, дома-интернаты различного профиля. В-третьих, квартиры жилых домов, гостиничные номера, жилые комнаты общежитий, подъезды, лестничные клетки и другие места общего пользования. В-четвертых, детские площадки, площадки отдыха на территории микрорайонов и групп жилых домов. В-пятых, территории всех вышеперечисленных объектов.

Безусловно, такая скрупулезность делает честь любому законодателю. Очевидно, главное теперь за применением этой нормы, последовательными действиями правоохранителей.

В числе административных правонарушений встречаются некие общие положения, присущие законодательству всех или почти всех субъектов Федерации (как, на-

пример, в случае с нарушениями тишины, правда, с разной степенью конкретики). Есть правонарушения, являющиеся отличительной чертой какого-то конкретного региона. Так, в Кодексе Тюменской области содержится норма, предусматривающая наказание за «выбрасывание предметов на трибуны, сцены, спортивные площадки, беговые дорожки, футбольные и хоккейные поля во время проведения массовых мероприятий» (ст. 1.3). По всей видимости, речь идет об административных попытках обуздать, в первую очередь, агрессивность спортивных болельщиков.

Зато общим местом «административных» законов Уральского региона стали нормы, фиксирующие ответственность тех, кто попустительствует нахождению несовершеннолетних там, где им могут нанести физический, психический, нравственный или интеллектуальный урон. Речь идет о заведениях по продаже спиртных напитков или товаров сексуального характера.

Закон Челябинской области запрещает пребывание несовершеннолетних в ночное время в помещениях, предоставляющих доступ к сети Интернет, в развлекательных и досуговых центрах, иных общественных местах, доступных для посещения неопределенного круга лиц.

Субъектами административной ответственности в данном случае выступают должностные и юридические лица, родители, а также лица, их заменяющие. Ответственность возлагается также на лиц, называемых казенно «осуществляющими мероприятия по образованию, воспитанию, развитию, охране здоровья, социальной защите и социальному обслуживанию детей, содействию их социальной адаптации и реабилитации» (ст. 14). В отличие от челябинцев закон Ямало-Ненецкого автономного округа именует их коротко — «лицами, осуществляющими мероприятия с участием детей» (ст. 2.8).

Существенная часть административных наказаний связана с нарушением актов органов местного самоуправления. Наиболее распространенное среди них — купание в запрещенных местах. Оно, как и нарушение тишины, присутствует в законах всех регионов в составе Уральского федерального округа. Субъектами ответственности в данном случае являются граждане, безрассудство которых нередко оборачивается трагедией.

В Свердловской области к административным правонарушениям, посягающим на права граждан, относятся невыполне-

ние квоты для приема на работу инвалидов, нарушение порядка предоставления мер социальной поддержки или оказания государственной социальной помощи. Что они означают?

Расположенные в Свердловской области организации с численностью работников более 100 человек обязаны соблюдать квоту при приеме на работу граждан инвалидов, установленную в соответствии с Законом от 12 июля 2011 г. «О гарантиях занятости инвалидов в Свердловской области» (составляет 3% от общего числа работающих). Впечатляет размер штрафа на юридических лиц — от 30 до 50 тыс. рублей. Заметим, что аналог данной нормы содержится в ст. 5. 42 КоАП РФ «Нарушение прав инвалидов в области трудоустройства и занятости». Согласно ей отказ работодателя в приеме на работу инвалидов в пределах установленной квоты влечет наложение административного штрафа от 2 до 3 тыс. рублей.

Отдельный блок законов субъектов РФ в Уральском федеральном округе посвящен **правонарушениям в области установленного порядка управления**. Обычно к ним относят нарушение порядка использования государственных и муниципальных символов; неисполнение должностными лицами сроков рассмотрения депутатского запроса; отказ в предоставлении сведений по запросам государственных или муниципальных органов; нарушение правил торговли; воспрепятствование деятельности и т. п. В Ямало-Ненецком автономном округе данные правоотношения разграничены на две самостоятельные группы: против порядка управления и посягающие на институты государственной власти и местного самоуправления.

Отступление от порядка и сроков предоставления ответа на депутатский запрос по законодательству Курганской области карается штрафом на должностных лиц в размере от 2 до 5 тыс. рублей (ст. 25.16).

Обратим внимание на ст. 25.14 Закона «Об административных правонарушениях на территории Курганской области». Она предусматривает ответственность за неправомерное использование информационного знака «Зауральское качество». Маркировка пищевых продуктов этим знаком без соответствующего разрешения влечет наложение штрафа на должностных лиц в размере 50 тыс. рублей, на юридических лиц — 200 тыс. рублей. Что и говорить, дорогой знак!

Посягающие на порядок управления правонарушения широко представлены в

Тюменской области. Так, воспрепятствование деятельности либо вмешательство в деятельность органов государственной и муниципальной власти влечет наложение штрафа на граждан (от 1 до 2,5 тыс. рублей), на должностных лиц (от 4 до 5 тыс. рублей), на юридических лиц (в пределах от 10 до 50 тыс. рублей). Невыполнение предписаний органов государственной и местной власти, направленных на антитеррористическую защищенность и безопасность объектов жизнеобеспечения, объектов с массовым пребыванием граждан, жилых домов, влечет наложение штрафов различных размеров на граждан, должностных и юридических лиц (ст. 3.16).

Достаточно высокими штрафами оберегается символика субъектов Федерации и муниципальных образований. Неправомерное ее использование, тем паче надругательство над гербом или флагом, влекут наложение штрафа на должностных лиц от 4 до 5 тыс. рублей (Ханты-Мансийский автономный округ), на граждан — от 400 до 500 рублей (Челябинская область), на юридических лиц — от 50 до 100 тыс. рублей (Тюменская область).

В отдельный блок «административные» законы субъектов РФ в составе Уральского федерального округа выделяют **правонарушения в области содержания зданий и сооружений, озеленения и благоустройства, на транспорте**.

В эту разнообразную группу, как правило, включают нарушения муниципальных нормативных правовых актов в части установки указателей с названиями улиц и номеров домов; размещение объявлений и иной информации, не являющейся рекламой, а также рисунков и надписей в неустановленных местах; нарушение правил содержания устройств наружного освещения; нарушение порядка сбора и утилизации отходов.

В данном отношении интересен Закон Курганской области, фиксирующий следующие нарушения: «самовольная установка железобетонных блоков, столбов, ограждений и других сооружений во внутриквартальных проездах», «организация снежных свалок в неустановленных местах»; «нарушение порядка установки памятников, мемориальных досок»; «повреждение скамеек, оборудования для детских площадок, урн, мусорных контейнеров». В этом же списке «размещение плакатов, объявлений, листовок вне мест, специально отведенных для этих целей органами местного самоуправления». Эти правонарушения знакомы, увы, каждому российскому городу. Борьба с

ними означает одновременно борьбу с распространенным у нас вандализмом, бескультурьем и бесхозяйственностью.

«Широкоформатный набор» мер по противостоянию подобным проявлениям дает Закон Ханты-Мансийского автономного округа. Он вводит административные наказания за незаконную порубку (повреждение или выкапывание) деревьев и кустарников; непринятие мер по восстановлению нарушенного благоустройства после проведения земляных работ; проезд по газонам, детским и спортивным площадкам; мойку, ремонт механических транспортных средств в жилой зоне вне установленных для этих целей мест. Заслуживает внимания ст. 29 этого Закона, устанавливающая ответственность за нарушение требований по поддержанию эстетического состояния территорий поселений и городских округов.

Что же нарушает эстетику, скажем, города? Это складирование и хранение строительных материалов, оборудования, органических или химических удобрений, тары, разукомплектованных транспортных средств. Здесь нет ни одного надуманного слова! Все это мы можем наблюдать на улицах российских деревень и городов.

Весьма внушительный перечень административных правонарушений в данной сфере фиксирует Закон Свердловской области. В него включаются: неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по содержанию фасада здания и его элементов; самовольное нанесение надписей и рисунков; нарушение порядка организации автомобильных стоянок; выбрасывание бытового мусора и иных предметов в не отведенных для этого местах; несоблюдение требований по уборке территории и т. п.

Отнюдь не случайно в этом списке расположились неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязанностей по содержанию фасада здания и самовольное нанесение надписей и рисунков. Сопоставление этих составов целесообразно вот почему. Нанесение надписей, рисунков, предположим, на свежеевыкрашенном и даже облупившемся фасаде здания влечет наложение на нарушителя максимального штрафа размером в три тысячи рублей. В то же время неисполнение обязанностей по содержанию фасада здания, включая поддержание его в чистоте и пригодном для обозрения состоянии, грозит юридическому лицу штрафом в размере до тридцати тысяч рублей. Таким образом, сам правонарушитель несет несравненно меньшую ответственность, чем тот, кто пострадал от его действий

(собственник здания или организация, распоряжающаяся имуществом на праве оперативного управления). Разве это справедливо?

Анализ составов административных правонарушений, закрепленных в законодательных актах субъектов Уральского федерального округа, позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, они разнятся по количественным показателям. В Свердловской области их 48, в Тюменской области — 56, в Ханты-Мансийском автономном округе — 38, а в Челябинской области всего лишь 18. Разброс существенный, продиктованный, вероятно, разными представлениями и опытом регионов по поводу роли административного инструментария в борьбе с правонарушениями и их профилактикой.

Во-вторых, четыре из шести субъектов РФ в составе Уральского федерального округа структурируют административные правонарушения по блокам, подражая в этом вопросе КоАП РФ. Между тем законодательные акты Курганской и Челябинской областей отказались от распределения составов правонарушений по сферам применения. Полагаем, что серьезной ошибки в этом нет, в конце концов, это дело вкуса и юридической техники. И все же группировка правонарушений по блокам объективно смотрится более выигрышно.

В-третьих, отдельные составы, содержащиеся в региональных актах об административных правонарушениях, на первый взгляд дублируют положения КоАП РФ. К примеру, Закон Свердловской области включает группу норм, фиксирующих административную ответственность за правонарушения в бюджетной сфере, аналогичных некоторым установкам Кодекса об административных правонарушениях. В частности, ст. 15.14 «Нецелевое использование бюджетных средств». В чем их отличие?

Нормы КоАП РФ вводят административную ответственность за нарушение в сфере оборота средств *федерального* бюджета. В свою очередь, нормы Закона Свердловской области регламентируют ответственность за нецелевое использование средств *областного или местного* бюджетов. Только в случае с региональным законом это обстоятельство прямо подчеркивается: бюджет должен быть *областным или местным*. А вот что касается КоАП РФ, то он определяет ответственность по вопросам, имеющим *федеральное значение* (ст. 1.3). Правда, поправки Федерального закона от 23 июля 2013 г.

№ 252-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3], во-первых, существенно расширили перечень административных составов в финансовой сфере (регионы в этом смысле заметно отстали), а, во-вторых, изменили содержательное наполнение вопросов, имеющих федеральное значение. Теперь речь идет не просто о средствах федерального бюджета, а средствах бюджета бюджетной системы Российской Федерации, частью которой, как известно, выступают региональные и муниципальные бюджеты. Иллюстрацией такого подхода могут служить ст. 15.14, 15.15, 15.15.1, 15.15.2 КоАП РФ.

Другой пример мнимого повтора норм касается статей, посвященных регламентации административной ответственности за безбилетный проезд. Данная норма присутствует в законах всех субъектов Федерации об административных правонарушениях. Существует она и в КоАП РФ. Отличие только в одном, и оно касается собственно транспортной сферы. В Законе Челябинской области речь идет о проезде на автомобильном транспорте городского, пригородного сообщения муниципальных транспортных предприятий, на автомобильном транспорте, осуществляющем перевозки по муниципаль-

ному контракту. В свою очередь в КоАП РФ устанавливается ответственность за бесплатный проезд в поездах местного и дальнего сообщения, на судах морского и воздушного транспорта (ст. 11.18).

Таким образом, при якобы существующем дублировании некоторых региональных норм об административных правонарушениях и КоАП РФ отличие между ними проводится по характеру (уровню) регламентируемых вопросов: федеральных, региональных или местных. Первые — всегда предмет регулирования КоАП РФ, вторые — законами, иными нормативными правовыми актами органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления. Другое отличие может корениться в самом существе регулируемой сферы, как в случае с видами транспорта: городского (местного) или морского, воздушного (федерального) [4, с. 203].

В-четвертых, регламентируя виды административных правонарушений, субъекты Федерации не могут выйти за пределы установленных КоАП РФ санкций. Если это будет предупреждение, значит, и в региональном законе в качестве наказания будет выступать предупреждение. Если речь идет об административном штрафе, то и в региональном законодательстве допустимо применение штрафных санкций.

Литература

1. Бахрах, Д. Н. Административное право России : учебник. — 5-е изд., перераб. и доп. / Д. Н. Бахрах. — М. : Эксмо. 2010.
2. СЗ РФ. — 2010. — № 1. — Ст. 1.
3. СЗ РФ. — 2013. — № 31. — Ст. 4191.
4. Выдрин, И. В. Законодательство субъектов Российской Федерации (Уральский федеральный округ) / И. В. Выдрин. — Екатеринбург, 2013.

ВЫДРИН Игорь Вячеславович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой муниципального права, Уральский институт экономики, управления и права. 620026, г. Екатеринбург, ул. Луначарского, 194. E-mail: root@urep.ru

VYDRIN Igor Vyacheslavovich, PhD, Professor, Head of the Department of Municipal Law of the Ural Institute of Economics, Management, and Law. 194, Lunacharskogo Str., 620026, Yekaterinburg, E-mail: root@urep.ru

С. М. Кондратьев

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

S. M. Kondratyev

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT OF DISCIPLINARY LIABILITY OF SERVICEMEN

В статье рассматриваются теоретические вопросы, связанные с понятием дисциплинарной ответственности военнослужащих. Обобщены сложившиеся к настоящему времени основные подходы к пониманию дисциплинарной ответственности военнослужащих, названы существенные особенности дисциплинарного принуждения. Проанализированы признаки дисциплинарной ответственности. Определены роль и значение дисциплинарной ответственности в системе государственного принуждения, цель дисциплинарной ответственности. Представлено авторское определение понятия «дисциплинарная ответственность военнослужащих».

Ключевые слова: военнослужащий, правовое принуждение, дисциплинарная ответственность.

The article discusses theoretical issues associated with the notion of disciplinary liability of servicemen. The author summarizes current basic approaches to understanding the disciplinary liability of servicemen, are essential features of disciplinary coercion. The author also analyzes the elements of disciplinary responsibility and defines the role and value of disciplinary responsibility in the system of state coercion and the purpose of disciplinary liability. The author's definition of disciplinary liability of servicemen is also given.

Keywords: military men, legal coercion, disciplinary responsibility.

Одним из основных видов государственного принуждения, применяемого за нарушение военнослужащим законодательства и требований служебной дисциплины, является дисциплинарное принуждение в порядке подчиненности. Это многоплановое и сложное явление, обусловленное развитием непосредственных целей и способов реализации охранительных отношений, возникающих в связи с нарушением дисциплины [7, с. 271].

По общему правилу дисциплинарное принуждение является реакцией на дисциплинарные правонарушения (проступки), но в ряде случаев оно связано с иными неправомерными действиями и даже с нарушениями моральных норм [4, с. 45], представляет собой совокупность основанных на законе мер психологического, физического или материального воздействия уполномоченных на то органов, наделенных властными полномочиями, на сознание и волю людей в целях достижения определенного поведения, строгого соблюдения дисциплины и законности в сфере государственного управления [14, с. 116]. Круг легальных

мер дисциплинарно-правового принуждения чрезвычайно широк. Сюда входят меры общего характера, которые могут применяться к подавляющему большинству членов воинских коллективов (например, отстранение от исполнения служебных обязанностей, выговор и др.), и меры специальные (лишение очередного увольнения военнослужащих, проходящих воинскую службу по призыву, недопуск курсантов военных образовательных учреждений к сессии и др.).

По юридическому критерию «любое принуждение, в т. ч. и дисциплинарное, может быть неправовым» [4, с. 43]. В том случае, когда дисциплинарное принуждение основано не на законе, оно является произволом. Являясь одним из видов правового принуждения, дисциплинарно-правовое принуждение имеет ряд особенностей, «совокупность которых определяет его качественное своеобразие как самостоятельной разновидности принудительной деятельности, как особого метода административного воздействия» [3, с. 603]. К основным существенным особенностям дисциплинарного принуждения Д. Н. Бахрах относит следующие:

— оно осуществляется субъектами исполнительной (публичной и корпоративной) власти во внесудебном порядке;

— оно применяется субъектами линейной власти (руководителями организаций) в отношении их подчиненных — членов легальных, организованных коллективов в связи с совершением ими дисциплинарных проступков;

— это единственный вид правового принуждения, осуществление которого производится субъектами частного права на основе правовых актов. И его нельзя рассматривать только как вид государственного принуждения;

— если меры административного принуждения используют представители публичной власти, то меры дисциплинарного принуждения — руководители организаций;

— меры дисциплинарного принуждения устанавливаются и применяются за нарушения не только трудовой, но и служебной, учебной, исправительно-трудовой и иной дисциплины в существующих легальных организациях [4, с. 44; 5, с. 586].

Структуру дисциплинарно-правового принуждения составляют меры пресечения, меры дисциплинарной ответственности и восстановительные меры [4, с. 48]. Отдельные исследователи предлагают этот перечень дополнить мерами дисциплинарного дестимулирования, например — лишением премии, вознаграждения по итогам работы за год, снижение надбавки за сложность и напряженность и т. п. [8, с. 88; 2, с. 125; 13, с. 37—38]. Д. Н. Бахрах называет такие меры воздействия «квазивзысканиями» [4, с. 49]. Ю. Н. Туганов [13, с. 39] вслед за Б. М. Лазаревым [10, с. 235] настаивает на необходимости ввести в оборот понятие «иные» или «дополнительные меры ответственности», куда должны войти вышеназванные меры, и включать их в дисциплинарную ответственность. Однако хотя эти меры и сходны с дисциплинарными взысканиями, а основанием их применения выступает дисциплинарный проступок, и реализуются они в порядке подчиненности, но наступившие материальные (моральные) последствия так называемой «дисциплинарной наказанности» не являются собственно дисциплинарными взысканиями, и соответственно, их применение не считается привлечением к дисциплинарной ответственности. Иными словами, когда военнослужащий не получил премию, его «просто не поощрили», а «не наказали».

Дисциплинарно-правовое принуждение неразрывно связано с дисциплинарной ответственностью. На сегодняшний день в науке отсутствует общепринятое определение дисциплинарной ответственности [13, с. 33]. Также среди авторов отсутствует единство и в понимании характерных ее признаков, позволяющих отграничить ее от иных видов юридической ответственности. Правовые проблемы дисциплинарной ответственности многоаспектны, имеют межотраслевой характер и находятся на стыке ряда юридических наук, в частности, наук административного и военного права [13, с. 35]. В правовом регулировании дисциплинарной ответственности лиц, находящихся на военной службе, главенствующая роль принадлежит именно нормам административного права. Дисциплинарная ответственность по интенсивности применения и потенциальным возможностям традиционно доминирует не только в системе государственной службы Российской Федерации, но и в иных видах публичной службы (муниципальной, корпоративной и др.) [6].

Среди специалистов достаточно большое распространение получила точка зрения, что определяющим признаком дисциплинарной ответственности является наличие дисциплинарных взысканий. Так, Д. А. Гавриленко указал, что дисциплинарная ответственность находит свое материальное выражение именно в дисциплинарных взысканиях [7, с. 274]. Ю. Н. Стариков, в свою очередь, отметил, что «дисциплинарная ответственность заключается в наложении на государственных служащих, совершивших должностные проступки, дисциплинарных взысканий властью представителей администрации (руководителей, начальников)» [12, с. 420—421]. В. Н. Опарин высказал мнение, что «дисциплинарная ответственность — это возникающая из факта совершения дисциплинарного и иного правонарушения обязанность лица понести наказание, заключающееся в применении соответствующим должностным лицом в установленном порядке дисциплинарных взысканий, выражающих государственное осуждение противоправного, виновного поведения нарушителя служебной дисциплины» [9, с. 8]. С точки зрения А. Н. Дерюги, дисциплинарная ответственность — это наложение дисциплинарных взысканий на основе правовых норм субъектами дисциплинарной власти на подчиненных им членов устойчивых коллективов за дисциплинарные проступки и иные правонарушения [1, с. 220].

Также следует отметить, что в приведенных определениях, верных и для военно-служебных отношений, акцентируется внимание на основаниях (дисциплинарные проступки и иные правонарушения, в т. ч. нарушения моральных норм) и мерах дисциплинарной ответственности, составляющих ее основу. Однако такое понимание дисциплинарной ответственности представляется неполным, т. к. ответственность не может быть выражена только в наказании. Помимо наложения конкретного взыскания, для привлеченного к ответственности наступают определенные правовые неблагоприятные последствия материального, морального и личного характера. В контексте изложенного также не вызывает сомнения тот факт, что дисциплинарная ответственность — одна из правовых форм воздействия на нарушителей воинской (служебной) дисциплины, это и соответствующее правоотношение.

Опираясь на вышесказанное, полагаем, что наиболее четкую характеристику содержания дисциплинарной ответственности военнослужащих содержат итоги научных изысканий В. Н. Опарина и А. Н. Дерюги, в силу возможности наступления последней и за административные правонарушения, за деяния, за которые военнослужащие могут быть привлечены к уголовной ответственности, либо за причинение вреда военному имуществу.

Подобная конструкция получила название «ответственность по правилам Дисциплинарного устава».

Опираясь на собственное видение юридической ответственности военнослужащих, дисциплинарную ответственность военнослужащих предлагается понимать в позитивном и ретроспективном (негативном) аспектах. Для дисциплинарной ответственности военнослужащих также характерно то, что «меры дисциплинарного воздействия применяются только к физическим лицам» [3, с. 604], а также «...наличие специальной связи между лицом, совершившим дисциплинарный проступок, и лицом, юридически обязанным на этот проступок реагировать» [11, с. 57]. Цели дисциплинарной ответственности различных субъектов по нормам административного права в основном аналогичны.

Соответственно под дисциплинарной ответственностью военнослужащих предлагается понимать итоговую правовую оценку от имени государства в лице полномочных должностных лиц и суда противоправных виновных нарушений воинской дисциплины и последующее применение в установленном законом порядке мер дисциплинарного принуждения в целях претерпевания виновными определенных негативных последствий за содеянное, общей и частной превенции дисциплинарных правонарушений.

Литература

1. Административное право : учебник / под общ. ред. А. И. Каплунова. — М. : ДГСК МВД России, 2011.
2. Адушкин, Ю. С. Дисциплинарное производство в СССР / Ю. С. Адушкин ; под ред. В. М. Манохина. — Саратов, 1986.
3. Бахрах, Д. Н. Административное право : учебник / Д. Н. Бахрах. — М. : Эксмо, 2011.
4. Бахрах, Д. Н. Дисциплинарно-правовое принуждение в Российской Федерации / Д. Н. Бахрах // Государство и право. — 2006. — № 6.
5. Бахрах, Д. Н. Административное право : учебник для вузов / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. — 3-е изд., пересмотр. и доп. — М. : Норма, 2007.
6. Буравлев, Ю. М. Виды юридической ответственности в системе государственной службы : монография / Ю. М. Буравлев. — М. : Юрист, 2008 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Гавриленко, Д. А. Государственная дисциплина: Сущность. Функции. Значение / Д. А. Гавриленко ; под ред. А. П. Шергина. — Минск : Наука и техника, 1988.
8. Гавриленко, Д. А. Дисциплина труда и средства ее обеспечения / Д. А. Гавриленко. — Минск : Наука и техника, 1985.
9. Опарин, В. Н. Правовое регулирование применения мер непосредственного принуждения должностными лицами правоохранительных органов Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. Н. Опарин. — Омск, 1998.
10. Ответственность в управлении / И. Л. Бачило, Х. Я. Калла, Л. А. Сергиенко и др. ; отв. ред. А. Е. Лунев, Б. М. Лазарев. — М. : Наука, 1985.
11. Сорокин, В. Д. Административный процесс : учебное пособие / В. Д. Сорокин ; под ред. И. Ф. Покровского. — СПб. : ГМА им. адм. С. О. Макарова, 2000.
12. Стариков, Ю. Н. Служебное право : учебник / Ю. Н. Стариков. — М. : БЕК, 1996.

13. Туганов, Ю. Н. Правовое регулирование дисциплинарной ответственности военнослужащих при переходе Вооруженных Сил Российской Федерации на контрактную систему комплектования : дис. ... канд. юрид. наук / Ю. Н. Туганов. — М., 2003.

14 Гавриленко, Д. А. Дисциплина в советском государственном аппарате и организационно-правовые средства ее обеспечения: монография / Д. А. Гавриленко. — Минск : Наука и техника, 1979.

КОНДРАТЬЕВ Сергей Михайлович, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин факультета подготовки сотрудников правоохранительных органов, Южно-Уральский государственный университет, канд. юрид. наук. 454000, г. Челябинск, ул. Артиллерийская, д. 100. E-mail: sergey.diss@yandex.ru

KONDRATYEV Sergey Mikhailovich, Senior lecturer of the Department of Civil and Legal Disciplines of the Faculty of Law Enforcement Training of South Ural State University, Cand. Sc. Law. 100, Artilleryskaya Str., 454000, Chelyabinsk. E-mail:sergey.diss@yandex.ru

Е. А. Пестрякова

АНАЛИЗ СТАТИСТИКИ СУДЕБНЫХ СПОРОВ, ВОЗНИКАЮЩИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ОШИБОК ЗАЯВИТЕЛЕЙ

E. A. Pestrjakova

ANALYSIS OF THE STATISTICS OF LITIGATIONS CAUSED BY ERRORS OF APPLICANT PARTIES

В административной практике достаточно часто встречается такое явление, как ошибка заявителя, имеющая правовое значение. Органы государственной власти не всегда выясняют истинную причину ошибок, порой привлечение к ответственности следует сразу за обнаружением ошибки без особого разбирательства о причинах такой ошибки. Государственные органы возбуждают производства по делам об административных, налоговых и таможенных правонарушениях при любых видах ошибок, что приводит к лишней, ненужной работе самих административных органов, а потом возникает множество судебных дел по искам к государственным органам.

Ключевые слова: основания возникновения судебных споров, юридические ошибки заявителей, технические ошибки, административная практика.

In administrative practice such thing as mistakes of applicant parties occurs quite often and has legal value. Government agencies do not always find out the true cause of the abovementioned errors sometimes bringing to responsibility follows immediately after the detection of errors without much investigation. Public bodies commence proceeding on administrative, tax and customs offenses in all types of errors which leads to excessive, unnecessary work of administrative bodies, and a great number of actions against the state authorities is put in a claim.

Keywords: reasons for litigation, errors of applicant parties, technical errors, administrative practice.

Одним из оснований возникновения судебных споров являются ошибочные действия физических и юридических лиц при обращении их в административные органы. Данное основание споров до настоящего времени не было предметом специального изучения. Вместе с тем по данному основанию было рассмотрено за последние десять лет (начиная с 2003 года) арбитражными судами 7747 дел, где причиной возникновения спора были технические ошибки или ошибки заявителей.

В административной практике достаточно часто встречается такое явление, как ошибка заявителя, имеющая правовое значение. Суть явления в том, что физические и юридические лица, обращаясь в органы государственной власти, допускают какие-либо ошибки, которые приводят к негативным последствиям. Эти последствия могут выражаться в отсутствии результата, или неполучении

желаемого результата от административного органа, или в привлечении к ответственности за ненадлежащее исполнение своих обязанностей перед административным органом, несмотря на то, что лицо пыталось их (свои обязанности) исполнить.

В судебных актах встречаются следующие определения понятия «ошибки»: «Технические ошибки, опечатки, то есть случайные посягательства на отношения, охраняемые нормами законодательства о налогах и сборах, формально содержат в себе признаки состава правонарушения, однако допущены непреднамеренно, ввиду чего не могут рассматриваться как форма субъективной стороны налогового правонарушения» [1]; «под опечаткой понимаются технические ошибки (неправильное написание слова, цифры, имеющих какое-либо значение для лиц, участвующих в деле, или для органов, исполняющих решение), допущенные при

оформлении печатного текста с помощью технических средств» [2].

Ошибки в документах (в первичных, в декларациях, в документах бухгалтерского учета) всегда являются предметом рассмотрения в административных органах, поскольку по содержанию являются несоответствием нормам, установленным законодательством. Однако при рассмотрении ошибок нужно выяснять, являются ли они преднамеренными, свидетельствующими о правонарушении, либо непреднамеренными, допущенными по неосторожности опечатками или техническими ошибками. Органы государственной власти не всегда выясняют истинную причину ошибок, порой привлечение к ответственности следует сразу за обнаружением ошибки без особого разбирательства о причинах такой ошибки. Это происходит оттого, что существует до сих пор так называемая «палочная система», показатели работы государственных органов зависят от количества дел о привлечении к ответственности. Отсюда, как следствие, государственные органы возбуждают производства по делам об административных, налоговых и таможенных правонарушениях при любых видах ошибок, что приводит к лишней, ненужной работе самих административных органов, а потом возникает множество судебных дел по искам к государственным органам.

Президент РФ в своем послании Федеральному Собранию 12.12.2012 указал, что «контроль — это, безусловно, важнейшая функция государства. Но неприемлемо, когда показателями деятельности контрольных органов служит не результат, а просто число проверок, классическая палочная система» [3].

Также Президент РФ в своем послании говорил об удобных административных процедурах, называя их одним из ключевых факторов ведения бизнеса в России. Процедуры получения услуг от органов государственной и муниципальной власти, также как и процедуры выполнения обязанностей перед государством, строго регламентированы и достаточно сложны. В связи с этим возможны ошибочные действия, допускаемые физическими и юридическими лицами при обращении в органы государственной власти. Усовершенствование административных процедур должно выражаться в развитии механизма нивелирования ошибок заявителей. Такой механизм может предусматривать досудебное урегулирование споров. В качестве примера досудебного разрешения споров можно рассматривать институт

досудебного аудита в системе налоговых органов Российской Федерации.

До введения обязательного досудебного обжалования решений о привлечении (об отказе в привлечении) к ответственности за совершение налогового правонарушения количество налоговых споров, разрешаемых арбитражными судами, постоянно росло. Если в 1992 г. доля административных споров в общем количестве дел, рассмотренных арбитражными судами, не превышала 2%, то в 2008 г. она составила более 60 процентов. В основном это были споры, связанные с применением налогового законодательства, количество которых за 15 лет увеличилось в 22 раза, в том числе налоговые споры, связанные с ошибками заявителей.

Из анализа статистики рассмотренных дел данной категории можно выделить основные группы (направления) дел, в которых причиной возникновения судебного спора послужили ошибки заявителей, в том числе технические ошибки:

- ошибки, допущенные при заполнении деклараций (налоговых или таможенных);
- ошибки, допущенные в документах бухгалтерского и налогового учета;
- ошибки, допущенные в первичных документах;
- ошибки, допущенные в платежных документах;
- технические ошибки, случившиеся при отправке документов в административный орган (сбой в программе, ошибки операторов связи);
- ошибки, допущенные самими административными органами при выдаче правоустанавливающих документов (в лицензиях, в кадастре и прочее).

Все это обусловило необходимость реформирования и модернизации механизма досудебного разрешения налоговых споров.

С принятием Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 137-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с осуществлением мер по совершенствованию налогового администрирования» была изменена процедура судебной защиты — с 1 января 2009 года досудебное обжалование решений о привлечении (об отказе в привлечении) к ответственности за совершение налогового правонарушения стало обязательным. Законодателем была реализована концепция последовательного урегулирования налоговых спо-

ров: в досудебном и далее — в судебном порядке [4].

Результатом досудебного урегулирования налоговых споров явилось существенное снижение нагрузки на судебную систему Российской Федерации. По состоянию на конец 2007 года темп роста числа жалоб, рассматриваемых в досудебном порядке, в 4 раза превысил темп роста споров, рассматриваемых в судебном порядке. Согласно официальным данным Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации количество споров, рассмотренных арбитражными суда-

ми Российской Федерации с участием налоговых органов, ежегодно сокращается на 15—20 процентов.

Введение досудебного урегулирования в других органах государственной власти позволит повысить качество работы и снизить количество судебных споров, возникающих в результате ошибок заявителей. Чем качественней становится обслуживание населения административными органами, государственными структурами, тем меньше бюджетных средств расходуется вне запланированных целей.

Литература

1. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.10.2008 по делу № А56-54001/2007. URL: <http://www.lawmix.ru/13ap/31414/>
2. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 19.09.2011 № 07АП-11445/10(3) по делу № А03-11035/2010. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=RAPS007;n=28959>
3. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12.12.2012. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/17118>
4. Приказ ФНС России от 13.02.2013 № ММВ-7-9/78@. Об утверждении Концепции развития досудебного урегулирования налоговых споров в системе налоговых органов Российской Федерации на 2013—2018 годы. URL: <http://www.referent.ru/1/210066>

ПЕСТРЯКОВА Екатерина Андреевна, начальник отдела досудебного аудита ИФНС РФ по Советскому району г. Челябинска, соискатель научной степени кандидата юридических наук кафедры конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет. 454080, Челябинск, ул. Коммуны, д. 149. E-mail: katyapestryakova@bk.ru

PESTRYAKOVA Ekaterina Andreevna, Head of the Department of Pre-Trial Audit of Federal Tax Agency's Inspectorate of the Russian Federation, doctorate candidate (Law) on the Department of Constitutional and Administrative Law in State Educational Institution of Higher Professional Education South-Ural State University. 149, Kommuny Str., 454080, Chelyabinsk. E-mail: katyapestryakova@bk.ru

А. Ю. Петров, В. Р. Якупов

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ НА ОРГАНИЗОВАННЫХ ТОРГАХ

A. Ju. Petrov, V. R. Jakupov

ARBITRATION PRACTICE OF APPLICATION OF LEGISLATION ON ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF LEGAL BODIES FOR OFFENSES COMMITTED ON ORGANIZED TRADING

Финансовый рынок, являясь эффективным механизмом перераспределения финансовых ресурсов, играет в современной экономике системообразующую роль. Для России, ставящей перед собой цель по созданию инновационной экономики и последовательно реализующей политику по интеграции в мировое экономическое пространство, одной из приоритетных задач внутренней политики является формирование в стране развитого финансового рынка. Существенные за последние годы реформы свидетельствуют о значительном прогрессе в данном направлении. Особенно следует отметить динамичное развитие отечественного административно-деликтного законодательства в области административной ответственности юридических лиц за правонарушения, совершаемые на организованных торгах. Целью настоящей статьи является анализ эффективности применения указанного законодательства.

Ключевые слова: административная ответственность юридических лиц, организованные торги, арбитражная практика.

Being an effective mechanism of redistribution of financial resources financial markets play an important role in modern economy. Russia has set a goal to create an innovative economy and consistently implement policies to integrate into the world economics; hence, one of the priorities of domestic policy is the formation of an efficient financial market. Reforms implemented during the recent years have indicated significant progress in this direction. Dynamic development of national legislation on administrative responsibility of legal entities for offenses committed on organized trading should be noted. The purpose of the article is the analysis of the effectiveness of the application of the abovementioned law.

Keywords: administrative responsibility of legal bodies, organized trading, arbitration practice.

К правовым нормам Особой части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее по тексту — КоАП РФ), устанавливающим административную ответственность юридических лиц за правонарушения, совершаемые на организованных торгах, относятся ч. 7 и 9 ст. 14.24 КоАП РФ, ст. 15.17, 15.18, 15.21, 15.24.1 и 15.28 КоАП РФ, ч. 3 и 4 ст. 15.29 КоАП РФ, ст. 15.30 КоАП РФ. Рассмотрим арбитражную практику по

каждой из перечисленных правовых норм.

Часть 7 ст. 14.24 КоАП РФ (нарушение организатором торговли зарегистрированных правил организованных торгов). Арбитражная практика по данной норме права отсутствует.

Часть 9 ст. 14.24 КоАП РФ (неисполнение организатором торговли обязанности по осуществлению контроля за участниками организованных торгов, а также за

операциями, осуществляемыми на организованных торгах). Арбитражная практика по данной норме права отсутствует.

Статья 15.17 КоАП РФ (недобросовестная эмиссия ценных бумаг). На практике указанная правовая норма применяется достаточно часто, однако к организованным торгам это никак не относится. Подавляющее большинство случаев правоприменения связано лишь с одним типом нарушения процедуры эмиссии ценных бумаг — непредставление документов на государственную регистрацию выпуска акций, распределенных среди учредителей (приобретенных единственным учредителем) акционерного общества при его учреждении¹. Изредка в арбитражной практике встречаются случаи реализации ст. 15.17 КоАП РФ применительно к другим видам нарушений порядка эмиссии ценных бумаг. Так, ЗАО «Ямальская управляющая компания» было привлечено к административной ответственности за размещение ценных бумаг до их полной оплаты (ценные бумаги были оплачены спустя более чем 2 месяца после последнего дня срока размещения ценных бумаг) [2]. Также есть несколько случаев квалификации действий акционерных обществ по ст. 15.17 КоАП РФ за нарушение условий, указанных в зарегистрированных в ФСФР России (ныне его функции осуществляет Банк России) решениях о выпуске (дополнительном выпуске) ценных бумаг (непосредственно эти нарушения выражались в зачислении денежных средств в оплату акций эмитента на другой расчетный счет [3] (или через другой банк [4]), нежели тот, который был определен в решении о выпуске (дополнительном выпуске) ценных бумаг). Однако нами не выявлено ни одного факта привлечения эмитента к административной ответственности за нарушение порядка размещения ценных бумаг непосредственно в ходе организованных торгов.

Статья 15.18 КоАП РФ (незаконные операции с эмиссионными ценными бумагами). Рассматриваемая правовая норма применялась на практике лишь однажды. 9 июля 2007 года ЗАО «Балтийское Финансовое Агентство» (профессиональный участник рынка ценных бумаг, осуществляющий брокерскую деятельность) по поручению Управляющей компании совершило сделку по продаже 10 000 облигаций ОАО «АПК «ОГО» со счета депо открытого паевого инвестиционного фонда облигаций «Финансист» под управлением управляющей компании.

¹ См., напр. [1; 13; 14].

Данная сделка совершена брокером до государственной регистрации отчета об итогах выпуска вышеназванных ценных бумаг (отчет зарегистрирован 19 июля 2007 года), что послужило правовым основанием для привлечения ЗАО «Балтийское Финансовое Агентство» к административной ответственности в виде штрафа в размере 20 000 рублей [5].

Статья 15.21 КоАП РФ (неправомерное использование инсайдерской информации). Инсайдерская торговля — интернациональное явление, на борьбу с которым направлены усилия всех стран, где развита биржевая торговля. Так, например, в США этому вопросу уделяется самое пристальное внимание. Только в 2012 году Комиссия по ценным бумагам и биржам США [6] подала 58 судебных исков в отношении 131 физического и юридического лица по обвинению в инсайдерской торговле, а за последние три года таких исков было выдвинуто 168 против почти 400 физических и юридических лиц, которым удалось в результате незаконного использования инсайдерской информации получить прибыль или избежать убытков на общую сумму почти в 600 миллионов долларов [7].

В России финансовый рынок не столь масштабен, как в США, однако он функционирует по тем же принципам, что и американский. В нашей стране правовой запрет на неправомерное использование инсайдерской (в первоначальной редакции ст. 15.21 КоАП РФ — служебной) информации был введен еще в 2002 году. За прошедшее время на отечественном финансовом рынке произошло немало случаев, красноречиво свидетельствующих об активном использовании инсайдерской информации на организованных торгах². Однако до настоящего момента ни одно юридическое лицо не было привлечено к административной ответственности по ст. 15.21 КоАП РФ.

Статья 15.24.1 КоАП РФ (незаконное обращение документов, удостоверяющих денежные и иные обязательства). Арбитражная практика по данной норме права отсутствует.

Статья 15.28 КоАП РФ (нарушение правил приобретения более 30 процентов акций открытого акционерного общества). Практика применения этой правовой нормы довольно обширная и весьма разнообразная³. Объективная сторона рассматриваемого состава административного правонарушения реализована на практике почти в полном объеме. Однако

² См., напр. [8; 15; 16, с. 37].

³ См., напр. [9; 17; 18].

при этом в 40—50% случаев арбитражные дела по ст. 15.28 КоАП РФ завершаются признанием совершенных административных правонарушений малозначительными (ст. 2.9 КоАП РФ) и, как следствие, вынесением решений о признании незаконными и отмене постановлений административного органа о привлечении юридических лиц к административной ответственности¹.

Часть 3 ст. 15.29 КоАП РФ (совершение профессиональным участником рынка ценных бумаг, осуществляющим брокерскую деятельность либо деятельность по управлению ценными бумагами, сделок по приобретению ценных бумаг и имущественных прав, предназначенных для квалифицированных инвесторов, за счет лица, не являющегося квалифицированным инвестором). Арбитражная практика по данной норме права отсутствует.

Часть 4 ст. 15.29 КоАП РФ (нарушение профессиональным участником рынка ценных бумаг, осуществляющим брокерскую деятельность, установленных российским законодательством требований к совершению маржинальных сделок). По указанной правовой норме правоприменительная практика имеется, однако вся она связана всего лишь с одним типом нарушения брокером законодательных требований к совершению маржинальных сделок — заключение сделки, вследствие которой уровень маржи уменьшился ниже ограничительного уровня маржи². Во всей же остальной части объективная сторона рассматриваемого состава административного правонарушения остается нереализованной.

Статья 15.30 КоАП РФ (манипулирование рынком). Среди административных правонарушений, совершаемых юридическими лицами на организованных торгах, манипулирование рынком является одним из наиболее опасных; это единственный материальный состав в системе рассматриваемых правонарушений. Всего по этой ст. КоАП РФ в арбитражных судах было рассмотрено 14 дел³. Обобщив существующую арбитражную практику по делам о манипулировании рынком, сделаем несколько замечаний.

Во-первых, абсолютное большинство случаев реализации ст. 15.30 КоАП РФ (13 из 14 дел, то есть 93% от общего количества) связано с проведением всего лишь одной камеральной проверки (эта камеральная проверка проводилась сотрудниками Управления информации и монито-

ринга финансового рынка ФСФР России в соответствии с поручением заместителя руководителя ФСФР России от 03.09.2010 № 10-68/пч). Статья 15.30 КоАП РФ действует с 13 апреля 2009 года. По какой причине камеральные проверки, направленные на выявление фактов манипулирования рынком, не проводились чаще?

Во-вторых, почти все (12 из 14, то есть 86%) из вынесенных ФСФР России постановлений о привлечении юридических лиц к административной ответственности за манипулирование рынком в последующем были признаны арбитражными судами незаконными и отменены. Причина этого во многом связана с редакционными изменениями ст. 15.30 КоАП РФ, вступившими в силу 27 января 2011 года. Несмотря на тот факт, что все постановления ФСФР России (кроме одного) были вынесены спустя почти полгода после вступления в силу Федерального закона «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком», правоприменитель при принятии решений продолжал руководствоваться уже недействующими на тот момент положениями Федерального закона «О рынке ценных бумаг». Арбитражные суды, мотивируя отмену постановлений ФСФР России о привлечении юридических лиц к административной ответственности за манипулирование рынком, указывали либо на недоработку со стороны правоприменительного органа по вопросу сопоставления диспозиций ст. 15.30 КоАП РФ в старой и новой редакциях в целях выяснения вопроса о применении ч. 2 ст. 1.7 КоАП РФ об обратной силе административного закона, либо на устранение в новом законодательстве административной ответственности за некоторые из способов манипулирования рынком и, следовательно, на отсутствие оснований для привлечения к ответственности.

В-третьих, практически все случаи применения ст. 15.30 КоАП РФ связаны лишь с одним из нескольких запрещенных законом способов манипулирования рынком — совершение на организованных торгах сделок, которые не имеют очевидного экономического смысла или очевидной законной цели хотя бы для одного из участников торгов (либо их клиентов), в которых каждый из участников торгов выступает и в качестве покупателя, и в качестве продавца одной и той же ценной бумаги по одинаковой цене и в одинаковом количестве (ныне утративший силу абз. 5 п. 2 ст. 51 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»). Объясняется

¹ См., напр. [10; 19; 20].

² См., напр. [11; 21; 22].

³ См., напр. [12; 23; 24].

такая ситуация относительной простотой обнаружения и легкостью доказывания данного способа манипулирования рынком для правоприменителя. При этом абсолютно большая часть объективной стороны состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 15.30 КоАП РФ, остается на практике неустраиваемой.

Итак, в настоящей работе был дан краткий анализ арбитражной практики по делам об административных правонарушениях, совершаемых юридическими лицами на организованных торгах. В заключение укажем на основные выводы, полученные в результате проведенного исследования:

1. Деятельность контролирующего органа в сфере финансовых рынков по противодействию совершению юридическими лицами административных правонарушений на организованных торгах характеризуется бессистемностью (эпизодичностью), односторонностью и непродуктивностью. Существующее законодательство об административной ответственности юридических лиц за правонарушения на организованных торгах применяется неэффективно. Из десяти составов административных правонарушений, устанавливающих административную ответственность юридических лиц за совершение правонарушений в рассматриваемой области, только четыре являются действующими; остальные шесть не имеют практической реализации. Харак-

тер возбуждаемых и рассматриваемых дел свидетельствует о готовности правоприменителя работать исключительно с наиболее простыми в плане выявления и доказывания эпизодами. Подобная избирательность приводит к тому, что из всего богатства нормативного материала в сфере административной ответственности юридических лиц за правонарушения на организованных торгах реализацию находит лишь его малая часть.

2. Значительным препятствием в процессе реализации законодательства об административной ответственности юридических лиц за правонарушения на организованных торгах является ст. 2.9 КоАП РФ, предоставляющая возможность освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения. Частое использование правоприменителем на практике положения о малозначительности, что обусловлено несовершенством действующей системы административных санкций за рассматриваемые правонарушения (высокие минимальные размеры административных штрафов при отсутствии альтернативных наказаний), приводит к нарушению принципа неотвратимости наказания, препятствует обеспечению законности и правопорядка на финансовых и товарных рынках, так как в результате от административной ответственности освобождаются юридические лица, виновные в совершении правонарушений на организованных торгах.

Литература

1. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.06.2013 по делу № А71-14717/2012.
2. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 09.06.2012 по делу № А81-5431/2011.
3. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 20.03.2012 по делу № А56-5133/2012.
4. Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.01.2012 по делу № А05-10609/2011.
5. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 14.11.2007 по делу № А56-38062/2007.
6. The United States Securities and Exchange Commission (SEC).
7. SEC Enforcement Actions. Insider Trading Cases. — <http://www.sec.gov/spotlight/insidertrading/cases.shtml>
8. ФСФР не выявила ни одного случая манипулирования или инсайдерской торговли // Ведомости. URL: http://www.vedomosti.ru/finance/news/3272521/rost_bez_viny.
9. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.03.2013 по делу № А56-56757/2012.
10. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 30.11.2012 по делу № А56-56757/2012.
11. Решение Арбитражного суда города Москвы от 02.07.2013 по делу № А40-57409/2013.
12. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.12.2012 по делу № А40-72293/11.
13. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 30.07.2013 по делу № А50-197/2013.

14. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 19.04.2013 по делу № А56-31196/2012.
15. Кто и как манипулирует на российском финансовом рынке // РБК daily. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2012/10/17/finance/562949984941415>.
16. Вержбицкий, А. Инсайдеров будут сажать через три года / А. Вержбицкий // Аудит. — 2010. — № 7—8.
17. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 10.08.2012 по делу № А40-58626/12-21-562.
18. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.06.2012 по делу № А50-2935/2012.
19. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.08.2011 по делу № А50-8817/2011.
20. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 21.12.2009 по делу № А50-14799/2009.
21. Решение Арбитражного суда города Москвы от 02.07.2013 по делу № А40-57418/2013.
22. Решение Арбитражного суда города Москвы от 21.06.2013 по делу № А40-57420/2013.
23. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.04.2012 по делу № А50-12437/2011.
24. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 19.01.2012 по делу № А60-21945/2011.

ПЕТРОВ Андрей Юрьевич, заместитель начальника учебно-методического управления, Южно-Уральский государственный университет, доцент кафедры конституционного и административного права, кандидат юридических наук, доцент. 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76, к. 416. E-mail: petroff74@rambler.ru

PETROV Andrey Yurievich, Deputy director of the Academic Directorate of South Ural State University, associated professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Cand. Sc. Law, associated professor. Office 416, 76, Lenina Av., 454080, Chelyabinsk. E-mail: petroff74@rambler.ru

ЯКУПОВ Валерий Рамильевич, аспирант кафедры конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет. 454080, г. Челябинск, ул. Коммуны, д. 149. E-mail: yakupov555@mail.ru

JAKUPOV Valerij Ramilievich, PhD student of the Department of Constitutional and Administrative Law of South Ural State University. 149, Kommuny Str., 454080, Chelyabinsk. E-mail: yakupov555@mail.ru

УДК 342.95 + 343.37:339.543
ББК Х401.143.1 + Х401.072

Е. В. Миллеров

ПРОБЛЕМНЫЕ СТОРОНЫ ТАМОЖЕННЫХ ЗАПРЕТОВ НА ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ЧЕРЕЗ ТАМОЖЕННУЮ ГРАНИЦУ ТОВАРОВ, ПРОТИВОРЕЧАЩИХ НРАВСТВЕННОСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА

E. V. Millerov

PROBLEMATIC ISSUES OF CUSTOMS INTERDICTIONS ON MOVEMENT OF THE GOODS WHICH CONTRAVENE MORALITY ACROSS THE CUSTOMS BORDER: HISTORY AND MODERN CONDITION OF THE ISSUE

Статья посвящена ретроспективному анализу правовых норм, устанавливающих запреты на перемещение через таможенную границу товаров, содержащих информацию, способную причинить вред нравственности населения. Анализу подвержены советский и постсоветский периоды таможенного дела. Сравниваются таможенные правила указанного периода касательно запретов на товары данного характера, уделяется внимание применяемой в них терминологии. Делаются выводы о проблемах практического применения названных запретов при осуществлении таможенного контроля.

Ключевые слова: нравственность, порнографические материалы, товары, перемещение, таможенная граница, запреты, таможенные органы, проблемы терминологии.

The article is devoted to the retrospective analysis of statutory acts which establish interdictions on movement of the goods which contain information harmful to population's morality across the customs border. The Soviet and the post-Soviet periods of customs affairs are subjects to the analysis. Customs regulations of the abovementioned periods are compared; much attention is paid to the terminology applied in them. The author draws conclusions about problems of practical application of the abovementioned interdictions in the implementation of customs control.

Keywords: morality, pornographic materials, goods, movement, customs border, interdictions, customs bodies, problems of terminology.

К функциям таможенных органов сегодня относится защита широкого спектра сфер жизнедеятельности нашего общества и государства. Помимо обеспечения экономической безопасности страны согласно ст. 12 Закона о таможенном регулировании в РФ [1] это охрана жизни и здоровья человека, животных и растений, окружающей природной среды, защита интересов потребителей товаров. Согласно данной норме на таможенные органы также возложены обязанности по содействию охране нравственности населения.

Реализация указанной функции таможенниками непосредственно заключается в том, что согласно действующим сегодня запретам и ограничениям на перемещение товаров через таможенную границу Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России [2] запрещены к ввозу, вывозу, а также транзиту «печатные и аудиовизуальные материалы порнографического характера, перевозимые в целях сбыта». Также в числе этих запрещенных товаров и «печатные и аудиовизуальные материалы, содержащие информацию, которая может причинить вред нрав-

74

Административное
право

ственности граждан». При проведении таможенного оформления и таможенного контроля должностными лицами таможенных органов принимаются меры к соблюдению указанных запретов. Интересно отметить, что ведомственными актами в таможенных органах РФ строго запрещено в работе использовать сайты сети Интернет не только порнографического, но и эротического содержания [3].

Запреты на перемещение порнографических, а также других материалов, способных причинить вред общественной нравственности, таможенному законодательству известны давно. Так, например, если в первом советском таможенном тарифе от 09.03.1922 г. [4] такого запрета не было, то в списке товаров, запрещенных к ввозу в СССР таможенного тарифа от 08.01.1924 г. уже были указаны «порнографические и т. п. предметы» (ст. 225 тарифа) [5]. Согласно таможенному тарифу СССР 1930 г. (раздел «Б») к ввозу в нашу страну запрещались «порнографические произведения» [6, с. 61].

Согласно Правилам таможенного контроля за международными почтовыми отправлениями 1965 г. [7] в перечне предметов, запрещенных к пересылке в СССР, помимо прочих предметов указаны такие как «изделия и изобразительные материалы порнографического характера», а также «предметы непристойного или безнравственного характера». Нужно сказать, что в списке предметов, «запрещенных к пересылке из СССР» такого рода предметов не было указано. Это, на наш взгляд, связано с тем, что в данное время однозначно считалось отсутствие «советской» порнографии, саму же порнографию и порноиндустрию считали исключительно детищем Запада. Так, в принципе, и было.

В Списке предметов, запрещенных к ввозу в СССР и к вывозу из СССР 1981 г. [8], в графе «А» («Предметы, запрещенные к ввозу в СССР») в перечне предметов, запрещенных к ввозу в СССР, были указаны «материалы порнографического и вульгарно-эротического содержания». Говоря о защите общественной нравственности непосредственно таможенными органами, можно отметить, что в числе материалов и предметов, запрещенных к ввозу в СССР названной выше графы «А» указанного Списка, имелись и материалы, пропагандирующие насилие. В графе «Б» («Предметы, запрещенные к вывозу из СССР») этого же Списка 1981 г. вышеуказанных материалов и предметов не указано, наверное, по той же причине,

что и в таможенных правилах более раннего времени.

Согласно совместной Инструкции ГУ ГТК при Совмине СССР, КГБ СССР, ГУ по охране государственных тайн в печати при Совмине СССР от 16.12.1988 г. [9] не подлежали пропуску через границу: материалы, пропагандирующие насилие (пп. «г» п. 3 Инструкции); порнографические и вульгарно-эротические материалы (пп. «г» п. 3 Инструкции).

Данные материалы подлежали изъятию и уничтожению в семидневный срок. При этом материалы видео- и звукозаписи после уничтожения записей путем размагничивания по истечении двухмесячного срока, если они имели товарный вид, реализовывались в установленном порядке, а не имевшие товарного вида — уничтожались. Категорически запрещалось снятие копий и тиражирование задерживаемых и изымаемых материалов, а также ознакомление с ними лиц, не допущенных для работы по контролю за перевозимыми через госграницу СССР печатными и другими материалами (п. 4.4 Инструкции).

Правилами таможенного контроля за предметами, принадлежащими лицам, пользовавшимся таможенными льготами¹, запрещался ввоз в СССР произведений печати, клише, негативов, заснятой пленки, фотографических снимков, кинолент, видеокассет и видеодисков с записью кинофильмов и других видеопрограмм, рукописей, грампластинок и других звукозаписей, рисунков и иной печатной и изобразительной продукции, содержащих сведения, могущих причинить вред нравственности населения [10].

В п. 15 Правил ввоза в СССР и вывоза за границу гражданами вещей, валюты и ценностей 1989 г. [11] было указано на обязательное таможенное оформление предметов, запрещенных к ввозу и вывозу. Также в п. 18 данных Правил предусмотрено, что предметы, запрещенные в соответствии с законодательством Союза ССР к перемещению через государственную границу СССР на том основании, что они могут причинить вред политическим и экономическим интересам страны, государственной безопасности, общественному порядку, нравственности населения и

¹ Должностные лица правительств иностранных государств и международных организаций, должностные лица представительств иностранных государств и международных организаций, вспомогательный персонал представительств иностранных государств и международных организаций, представительств инофирм, сотрудники инофирм, члены семей указанных лиц, дипломатические курьеры.

правам советских граждан, изымаются без возврата и возмещения их стоимости.

В этом же пункте Правил было сказано о том, что записанные на магнитных носителях информации (видеокассетах, аудиокассетах, носителях информации для ЭВМ и др.) материалы, которые в соответствии с действовавшим тогда законодательством запрещались к перемещению через государственную границу СССР, подлежали уничтожению путем размагничивания, а сами магнитные носители информации — возвращению владельцам и могли быть пропущены через государственную границу СССР в соответствии с действующими таможенными правилами.

В Положении о порядке пропуска и декларирования товаров от 18.08.1989 г. [12] также было указано на запрет именно ввоза в СССР материалов порнографического и вульгарно-эротического характера, а также материалов, пропагандирующих насилие (как и раньше в числе материалов, пропагандирующих войну, терроризм, расизм, религиозную ненависть). В качестве новшества можно отметить наличие в данном документе запрета и на транзит указанных материалов через территорию СССР.

Постановлением Верховного Совета СССР от 12.04.1991 г. [13] Кабинету Министров СССР в числе целого ряда мер по охране общества от наплыва в страну порнографии, а также материалов, пропагандирующих культ насилия и жестокости, было поручено в числе мероприятий принять дополнительные меры, обеспечивающие пресечение перемещения через государственную границу продукции порнографического содержания, произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости.

Во исполнение данного Постановления Верховного Совета СССР Кабинетом Министров СССР 7 мая 1991 г. было принято соответствующее распоряжение [14], согласно которому непосредственно Таможенному комитету СССР было поручено принять дополнительные меры, обеспечивающие пресечение перемещения через государственную границу продукции порнографического содержания, произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокость.

В ст. 20 Таможенного кодекса РФ 1993 г., предусматривавшей основные запреты и ограничения при перемещении товаров через таможенную границу, было указано, что ввоз в Российскую Федерацию и вывоз из Российской Федерации отдельных товаров и транспортных

средств могли быть запрещены исходя из соображений нравственности населения. Подзаконных актов, касающихся перечня запретов и ограничений, ГТК России в этот период не принималось (действовали ранее принятые).

В конце 1990-х гг. — начале 2000 гг. можно отметить послабления в российских таможенных правилах относительно ввоза/вывоза порнографических и иных противоречащих нравственности материалов. В самом Таможенном кодексе РФ 2003 г. об охране нравственности не упоминалось и вовсе, лишь в некоторых памятках для перемещающихся через таможенную границу физических лиц указывалось на обязанность таможенного декларирования печатной, кино-, фото- и видеопродукции порнографического характера [15]. Предусматривалась возможность запрета ввоза в Россию, перемещаемых отдельными категориями иностранных лиц товаров, способных причинить вред нравственности населения [16].

О послаблении в вопросах запрета на ввоз/вывоз порнографических и иных, противоречащих нравственности материалов этого времени наглядно говорит и Соглашение 1999 г., заключенное между Россией и Белоруссией по запретам и ограничениям в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу [17]. Так, если в отношении Республики Беларусь данным соглашением предусмотрен запрет на ввоз/вывоз печатных и аудиовизуальных материалов, иных носителей информации, содержащих сведения, которые могут причинить вред нравственности граждан, то в отношении России такого запрета не было предусмотрено. В сводном перечне товаров, запрещенных к перемещению через таможенную границу 2008 г. касаясь нравственных аспектов, были лишь указаны материалы фашистского и иного экстремистского характера, т. е. без указания в этом списке порнографических материалов [18].

Из вышеприведенного ретроспективного анализа видно, что основной, на наш взгляд, проблемой правового регулирования таможенных запретов на перемещение через таможенную границу товаров, противоречащих нравственности, является неопределенность применяемых терминов без их толкования. Как мы увидели из правового анализа интересующих нас норм на протяжении рассмотренного периода, ранее помимо термина «порнографические материалы» в таможенных запретах также указывались

«...и т. п. материалы», «предметы непристойного или безнравственного характера», «вульгарно-эротические», сегодня — «материалы, содержащие информацию, которая может причинить вред нравственности граждан». Такая размытая терминология затрудняет и затрудняет работу

таможенников при осуществлении таможенного контроля соблюдения запретов и ограничений лицами, перемещающими товары через таможенную границу. Возможны ли пути решения этой проблемы? Представляется, что да, но это уже предмет наших последующих публикаций.

Литература

1. Федеральный закон РФ от 27.11.2010 г. № 311-ФЗ (в ред. от 21.12.2013 г.) «О таможенном регулировании в Российской Федерации» / СПС «КонсультантПлюс».
2. Единый перечень товаров, к которым применяются запреты или ограничения на ввоз или вывоз государствами — членами Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества в торговле с третьими странами / Утв. Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16.08.2012 г. № 134 (ред. от 25.12.2012 г.) «О нормативных правовых актах в области нетарифного регулирования» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Приказ ФТС России от 07.10.2010 г. № 1866 «Об утверждении Положения по обеспечению информационной безопасности при использовании информационно-телекоммуникационных сетей международного информационного обмена в таможенных органах Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Декрет СНК РСФСР от 09.03.1922 г. «О таможенном тарифе по европейской торговле» / Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: www.libussr.ru
5. Постановление СНК СССР от 08.01.1924 г. «Об утверждении таможенного тарифа по европейской торговле» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: www.libussr.ru
6. Александров, Д. А. Таможенное дело в СССР / Д. А. Александров, С. С. Дмитриев. — М. : Международная книга, 1949.
7. Правила таможенного контроля за международными почтовыми отправлениями Министерства внешней торговли СССР от 24.02.1965 г. // СПС «КонсультантПлюс».
8. Список предметов, запрещенных к ввозу в СССР и к вывозу из СССР / Утв. Постановлением Совета Министров СССР от 27.04.1981 г. № 394 (с изм. и доп., внесенными Постановлением Совмина СССР от 21.12.1988 г. № 1440) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Инструкция ГУ ГТК при Совмине СССР, КГБ СССР, ГУ по охране государственных тайн в печати при Совмине СССР от 16.12.1988 г. №11-11/205 ДСП «О порядке контроля за перевозимыми через Государственную границу СССР печатными, аудиовизуальными, другими материалами и документами» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Правила государственного таможенного контроля за предметами, принадлежащими организациям и лицам, пользующимся на территории СССР таможенными льготами / Утв. Приказом ГУ ГТК СССР от 26.05.1988 г. №108 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Правила ввоза в СССР и вывоза за границу гражданами вещей, валюты и ценностей // Утв. Приказом ГУ ГТК при Совмине СССР от 21.07.1989 г. № 118 (в ред. Приказов ГУ ГТК СССР от 11.09.1989 № 152; от 19.04.1990 № 84; от 27.11.1990 № 295; от 05.12.1990 № 306) // СПС «КонсультантПлюс».
12. Положение ГУ ГТК СССР от 18.08.1989 г. №137 «О порядке пропуска и декларирования товаров и имущества, перемещаемых через Государственную границу СССР» (в ред. Приказов ГТК РФ от 28.07.92 № 283, от 14.02.94 № 60, от 25.04.94 № 162, от 21.11.95 № 698, от 10.11.97 № 668) // СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Верховного Совета СССР от 12.04.1991 г. № 2101-1 «О неотложных мерах по пресечению пропаганды порнографии, культа насилия и жестокости» // Информационно-правовой портал. URL: www.bestpravo.ru
14. Распоряжение Кабинета Министров СССР от 07.05.1991 г. № 401р // Информационно-правовой портал. URL: www.bestpravo.ru
15. Письмо ГТК России от 05.06.2001 г. № 01-06/22047 (ред. от 24.10.2002 г.) «О Памятке пассажирам поездов международного сообщения» // СПС «КонсультантПлюс».
16. Приказ ГТК РФ от 10.10.2002 г. № 1087 (ред. от 26.03.2003 г.) «Об утверждении Правил перемещения через таможенную границу Российской Федерации товаров отдельными категориями иностранных лиц» // СПС «КонсультантПлюс».
17. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Беларусь от 12.02.1999 г. «Об утверждении перечней товаров, в отношении которых применяются количественные ограничения, запреты или ограничения» // СПС «КонсультантПлюс».

18. Письмо ФТС России от 16.07.2008 г. № 01-11/28567 «О направлении перечня товаров, в отношении которых установлены запреты и ограничения» // СПС «КонсультантПлюс».

МИЛЛЕРОВ Евгений Владимирович, старший преподаватель кафедры административного и таможенного права Ростовского филиала Российской таможенной академии, канд. юрид. наук. 344002, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденновский, 20. E-mail: MillerovyEVEA@yandex.ru

MILLEROV Evgeny Vladimirovich, senior lecturer of the Department of Administrative and Customs Law of Rostov Branch of State Commercial Educational Institution Of Higher Professional Education 'Russian Customs Academy', Cand. Sc. Law. 20, Budenovsky Av., 344002, Rostov-on-Don. E-mail: MillerovyEVEA@yandex.ru

Е. А. Павлова

БЕЗОПАСНОСТЬ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ: ЗАДАЧИ И ИСПОЛНИТЕЛИ

Е. А. Pavlova

ROAD SAFETY: TASKS AND PERFORMERS

В статье анализируется нормативно-правовая база Российской Федерации, с помощью которой гарантируются и обеспечиваются безопасность дорожного движения, определяются основные задачи безопасности дорожного движения, а также определяются исполнители данных задач.

Ключевые слова: задачи по обеспечению безопасности дорожного движения, безопасность дорожного движения, исполнители нормативно-правовых актов.

The article analyzes the normative and legal base of the Russian Federation, with which the safety of road traffic are guaranteed and ensured; it also defines the basic tasks of road safety, as well as identifies the performers of these tasks.

Keywords: tasks on ensuring road traffic safety, road safety, performers of statutory acts.

На основании Федерального закона Российской Федерации «О безопасности дорожного движения» [1] выделяются 5 основных задач безопасности дорожного движения (далее — БДД):

- охрана жизни;
- охрана здоровья;
- охрана имущества граждан;
- защита прав и законных интересов;
- защита интересов общества и государства.

Решение этих задач, прежде всего, достигается путем предупреждения дорожно-транспортных происшествий, снижения тяжести их последствий.

Но помимо Федерального закона Российской Федерации «О безопасности дорожного движения» существует также Федеральный закон «О транспортной безопасности» [2], в котором выделяются следующие основные задачи обеспечения транспортной безопасности:

- 1) нормативное правовое регулирование в области обеспечения транспортной безопасности;
- 2) определение угроз совершения актов незаконного вмешательства;
- 3) оценка уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств;
- 4) категорирование объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств;
- 5) разработка и реализация требований по обеспечению транспортной безопасности;

6) разработка и реализация мер по обеспечению транспортной безопасности;

7) подготовка специалистов в области обеспечения транспортной безопасности;

8) осуществление контроля и надзора в области обеспечения транспортной безопасности;

9) информационное, материально-техническое и научно-техническое обеспечение транспортной безопасности.

Данный Закон определяет правовые основы обеспечения безопасности дорожного движения на территории РФ. Помимо основных вышеперечисленных задач в данном законе называются и другие не менее важные задачи: охрана жизни, здоровья и имущества граждан, защита их прав и законных интересов, а также защита интересов общества и государства путем предупреждения дорожно-транспортных происшествий, снижения тяжести их последствий.

Задачи по обеспечению безопасности дорожного движения решаются и в рамках реализации государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011—2015 годы [3]; в Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года [4]; в федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013—2020 годах» [5], а также в различных ГОСТах, постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации и т. д.

Все вышеперечисленные нормативно-правовые акты так или иначе сводятся к единым целям и задачам. Все они самостоятельно и в совокупности должны привести к снижению дорожно-транспортного травматизма в России, охране жизни, здоровья и имущества граждан.

Таким образом, задачи сохранения жизни и здоровья участников дорожного движения (за счет повышения дисциплины на дорогах, качества дорожной инфраструктуры, организации дорожного движения, повышения качества и оперативности медицинской помощи пострадавшим и др.) и, как следствие, сокращения демографического и социально-экономического ущерба от дорожно-транспортных происшествий и их последствий согласуются с приоритетными задачами социально-экономического развития Российской Федерации.

Безопасность дорожного движения является одной из важных социально-экономических и демографических задач Российской Федерации. Аварийность на автомобильном транспорте наносит огромный материальный и моральный ущерб как обществу в целом, так и отдельным гражданам. Дорожно-транспортный

травматизм приводит к исключению из сферы производства людей трудоспособного возраста. Гибнут и становятся инвалидами дети.

Исполнителями всех вышеперечисленных нормативных актов становятся сотрудники правоохранительных органов. Именно на них ложится исполнение всех целей и задач по обеспечению безопасности дорожного движения. Однако в масштабах всей страны участие только сотрудников правоохранительных органов по обеспечению безопасности дорожного движения ничтожно мало. Для наибольшей эффективности исполнения основных целей и задач БДД необходимо участие всех граждан в их реализации.

Анализируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что в Российской Федерации существует множество нормативно-правовых актов, цели и задачи которых тесно переплетаются друг с другом, а иногда и повторяются, что в принципе должно способствовать повышению уровня безопасности для участников дорожного движения. Но для наибольшей эффективности всех нормативно-правовых актов требуется их упорядочить, упростить и свести к единому нормативному акту.

Литература

1. Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» с изменениями от 2 марта 1999 г., 25 апреля 2002 г., 10 января 2003 г., 22 августа 2004 г., 18 декабря 2006 г., 8 ноября, 1 декабря 2007 г.
2. Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности».
3. Распоряжение Правительства РФ от 26.11.2012. № 2181-р «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011—2015 годы»
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008. № 1734-р «О транспортной стратегии Российской Федерации».
5. Постановление Правительства РФ от 03.10.2013 № 864 «О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013—2020 годах»».

ПАВЛОВА Екатерина Анатольевна, аспирант, Южно-Уральский государственный университет. 454085, г. Челябинск, ул. Шуменская, д. 43. E-mail: katenok101084@yandex.ru

PAVLOVA Ekaterina, PhD student of South Ural State University. 43, Shumenskaya Str., 454085, Chelyabinsk. E-mail: katenok101084@yandex.ru

УДК 347.41
ББК Х404.200

И. И. Ершов

ВСТРЕЧНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ ВЗАИМНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

I. I. Ershov

COUNTER FULFILLMENT OF MUTUAL OBLIGATIONS

Автор статьи анализирует проблему исполнения взаимных обязательств, рассматривает существующие научные подходы, судебную практику, высказывает свою позицию по данной проблеме. Автор разграничивает категорию временного измерения исполнения взаимного обязательства и категорию порядка исполнения взаимного обязательства и исходит из необходимости ввести специальный правовой режим, направленный на детальное регулирование очередности исполнения взаимного обязательства: условие об очередности исполнения взаимного обязательства должно быть существенным условием договора, являющегося основанием возникновения данного обязательства, при отсутствии ограничений свободы сторон по закреплению порядка исполнения.

Ключевые слова: взаимное обязательство, встречное исполнение, предшествующее исполнение, взаимообусловленность исполнения, воздержание от совершения действия, одновременность исполнения взаимного обязательства, свобода договора, существенное условие об очередности исполнения взаимного обязательства.

The author analyzes the problem of fulfillment of mutual obligations, considers the current scientific approaches and judicial opinion, and expresses his position on this issue. The author distinguishes between the category of temporary measure of fulfillment of mutual obligations and the category of the procedure of fulfillment of mutual obligations and proceeds from the necessity to introduce a special legal regime aimed at the detailed regulation of the sequence of fulfillment of mutual obligations: the condition on the sequence of fulfillment of mutual obligations must be an essential condition of the contract which is the basis of mutual obligation in the absence of restrictions of the freedom of the parties to consolidate the procedure for fulfillment.

Keywords: mutual obligation, counter fulfillment, previous fulfillment, the interdependence of the fulfillment, refraining from the actions, the simultaneity of the fulfillment of mutual obligations, freedom of contract, an essential condition on the sequence of execution of mutual obligations.

Российское гражданское законодательство дает определение понятию встречное исполнение обязательств в норме п. 1 ст. 328 ГК РФ. В соответствии с п. 1 ст. 328 ГК РФ встречным исполнением обязательства признается исполнение обязательства одной из сторон, которое в соответствии с договором обусловлено исполнением другой стороной.

А. М. Эрделевский обращает внимание на то, что «Правила комментируемой статьи применяются в отношении

двусторонне-обязывающих договоров, предусматривающих встречное имущество предоставление (купля-продажа, мена, подряд и т. п.)...»[1]. Исходя из буквального толкования нормы п. 1 ст. 328 ГК РФ можно сделать вывод, что обусловленность должна быть основана на договоре, то есть в договоре должна быть ссылка на обусловленность. Во взаимном (синаллагматическом) обязательстве, основанном на взаимном (синаллагматическом) договоре, упоминаемая за-

конодательством обусловленность — это взаимность.

Необходимо заметить, что модель встречного исполнения обязательства может быть предусмотрена только в договоре, являющемся основанием возникновения взаимного (синаллагматического) обязательства. Взаимное (синаллагматическое) обязательство предполагает обусловленность исполнения, следовательно, отсутствие в договоре, являющемся основанием возникновения взаимного (синаллагматического) обязательства, данного признака, позволяет нам утверждать, что данное обязательство уже не является взаимным (синаллагматическим), так как нет проявления сущности данного обязательства.

Взаимообусловленность (встречность) необходима для юридической защиты сторон договора, на основании которого возникло взаимное (синаллагматическое) обязательство. Исполнение одной из сторон является предшествующим, а исполнение другой стороны является встречным по отношению к исполнению первой стороны. Сторона, на которую возложено встречное исполнение, имеет право не исполнять свои обязанности или имеет право приостановить свое исполнение, пока не будут исполнены обязанности другой стороны (предшествующее исполнение). В результате, сторона по обязательству, на которое возложено встречное исполнение взаимного обязательства, имеет юридические гарантии относительно возможности не исполнять определенные обязанности в связи с тем, что нет предшествующего необходимого исполнения обязанностей.

Из взаимного (синаллагматического) обязательства всегда (если установлен четкий порядок исполнения взаимного (синаллагматического) обязательства) будет очевидно, какое исполнение является встречным, каким исполнением оно обусловлено. Важным фактором исполнения взаимного (синаллагматического) обязательства одной стороной, например, стороной А, является необходимость первоначального исполнения обязательства стороной В. То есть условие предшествующего исполнения, которое будет во взаимном (синаллагматическом) обязательстве со стороны В, имеет большое значение для потенциальной реализации исполнения взаимного (синаллагматического) обязательства. Как указывает Г. Д. Отнюкова, «...речь идет об установленной законом или договором такой последовательности исполнения сторонами своих обязанностей, когда одна сторона

исполняет обязательство при условии исполнения другой стороной своего» [2].

Арбитражные суды постоянно сталкиваются с необходимостью оценить обстоятельства исполнения взаимных (синаллагматических) обязательств при рассмотрении споров, связанных с исполнением договорных обязательств. Так, Восемнадцатый арбитражный апелляционный суд в Постановлении от 9 июля 2010 г. № 18 АП - 5392/2010 по делу № А76-42496/2009 отметил, что «...по смыслу ст. 328, 486, 516 ГК РФ встречное обязательство покупателя по оплате товара возникает только в случае надлежащего исполнения поставщиком своих обязательств и предоставления обусловленного договором исполнения» [3]. К аналогичному выводу приходит ФАС Северо-Западного округа в Постановлении от 23 августа 2006 г. по делу № А56-36036/2005: «...характер договора купли-продажи выражается в том, что на стороне покупателя во всех случаях лежит встречное исполнение его обязательств, т. е. исполнение покупателем обязательств по оплате товара обусловлено исполнением продавцом своих обязательств по передаче товара покупателю (п. 1 ст. 328 ГК РФ)» [4]. Таким образом, если отсутствует предшествующее исполнение взаимного (синаллагматического) обязательства, то у лица, на которое возложено встречное обязательство, отсутствует обязанность по исполнению своих обязанностей. Так, ФАС Уральского округа в Постановлении от 11 марта 2010 г. № Ф09-1404/10-С3 по делу № А60-22355/2009-С5 указал, что «...Гражданский кодекс Российской Федерации не предусматривает возможность понуждения покупателя к оплате не переданного ему поставщиком товара» [5].

Мы полагаем важным разграничивать категорию временного измерения исполнения взаимного (синаллагматического) обязательства и категорию порядка исполнения взаимного (синаллагматического) обязательства. Таким образом, говорить о связи временных категорий исполнения обязательства с порядком, очередностью исполнения обязательства нельзя, поскольку главная характеристика исполнения взаимного (синаллагматического) обязательства — взаимообусловленность, которая не зависит от временных категорий. Одновременно с этим следует особо отметить, что исполнение взаимного (синаллагматического) обязательства имеет место в определенных временных рамках, но это не является

определяющей чертой, характеристикой исполнения взаимного (синаллагматического) обязательства. Установление временных рамок исполнения взаимного (синаллагматического) обязательства, естественно, является важным, но является вторичным.

В зависимости от того, каким образом будет установлен порядок исполнения взаимного (синаллагматического) обязательства можно говорить о временных рамках исполнения конкретного взаимного (синаллагматического) обязательства. Главное — установить очередность исполнения взаимного (синаллагматического) обязательства.

Следует сказать несколько слов об особенностях исполнения взаимного (синаллагматического) договора, элементом предмета которого является воздержание от совершения действия либо на каждой из сторон, либо на одной из сторон обязательства. Данная особенность заключается в том, что исполнение стороной А, которая должна воздержаться от совершения действия, является длящимся, следовательно, исполнение другой стороны обязательства, стороны В, которая обязана совершить определенное действие, обусловленное исполнением стороной А, будет завершено в процессе исполнения стороной А. Такая же ситуация будет, когда воздержание есть и на стороне А, и на стороне В. Таким образом, говорить об обусловленности, встречности исполнения взаимного (синаллагматического) обязательства в чистом виде в этом случае нельзя, поскольку предшествующее исполнение нельзя считать завершенным. В том случае, если воздержание от совершения действия обусловлено предшествующим исполнением, которое является действием, то в данном случае мы можем утверждать о наличии обычного исполнения взаимного (синаллагматического) обязательства, когда имеется законченное предшествующее исполнение и встречное ему исполнение.

В проекте Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предполагается изменения в статье 328 ГК РФ: предлагается дополнить статью следующим пунктом — «3. Ни одна из сторон обязательства, по условиям которого предусмотрено встречное исполнение, не вправе требовать по суду исполнения, не предоставив причитающегося с нее по обязательству другой стороне» [6].

Смысл данного положения, планируемого ввести в норму ст. 328 ГК РФ, заключается, с одной стороны, в создании механизма полной юридической защиты лиц, являющихся сторонами взаимного (синаллагматического) обязательства, а, с другой стороны, мы видим наличие подобия замкнутого круга в исполнении взаимного (синаллагматического) обязательства.

В итоге, каждая из сторон взаимного (синаллагматического) обязательства будет считать, что первой должна исполнить обязательство другая сторона и одновременно потребовать исполнения от другой стороны нельзя, пока данная сторона не предоставит причитающееся по взаимному (синаллагматическому) обязательству. Имеет место следующая проблема: какая из сторон взаимного (синаллагматического) обязательства первой предоставит причитающееся с нее?

По нашему мнению, планируемое изменение в ст. 328 ГК РФ практического значения для субъектов гражданско-правовых отношений не имеет, даже, учитывая положения п. 4 ст. 328 ГК РФ (после внесения изменений — п. 5 ст. 328 ГК РФ), поскольку это не универсальное средство решения проблемы, но имеет большое теоретическое значение.

Выходом из сложившейся ситуации необходимо считать создание особого механизма реализации принципа свободы договора в части закрепления порядка исполнения взаимного (синаллагматического) обязательства, вытекающего из конкретного договора. В связи с этим мы видим реализацию принципа свободы договора в данном контексте в следующем: необходимо включить в норму абз. 2 п. 1 ст. 432 ГК РФ указание на условие об очередности исполнения взаимного (синаллагматического) обязательства, основанного на конкретном договоре, как на существенное условие договора, поскольку найти универсальное средство для решения проблемы исполнения взаимного (синаллагматического) обязательства невозможно, учитывая большое количество различных видов договоров. Стороны договора должны сами определить, каким образом будет осуществляться исполнение взаимного (синаллагматического) обязательства, какова очередность исполнения, учитывая действие фактора обусловленности (встречности).

Более того, в ст. 328 ГК РФ необходимо внести пункт, в котором закрепить норму, касающуюся очередности исполнения встречного обязательства. Данная

норма должна иметь отсылочный характер. Отсылка должна быть к ст. 432 ГК РФ, в котором будет указание на существенность условия об очередности исполнения взаимного обязательства. В результате, мы получим действующую модель исполнения взаимного (синаллагматического) обязательства. Стороны договора будут вынуждены закрепить в качестве существенного условия условия условие об очередности исполнения обязательства, должны будут указать, какая из сторон будет вынуждена исполнить свои обязанности первой, а на какой из сторон будет встречное исполнение.

Если стороны договора не достигнут соглашения по данному существенному условию, то данный договор будет считаться незаключенным, а, как известно, незаключенный договор не влечет никаких правовых последствий, такой договор не будет порождать обязательство.

Закрепляя императивную норму относительно существенного условия об очередности исполнения взаимного (синаллагматического) обязательства, законодательство не содержит ограничений относительно свободы сторон заключаемого договора по закреплению порядка очередности исполнения взаимного (синаллагматического) договора. То есть условие об очередности исполнения в законодательстве должно быть, но подробная регламентация порядка очередности исполнения обязательства — это ответственность сторон.

Предлагаемые нами изменения в ст. 328 ГК РФ и в ст. 432 ГК РФ внесут ясность в то, чье исполнение является предшествующим, а чье исполнение является встречным, которая необходима не только субъектам гражданско-правовых отношений, но также и судам при разрешении дел, связанных с исполнением обязательств.

Литература

1. Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Н. Н. Агафонова, С. В. Артеменков, В. В. Безбах и др. ; под ред. В. П. Мозолина, М. Н. Малеиной. — М. : НОРМА, 2004. — 848 с. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой : в 3 т. (постатейный) / Т. Е. Абова, З. С. Беляева, Е. Н. Гендзехадзе и др. ; под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. — 3-е изд., перераб. и доп. — Т. 1. — М. : Юрайт-Издат, 2007. — 1060 с. // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 июля 2010 г. по делу № А76-42496/2009 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 23 августа 2006 г. по делу № А56-36036/2005 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление ФАС Уральского округа от 11 марта 2010 г. по делу № А60-22355/2009-С5 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Проект Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://www.privlaw.ru/files/zakonoproekt.doc> (дата обращения: 25.01.2014).

ЕРШОВ Игорь Игоревич, соискатель Российской академии правосудия, юрист адвокатского бюро г. Москвы «Халимон и Партнеры». 129090, г. Москва, пр. Мира, д. 16, стр. 2. E-mail: igor-ersh@mail.ru

ERSHOV Igor Igorevich, doctoral candidate of the Russian Academy of Justice, lawyer of Law Office «Khalimon and Partners», Moscow. Bld. 2, 16, Myra Av., 129090, Moscow. E-mail: igor-ersh@mail.ru

УДК 343.01 + 343.9 + 343.85
ББК Х02 + Х5

Т. Г. Голощапова, Е. В. Голощапов

НОМИНАНТЫ «ПРОФИЛАКТИКА», «ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ» И «ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ» В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

E. V. Goloschapov, T. G. Goloschapova

THE NOTIONS "PREVENTION", "PRECAUTIONS" AND "COUNTERACTION" IN LEGAL DISCOURSE

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся терминологического понятийного поля, связанного с противодействием преступным деяниям: профилактика, предупреждение, борьба и др. Авторы, опираясь на данные лингвистических и юридических словарей современного русского языка, а равно на основе анализа правовой литературы в отношении использования названных номинантов, концентрируют внимание на грамотном использовании их с учетом индивидуального лексического значения. Кроме того, термины предупреждение, профилактика, противодействие и др. являются синонимами и в процессе юридической коммуникации могут быть использованы как равноправные (абсолютные), так и стилистически окрашенные.

Ключевые слова: профилактика, предупреждение, противодействие, пресечение, преступность, преступление.

The article considers the problems concerning the terminological conceptual field connected with the counteraction against criminal acts (prevention, precautions, etc.). Based on the data from linguistic and legal dictionaries of modern Russian, as well as on the analysis of legal literature concerning the use of the above mentioned notions the authors dwell on their good use taking into account the individual lexical meaning. Moreover, the notions 'prevention', 'precautions', and 'counteraction', etc. are synonyms and in the process of legal communication can be used as equal and stylistically coloured.

Keywords: prevention, precautions, counteraction, preclusion, crime, offence.

На современном этапе развития юридической науки немаловажное внимание уделяется грамотному использованию терминологического аппарата. В этом плане в настоящей статье мы рассматриваем вопросы, касающиеся понятийного поля, которое связано с предупредительной деятельностью противоправных деяний и исключения рецидива преступлений.

Предупреждение преступлений является одним из приоритетных направлений уголовно-правовой политики России, а равно передового общественного движения. Остановимся на понятии терминов «предупреждение преступности» и «предупреждение преступлений», а также их толковании в юридической литературе с точки зрения норм современного русского языка.

В нормативных толковых словарях современного русского языка у слова «предупреждение» отмечается два значения, одно из которых, непосредственно связанное с глаголом *предупредить* — «заранее принятыми мерами помешать чему-либо осуществиться, наступить; предотвратить» [1; 6, с. 582], и реализуется в терминологических словосочетаниях «предупреждение преступности» и «предупреждение преступлений».

Кроме того, следует отметить, что термин «предупреждение» синонимичен словам *предотвращение, пресечение, противодействие, профилактика*, имеющим предметно-процессуальное значение, которые также используются в официальном юридическом дискурсе [2, с. 404, 435, 436, 510].

85

Уголовно-правовая
доктрина

В частности, А. В. Шеслер и Т. А. Смолина рассматривают термины «предупреждение» и «профилактика» (с греч. — «предохранительный») в качестве тождественных понятий [3, с. 102], в работах А. И. Абатурова, А. И. Варыгина, В. Б. Первозванского, В. П. Сальникова, Ю. Д. Блувштейна, В. Н. Смирнова, М. И. Зырянова, Э. Ф. Побегайло, В. В. Романова и др. используется понятие «профилактика» [4; 10; 11].

Авторы монографического исследования «Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы» А. И. Алексеев, С. И. Герасимов, А. Я. Сухарев считают, что понятия «предупреждение» и «профилактика» не являются тождественными по своему смыслу, то есть не синонимичны, а соотносятся как вид и род (общее и частное — в философском понимании). Согласно их убеждениям, «профилактика» является составной частью «предупреждения», которая способна непосредственным образом влиять на истоки, корневую систему преступности, на то, что ее продуцирует и производит [5, с. 12]. Однако в лингвистических словарях, например, словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, дается следующее определение названной лексемы: *профилактика* — совокупность предупредительных мероприятий, направленных на сохранение и укрепление нормального состояния, порядка [6, с. 626]. Это в некотором роде дает основание рассматривать термины «профилактика» и «предупреждение» в качестве синонимов, но не абсолютных, а смысловых, то есть различающихся оттенками значений, что, в частности, находит свое отражение в юридической, в том числе и криминологической словарной литературе. Так, в «Большом юридическом словаре», авторский коллектив которого представлен ведущими учеными-юристами современности: В. А. Белов, В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова, М. Н. Лобанов, В. П. Панов и др. — понятие «профилактика преступности» толкуется как «предупреждение преступности; комплекс мер, направленных на выявление, ограничение или устранение факторов преступности в целом и ее отдельных видов, общественной опасности личности преступника» [7, с. 502; 12, с. 33, 41; 13, с. 108—109].

Имеется еще ряд терминологических наименований деятельности, связанной с противостоянием преступности в целом и преступлений, в частности: *борьба, война, контроль* и др., которые по сути можно рассматривать в одном терминологическом поле и которые, отражая разные мировоззренческие позиции ученых-

юристов, различаются либо оттенками значений, либо стилем употребления, а равно и своими сочетательными способностями. Так, понятие «борьба» в официальном общении обычно употребляется в сочетании со словом *преступность (борьба с преступностью)*, в котором реализует значение «активное столкновение противоположных общественных групп, направлений, интересов и т. д. в целях получения каждой стороной господства, перевеса» [1, с. 109]. Преимущественно терминологическое словосочетание «борьба с преступностью», как вполне обоснованно отмечают А. В. Шеслер и Т. А. Смолина, «применяется в аспекте обозначения сферы социального управления, состоящей в активной целенаправленной правоохранительной деятельности, осуществляющей воздействие на причины и условия преступности, а также на саму преступность в целях недопущения ее самодетерминации» [3, с. 100—101], что послужило причиной его закрепленности в ряде нормативно-правовых актов, которые в основном носят принудительный характер. Названная терминология, в частности, встречается в научных работах Э. Г. Гасанова, В. И. Омидова, П. Н. Сбирунова и др. с целью подчеркнуть, что преступность в целом сегодня принимает все более организованный, иерархический, транснациональный и антагонистический характер, а это, в свою очередь, требует консолидации всех властных и силовых структур государства, а равно передовой общественности в отношении не только уменьшения интенсивности негативно влияющего этого процесса на многонациональный российский социум, но и в отношении разрушения ее структурно-функционального единства. В связи с этим можно сказать, что термин «борьба с преступностью» преимущественно употребляется в языке права (закона), непосредственно обслуживающего официальную карательную уголовную политику государства по отношению к преступности в целом и к отдельным ее видам — преступлениям, в частности.

Термин *противодействие*, который в русском языке трактуется следующим образом: «действие, препятствующее другому действию; сопротивление» [8, с. 534; 6, с. 624], в нашем понимании носит более конкретный теоретико-прикладной характер, базирующийся на криминологическом исследовании преступности в целом и отдельного вида преступлений, в частности. Образно говоря, если имеется противоправное деяние в отношении, на-

пример, немедицинского употребления и распространения наркотических средств и психотропных веществ, то необходимо активное противодействие ему с целью не допустить беспорядка и анархии, прямым следствием чего является угроза безопасности как отдельного субъекта Российской Федерации, так и государственного устройства в целом. Названный термин, следовательно, можно вполне обоснованно рассматривать в качестве смыслового стилистического варианта к лексемам *предупреждение* и *профилактика*.

Необходимо также подчеркнуть, что термины «предупреждение преступности» и «предупреждение преступлений» семантически близкие, но не тождественные понятия: *предупреждение преступности*, по определению А. И. Долговой, — «целенаправленное воздействие государства,

общества, физических и юридических лиц на процессы детерминации и причинности преступности в целях недопущения вовлечения в преступность новых лиц, совершения новых криминальных деяний, расширения криминализации общественных отношений» [11, с. 435], а *предупреждение преступлений* следует понимать как целенаправленное воздействие указанных лиц на нейтрализацию воздействия криминогенных детерминант на конкретный вид негативных противоправных деяний.

Таким образом, термины *предупреждение*, *профилактика* и *противодействие* являются синонимами и в юридическом тексте могут применяться либо как равноправные понятия, либо стилистически окрашенные.

Литература

1. Словарь русского языка. — Т. 1 — М., 1981.
2. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка / З. Е. Александрова; под ред. Л. А. Чешко. — М., 1986.
3. Шеслер, А. В. Криминологическая характеристика и профилактика женской преступности : учеб. пособие / А. В. Шеслер, Т. А. Смолина. — Тюмень, 2008.
4. Варыгин, А. Н. Основы криминологии и профилактики преступлений : учеб. пособие / А. Н. Варыгин, В. Г. Громов, О. В. Шляпникова. — Саратов, 2000.
5. Алексеев, А. И. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы : монография / А. И. Алексеев, С. И. Герасимов, А. Я. Сухарев. — М., 2001.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М., 2007.
7. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. — М., 2001.
8. Словарь русского языка. — Т. 3. — М., 1983.
9. Криминология : учеб. / под общ. ред. А. И. Долговой. — М., 2008.
10. Блувштейн, Ю. Д. Профилактика преступлений : учеб. пособие / Ю. Д. Блувштейн. — Минск, 1986.
11. Абатуров, А. И. Профилактика злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания осужденных к лишению свободы : учеб.-методич. пособие / А. И. Абатуров, В. Б. Первозванский. — М., 2007.
12. Криминология и профилактика преступлений: словарь основных понятий и терминов / сост. Л. И. Борейко. — Екатеринбург, 2008.
13. Криминология : словарь / под общ. ред. В. П. Сальникова. — СПб., 1999.

ГОЛОЩАПОВА Татьяна Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент факультета подготовки сотрудников правоохранительных органов, Южно-Уральский государственный университет. 454080, г. Челябинск, пр. им. Ленина, д. 76. E-mail: vasilisa5312@rambler.ru

GOLOSCHAPOVA Tatiana Gennadievna, Cand. Sc. Philology, Associated Professor of the Faculty of Law Enforcement Training of the Federal State Budgetary Educational Institution South Ural State University (National Research University). 76, Lenina Av., 454080, Chelyabinsk. E-mail: vasilisa5312@rambler.ru

ГОЛОЩАПОВ Евгений Владимирович, кандидат юридических наук, заместитель начальника оперативного управления — начальник отдела организации оперативно-розыскной деятельности ГУФСИН России по Челябинской области. 454090, Челябинская область, г. Челябинск, ул. 3 Интернационала, д. 116. E-mail: vasilisa5312@rambler.ru

GOLOSCHAPOV Evgeny Vladimirovich, Cand. Sc. Law, Deputy Director of the Operative Administration, Head of the Department of the Organization of Operational Investigations of the Head Department of Federal Service for the Execution of Sanctions in Chelyabinsk Region. 116, 3 Internatsionala Str., 454090, Chelyabinsk. E-mail: vasilisa5312@rambler.ru

Е. А. Зимин

КОНЦЕПЦИЯ «COMMUNITY POLICING»: ОБЩИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ДОКТРИНАЛЬНАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Е. А. Zimin

THE "COMMUNITY POLICING" CONCEPT: THE GENERAL PREREQUISITES OF DEVELOPMENT, DOCTRINAL AND PRACTICAL UNCERTAINTY

В статье анализируется широко распространенная в современных демократических государствах концепция организации полицейской деятельности, получившая название «community policing». В первой части статьи рассматриваются социальные и научные предпосылки возникновения данной концепции в 1980-х годах. Во второй части статьи обозначается неопределенность доктринального изложения концепции «community policing» в зарубежных (англоязычных) источниках, недостаточность отражения ее основных положений и принципов в отечественной доктрине, а также разнообразие форм ее практической имплементации в зарубежных странах. Материал статьи предназначен для лиц, интересующихся современным опытом организации и реформирования полицейских структур.

Ключевые слова: community policing, социально-ориентированная полицейская деятельность, полиция, концепция, сотрудничество.

The article examines the concept of organization of police activity called the «community policing» which is widespread in modern democratic states. The first part of the article is dedicated to social and academic prerequisites of the given concept in 1980s. The second part deals with indicating uncertainty of doctrinal representation of the «community policing» concept in foreign (English-speaking) sources, the lack of reflection of its basic provisions and principles in domestic doctrine, as well as the diversity of forms of its practical implementation in foreign countries. The material is intended for people interested in contemporary experience of the organization and reformation of police structures.

Keywords: community policing, socially-oriented police activity, police, concept, cooperation.

88

Уголовно-правовая
доктрина

История существования современных полицейских организаций государств англо-саксонской правовой системы в их современном понимании начинается в 1829 году и насчитывает, таким образом, без малого два столетия. В течение этого периода полиция указанных стран претерпевает существенную трансформацию принципов и методов своей деятельности, следуя в фарватере более глобальных перемен в сфере государственного управления. Характеризуя текущий этап исторической эволюции полиции, мы можем сказать, что важнейшей и определяющей его чертой является **демократизация полицейской деятельности**. В свою очередь, одним из наиболее отчетливых проявлений данного процесса является

разработка, принятие и воплощение т. н. **концепции общинно ориентированной деятельности полиции («community policing», «community-oriented policing», «community-based policing»)**.

В настоящей статье мы в общих чертах обозначим основные предпосылки возникновения данной концепции, а также кратко охарактеризуем степень ее разработанности в зарубежной доктрине и степень ее отражения — в отечественной.

Общие предпосылки возникновения

Предпосылки возникновения философии общинно ориентированной полиции формируются в 1960-е годы — период массовых народных волнений, борьбы

за гражданские права и, как следствие — масштабных демократических преобразований в сфере публично-властных отношений развитых стран Западной Европы и Северной Америки.

Именно в 60—70-х годах XX века легитимность традиционной «профессиональной» модели организации полицейской системы, доминировавшей в данных странах в предыдущий полувек, была впервые поставлена под сомнение. Обществом, равно как и его политическими представителями, все более отчетливо начинает осознаваться то обстоятельство, что привычный образ полицейской организации как глубоко профессионализованной, изолированной от общества структуры, выполняющей карательно-репрессивную функцию в механизме государства, не соответствует изменившимся реалиям общественных отношений. Помимо критики за неэффективность в противодействии преступности полиция столкнулась с многочисленными обвинениями со стороны общественности в злоупотреблении насилием и нарушении конституционных прав граждан. В результате полицейская система как институт публичной власти, возможно, впервые с момента своего возникновения оказалась в состоянии глубокого экзистенциального кризиса.

В это же время в Великобритании и США возникают первые исследования, посвященные изучению деятельности полиции и переосмыслению ее роли в постиндустриальном обществе. Первопроходцем в данной области считается британский профессор Майкл Бентон со своей известнейшей в англоязычной полицистике книгой «Полицейский в обществе» [1], увидевшей свет в 1964 году. Ключевой идеей этой и последующих работ Бентона становится необходимость разрушения полувекковой изоляции полиции и расширение ее контактов с общественностью. В это же время подобная позиция высказывается и по другую сторону Атлантического океана — в США. Так, к примеру, мы можем наблюдать, как в 1965 году американский адъюнкт-профессор социологии Джон Кларк, анализируя феномен «изоляции полиции», утверждает, что ее офицеры «имеют профессиональные причины избегать изоляции от общества», а «большинство аспектов полицейской деятельности требует добровольного сотрудничества общественности» [2, р. 310]. Таким образом, как справедливо указывает австралийский исследователь Лоррэйн Бейер, именно в середине 60-х годов XX века слово «community» («община», «местное сообщество») стало впервые употребляться со словом

«police» [3, р. 4].

Что же касается первых практических попыток трансформации устаревшей «профессиональной» (авторитарно-репрессивной) модели организации деятельности полиции в новую (демократическую) модель, то они происходят в США уже в середине 1980-х годов. Как свидетельствует американский исследователь Уэсли Скоугэн, они не основывались на каком-либо генеральном плане или единой систематизированной теории. Вместо этого города Соединенных Штатов самостоятельно разрабатывали и испытывали различные подходы к осуществлению полицейской деятельности, основанные лишь на общем понимании того факта, что **полиция не способна эффективно выполнять свою правоохранительную функцию, будучи оторванной от общества, которому она служит, не имея его понимания и доверия, а также систематически посягая на конституционные права граждан.**

Несмотря на то что каждый из этих экспериментов имел определенные недостатки и ограничения, все вместе они существенно расширили видение американского общества касательно *возможных способов* осуществления полицейской деятельности в демократическом государстве. И именно в этих экспериментах, утверждает Скоугэн, берет свое начало доктрина «community policing» [4, р. 44—45], ставшая впоследствии «наиболее важным достижением» современной полицейской системы США [5, р. 3].

Таким образом, мы видим, что именно децентрализованный характер полицейского управления США (и обусловленная им существенная степень автономности местных полицейских структур) во многом предопределил возможность для испытания разнообразных теорий и стратегий осуществления полицейской деятельности в демократическом государстве. Однако это же самое обстоятельство имело (и имеет до сих пор) еще одно важнейшее следствие, которое мы считаем необходимым обозначить во второй части настоящей статьи.

Доктринальная неопределенность

В течение тридцатилетнего периода развития концепции «community policing» англоязычная доктрина пополнилась значительным количеством статей, монографий, докладов и прочих материалов, прямо посвященных или затрагивающих какой-либо аспект данной темы. И, тем не менее, как бы ни парадоксально это

звучало, **несмотря на широчайшее распространение в мире данной концепции, ставшей во многих государствах буквально аксиоматичной, вопрос о том, что именно скрывается за этой формулировкой, по-прежнему не имеет однозначного или хотя бы общепринятого ответа.**

Весьма показательны в этом плане слова директора департамента общественной безопасности г. Линкольн (штат Небраска, США) Тома Кэсэди, утверждающего, что термин «community policing» является «наиболее непонятным и превратно употребляемым в сфере полицейского управления последнего десятилетия» [6]. С нашей точки зрения не является таким уж большим преувеличением и следующее утверждение: «Если Вы спросите у 100 человек, что такое “community policing”, Вы получите 100 различных ответов» [7, р. 8]. Отмечается, что данное понятие «используется в столь общем виде, что оно превратилось в подобие миража — влекущего, но неуловимого» [3, р. 12]. И действительно, обратившись к исследованию рассматриваемой концепции в настоящий момент, мы увидим, что «почти каждая опубликованная статья или книга по данной теме содержат свое собственное определение этого понятия [...] а его переводы на местные языки значительно различаются» [8, с. 21].

Указанная неопределенность и отсутствие единообразия характеризуют и процесс практической имплементации данной концепции, свидетельством чего является возникновение в различных государствах мира «бесконечного множества программ партнерства между полицией и обществом», претендующих на звание подлинного выражения доктрины «community policing», но при этом, зачастую, имеющих между собой мало общего [8, с. 21].

Стоит отметить, что отсутствие единообразного толкования рассматриваемой концепции в национальных доктринах в определенной степени компенсируется усилиями правительственных и международных организаций. Так, к примеру, популяризация данной доктрины и унификация ее принципов на национальном уровне осуществляется Министерством юстиции США в рамках действующей с 1994 года программы «Community-oriented police services»¹¹. На международном уровне те же задачи выполняет, главным образом, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), примером чего является публикация в 2008

¹¹ Подробнее о программе см. [9].

году уже цитированного выше документа под названием «Наилучшая практика построения сотрудничества между полицией и обществом».

Что же касается отечественной науки (не говоря уже, разумеется, о практике), то, несмотря на очевидную актуальность и необходимость исследования зарубежного опыта в сфере реформирования полиции, в ней доктрина «community policing» до сих пор не получила даже минимально необходимого отражения и осмысления. Не существует в настоящий момент и устоявшегося варианта русскоязычной интерпретации ее названия, в связи с чем мы наблюдаем существование таких формулировок, как: «работа полиции с населением по месту жительства» [10], «работа полиции с общественностью» [11], «квартальная» или «коммунальная полиция» [12, с. 154], «социально-ориентированная стратегия деятельности полиции» [13], «концепция коммунально-ориентированной полицейской деятельности» [14], «общественный полисинг» [14] и др.

Исходя из вышесказанного, мы можем заключить, что концепция «community policing» явилась своевременным ответом развитых стран на вопрос о том, каким образом должна осуществляться полицейская деятельность в демократическом государстве конца XX и начала XXI века. Тем не менее, процесс ее теоретического осмысления и отображения в зарубежной науке в настоящее время не завершен, а конкретные формы ее практической имплементации в различных государствах различны. Несмотря на существование источников, в которых осуществляются попытки систематизации и унификации ее основных положений и принципов, в российской науке данная концепция по-прежнему остается чрезвычайно малоизученной. Между тем, как показывает практика реформирования органов внутренних дел России (и полиции других стран), именно такое концептуальное изменение направления деятельности полиции позволяет создать благоприятные условия для реализации конституционных положений, закрепляющих основополагающие права граждан, обеспечить демократизацию общественных отношений в целом. Тем самым, по нашему мнению, обосновывается необходимость более подробного и обстоятельного исследования концепции «community policing» с целью представления ее основных положений и принципов в отечественной доктрине и применения их на практике с учетом особенностей нашей общественной жизни.

Литература

1. *Banton, M.* The Policeman in the Community / M. Banton // Tavistock, 1964.
2. *Clark, J. P.* Isolation of the Police: A Comparison of the British and American Situations / J. P. Clark // The Journal of Criminal Law, Criminology, and Police Science. — 1965. — Vol. 56. — № 3.
3. *Beyer, L. R.* Community Policing: Lessons from Victoria / L. R. Beyer // Australian Institute of Criminology, 1993. — P. 4
4. *Skogan, W. G.* An Overview of Community Policing: Origins, Concepts and Implementation / W. G. Skogan // The Handbook of Knowledge-Based Policing: Current Conceptions and Future Directions ; Edited by T. Williamson, J. Wiley & Sons, 2008.
5. *Skogan, W. G.* Police and Community in Chicago: A Tale of Three Cities / W. G. Skogan. — Oxford : Oxford University Press, 2006.
6. Официальный сайт департамента полиции г. Линькольна (США). URL: <http://www.lincoln.ne.gov/city/police/cbp.htm> (дата обращения: 09.09.2013)
7. Community Policing Explained: A Guide for Local Governments. [Lead Author Gayle Fisher-Stewart]. U.S. Department of Justice, Office of Community Oriented Policing Services, 2007.
8. «Наилучшая практика построения сотрудничества между полицией и обществом» / ОБСЕ, 2008.
9. *James, N.* Community Oriented Policing Services (COPS): Background, Legislation, and Funding / N. James. Congressional Research Service, 2011.
10. «Роль работы полиции с населением по месту жительства в деле построения доверия между полицией и группами национальных меньшинств». Дополнительная встреча по человеческому измерению. Заключительный доклад. Вена, 28—29 октября 2002.
11. *Берзиня-Рукере, И.* «Работа полиции с общественностью в Латвии в 2009—2012. Опыт и дальнейшие шаги». Проект Европейской комиссии «Пилотный проект в Талсинском участке полиции — работа полиции с общественностью» / И. Берзиня-Рукере, И. Авота, Н. Грубис, М. Тошовский // Государственная полиция (Латвия). — 2012.
12. *Васютин, В. В.* О некоторых аспектах обеспечения общественного порядка за рубежом / В. В. Васютин // Экономика и право. — 2012. — № 2.
13. *Кораблев, С. Е.* Социально-ориентированная стратегия деятельности полиции как фактор ее профессиональной эффективности / С. Е. Кораблев // Вестник Воронежского института МВД России. — 2013. — № 1.
14. *Васильев, Д. В.* Концепции организации деятельности полиции и возможность их использования в отечественной практике (на материале США и некоторых стран Западной Европы) : дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Васильев. — М., 2005.
15. *Цуканов, А. Н.* Фундаментальные концепции прав человека в деятельности полиции зарубежных стран (теоретико-правовой анализ) : монография / А. Н. Цуканов. — Пермь, 2003.

ЗИМИН Евгений Александрович, аспирант кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). Россия, 123995, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9. E-mail: ziminea@gmail.com

ZIMIN Evgeniy Aleksandrovich, postgraduate-student of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State University of Law. 9, Sadovaya-Kudrinskaya Str., 123995, Moscow, Russia. E-mail: ziminea@gmail.com

Н. Н. Коротких

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА ПОГЛОЩЕНИЯ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ПО СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

N. N. Korotkikh

APPLICATION OF THE ABSORPTION PRINCIPLE IN CUMULATIVE SENTENCING

Поглощение менее строгого наказания более строгим является одним из принципов назначения наказания по совокупности преступлений. Основные условия применения данного принципа закреплены в уголовном законодательстве Российской Федерации. В статье анализируются проблемные вопросы назначения наказания по совокупности преступлений, возникающие в процессе применения норм действующего Уголовного кодекса Российской Федерации, приводятся мнения различных авторов по данному вопросу, показаны судебные ошибки при применении принципа поглощения. Отдельным вопросом рассматривается правовое регулирование назначения дополнительных наказаний при совокупности преступлений путем применения принципа поглощения менее строгого наказания более строгим, акцентируется внимание на существующих пробелах в данной области в уголовном законе.

Ключевые слова: совокупность преступлений, принцип поглощения менее строгого наказания более строгим, дополнительные наказания, основные наказания.

The absorption of a less strict punishment with a stricter one is one of the principles of cumulative sentencing. The fundamental conditions of this principle's application are embodied in the Criminal Law of the Russian Federation. The article analyzes the problematic issues of cumulative sentencing originated by the application of the rules of the Criminal Code of the Russian Federation, and observes the opinions of numerous authors on the subject, as well as the judicial errors during the application of the absorption principle. As a separate question the author also considers legal regulation of imposing additional penalties in cumulative sentencing by applying the principle of absorption of a less severe punishment with a severer one, and focuses attention on existing gaps in this area in the criminal law.

Keywords: cumulative crime, the principle of absorption of a less severe punishment with a severer one, additional penalties, major penalties.

Правила назначения наказания по совокупности преступлений закреплены в ст. 69 Уголовного кодекса РФ (далее по тексту — УК РФ) [1]. Основанием применения данной статьи является установление в действиях лица совокупности преступлений. Совокупность преступлений — это одна из разновидностей множественности преступлений, получившая свое закрепление в ч. 1 ст. 17 УК РФ. Согласно данной норме совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение

двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. Совокупностью признается и одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями. Такая разновидность совокупности не сопряжена с повторением преступлений и в науке называется идеальной совокупностью. Каждое из совершенных деяний, входящих в совокупность, является самостоятельным отдельным преступлением. Существенным признаком совокупности является то, что

ни за одно из них лицо еще не привлекалось к ответственности, и все совершенное вменяется в вину лицу, как правило, одновременно.

Назначая наказание по совокупности преступлений, применяются два основных принципа: принцип поглощения и принцип полного или частичного сложения наказаний. При этом в каких случаях применять тот или иной способ определения окончательного наказания, полностью зависит от усмотрения суда. В связи с этим некоторые исследователи утверждают, что суды не всегда обоснованно избирают тот или иной принцип определения окончательного наказания [2, с. 371]. Действительно, на это влияют множество обстоятельств, такие как: число преступлений, сочетание их общественной опасности, промежуток времени, прошедший между ними, форма вины совершенных преступлений и т. д. В литературе предлагаются различные алгоритмы определения того или иного способа окончательного наказания. Так, например, В. Н. Бурлаков предлагает в случае, предусмотренном в ч. 2 ст. 69 УК РФ, если преступник относится к легко- и среднеисправимому типу, нужно применять способ поглощения, а если относится к трудно или особо трудно исправимому типу — способ частичного или полного сложения. В случае, предусмотренном в ч. 3 ст. 69 УК РФ, если преступник относится к легко- и среднеисправимому типу, нужно применять способ частичного сложения, а если относится к трудно- и особо трудноисправимому типу — способ полного сложения [3, с. 58]. Данные предложения на практике не могут быть реализованы по ряду причин. Во-первых, учет личности преступника происходит на этапе определения вида и размера наказания за каждое совершенное преступление, входящее в совокупность на основании ч. 1 ст. 69 УК РФ и ч. 3 ст. 60 УК РФ. Во-вторых, узнать «тип исправимости» преступника возможно только на стадии исполнения в отношении него конкретного наказания. По смыслу ст. 17 УК РФ ни за одно из совершенных преступлений лицо еще не было осуждено, поэтому определить, насколько повлияло предыдущее наказание на его исправление (как, например, при рецидиве преступлений), невозможно. Хотя автор, безусловно, прав, что при назначении наказания по совокупности преступлений учитывать личность преступника следует более тщательно. По данным некоторых исследователей при назначении наказания личностные качества подсудимого учитываются судом достаточно формально [4].

Выбор того или иного принципа для определения окончательного наказания зависит от категории преступлений, входящих в совокупность преступлений. Первоначально в ч. 2 ст. 69 Уголовного кодекса РФ было установлено, что если все преступления, совершенные по совокупности, являются преступлениями небольшой или средней тяжести, то окончательно наказание может быть назначено любым из перечисленных способов. Таким образом, важнейшей особенностью совокупности преступлений небольшой и средней тяжести являлась возможность применения способа поглощения менее строгого наказания более строгим при определении окончательного наказания. Изменениями в данную часть статьи, внесенными Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. [5], принцип поглощения более строгим наказанием менее строгого предложено распространить и на приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению и на покушение на совершение указанных преступлений. Вместе с тем покушение на совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, при котором деяние прервано по независящим от лица обстоятельствам, обладает довольно высокой степенью общественной опасности. Кроме того, в ч. 2 ст. 69 УК РФ законодатель не указал покушения на преступления небольшой и средней тяжести. Ведь известно, что в соответствии со ст. 30 УК РФ, в отличие от приготовления, наказывается покушение на преступление любой категории, а не только тяжкое или особо тяжкое. Тем более что вопрос о критериях выбора того или иного варианта определения окончательного наказания и в теории, и в судебной практике остается спорным, суды не всегда однозначно решают отдельные вопросы, что ведет к появлению судебных ошибок.

Так, по приговору суда Д. на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний осужден к 6 годам лишения свободы. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила приговор в отношении Д., указав, что наказание должно назначаться по ч. 2 ст. 69 УК РФ, поскольку все преступления, входящие в совокупность, являются покушением на особо тяжкое преступление. Применив принцип поглощения менее строгого наказания более строгим, наказание было определено в виде 4 лет 6 месяцев лишения свободы [6]. В данном примере суд первой инстанции неверно сослался на часть статьи, которую применил при определении окончательного

93

Уголовно-правовая
доктрина

наказания, вместе с тем в определении Верховного Суда РФ, на наш взгляд, не достаточно обосновано, почему в данном случае следует применять именно принцип поглощения, а не частичного сложения наказаний, ведь общественная опасность совершенных лицом преступлений достаточно высока — покушение на убийство и покушение на угон автомобиля с применением насилия, опасного для жизни и здоровья человека. Думается, принцип поглощения наказаний следует сохранить лишь для приготовления к тяжкому или особо тяжкому преступлению. А в случае покушения на преступление любой категории такую возможность необходимо исключить.

Недоброй традицией стало включение в тексты постановлений по существу новых уголовно-правовых норм. Так, в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 20 от 29.10.2009 г. [7] содержится требование о применении в том числе и принципа поглощения менее строгого наказания более строгим в случаях, если судом по всем вмененным подсудимому преступлениям установлены обстоятельства, предусмотренные пунктами «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствииотягчающих обстоятельств. Данное положение следовало бы включить непосредственно в текст уголовного закона, так как заключает в себе отдельное правило назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств.

Смысл принципа поглощения наказаний заключается в том, что менее строгое из назначенных наказаний поглощается более строгим. При этом определение более строгого наказания определяется предписаниями ст. 44 УК РФ, устанавливающей систему наказаний по принципу возрастания их строгости. В целом сложности с определением, какое наказание является более строгим, на практике не возникает, но в литературе обращается внимание на данную проблему в отношении наказания в виде исправительных работ, когда они отличаются по срокам и размерам удержаний из заработка осужденного. Если исправительные работы назначены на более длительный срок при равных размерах удержаний, то более строгим наказанием являются исправительные работы с более длительным сроком. Если же исправительные работы назначены на одинаковый срок, но с различным размером удержаний, то более строгим будут исправительные работы с большим размером удержаний из заработка осужденного. Если за одно из преступлений назначен меньший срок,

чем за другое, но с большим размером удержаний, то, по мнению некоторых авторов, строгость наказания должна определяться по длительности срока, на который назначены исправительные работы [8, с. 132]. Допустим, за одно преступление осужденному назначены исправительные работы сроком на 1 год с 20% удержанием из заработка, за второе преступление — исправительные работы сроком 1,5 года с 10% удержанием. Произведем расчет удержания, исходя из заработка осужденного в 20 000 руб. в месяц: 20% в месяц будут составлять 4 тыс. руб.; 10% — 2 тыс. руб. Таким образом за год исправительных работ при 20% будет удержано 48 тыс. руб., а за полтора года исправительных работ при 10% — 36 тыс. руб. Очевидно, что строгость наказания при более длительном сроке достаточно спорна. На это обстоятельство в свое время обращал внимание А. М. Яковлев, полагая, что сравнение наказаний следует производить по общей сумме удержаний за весь период: более строгим наказанием будут те исправительные работы, где в общей сложности окажется большей сумма удержаний из заработка [9, с. 99—100]. На основании ст. 50 УК РФ исправительные работы назначаются осужденному как имеющему основное место работы, так и не имеющему его. Осужденный, не имеющий основного места работы, отбывает наказание в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями. Поэтому до тех пор, пока осужденный не трудоустроен, суду неизвестно, из какой суммы исходить, чтобы исчислять удержания. В целях единообразного применения судебной практики необходимо выбрать только один критерий определения тяжести исправительных работ. В данной ситуации целесообразно сравнивать строгость наказаний в виде исправительных работ не по общей сумме удержаний, а по длительности срока, на который назначены исправительные работы, поскольку кроме удержаний из заработка осужденный испытывает и другие правоограничения, установленные уголовно-исполнительным законодательством.

Следующая проблема заключается в том, что иногда суды назначают одинаковое наказание за преступления, входящие в совокупность, а затем окончательное наказание определяют по принципу поглощения. Такая практика, как считают некоторые ученые, не согласуется с законом, поскольку в нем указывается именно

на поглощение менее строгого наказания более строгим [10, с. 478]. В подобных случаях при назначении наказания за каждое преступление следует оставлять определенный запас, в пределах которого можно было бы реализовать указание закона при применении принципа поглощения наказаний.

В судебной практике принцип поглощения наказаний применяется достаточно редко (по нашим данным, не более чем в 1,7% случаев). Тем не менее часть авторов высказываются за еще большее ограничение его применения, только при определенных ситуациях, например, таких как: а) когда одно из преступлений явно малозначительно по сравнению с другим; б) при совокупности умышленного и неосторожного преступлений; в) при идеальной совокупности преступлений и др. [11, с. 334]. На наш взгляд, это не совсем верно, поскольку суд в любом случае должен обсуждать вопрос о применении того или иного принципа назначения окончательного наказания, а установление дополнительных ограничений может способствовать нарушению принципа индивидуализации уголовного наказания.

Итак, в ч. 2 ст. 69 УК РФ установлены основания применения принципа поглощения наказаний при совокупности преступлений. Однако указание в ч. 3 ст. 69 УК РФ на метод определения окончательного наказания только принципами полного или частичного сложения наказаний вовсе не означает, что принцип поглощения наказаний не может применяться при совокупности тяжких и особо тяжких преступлений. Данное положение не зафиксировано в уголовном законодательстве, но применяется в судебной практике. Дело в том, что предписания ч. 3 ст. 69 УК РФ не срабатывают в тех случаях, когда за одно из преступлений, входящих в совокупность, назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы, поскольку очевидно, что сложить пожизненное лишение свободы со срочным лишением свободы невозможно. В таком случае применяется принцип поглощения менее строгого наказания более строгим, а это противоречит императивному правилу, закрепленному в ч. 3 ст. 69 УК РФ.

Также проблематичным является решение вопроса о применении принципа

поглощения в отношении дополнительных видов наказания. В ч. 4 ст. 69 УК РФ в отношении дополнительных наказаний определен только принцип частичного или полного сложения и ничего не сказано о возможности их поглощения. Путем логического толкования можно предположить, что коль скоро в отношении преступлений небольшой и средней тяжести возможно поглощение менее строгого основного наказания более строгим, то это же правило распространяется и на дополнительные наказания. Назначая один и тот же вид дополнительного наказания отдельно за два или более преступлений, окончательный его срок и размер при применении принципа поглощения устанавливается по более высокому сроку и размеру наказания. Вместе с тем в п. 41 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 2 от 11.01.2007 г. специально указано, что если за различные преступления, входящие в совокупность, судом назначены разные виды дополнительного наказания, то они с приведением соответствующих размеров и сроков должны быть указаны в приговоре и при назначении окончательного наказания по совокупности преступлений [12]. Получается, что при назначении за преступления, входящие в совокупность разнородных дополнительных наказаний, поглощение наказаний неприемлемо.

Рассмотрев некоторые проблемы назначения наказания по совокупности преступлений путем поглощения менее строгого наказания более строгим, сделаем следующие выводы. Этот принцип в судебной практике следует применять: а) если все преступления, совершенные по совокупности, являются преступлениями небольшой или средней тяжести, либо приготовлением к тяжкому или особо тяжкому преступлению; б) если судом по всем вмененным подсудимому преступлениям установлены обстоятельства, предусмотренные пунктами «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ при отсутствииотягающих обстоятельств; в) если за преступления, входящие в совокупность, назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы либо смертная казнь. Для единообразного понимания и применения уголовного закона можно отразить это правило в УК РФ.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 03.02.2014 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения 17.02.2014).
2. Черненко, Т. Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву : дис. ... докт. юрид. наук / Т. Г. Черненко. — Кемерово, 2001.

3. Бурлаков, В. Н. Индивидуализация уголовного наказания: закон, теория, судебная практика : учеб.-практ. пособие / В. Н. Бурлаков. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2011.
4. Лактаева, А. Ю. Принцип равенства перед законом, его реализация при назначении наказания : дис. ... канд. юрид. наук / А. Ю. Лактаева. — Самара, 2010. — 233 с.
5. Федеральный закон от 07.11.2012 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения 28.02.2013).
6. Определение № 1-О12-29. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2012 г. // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <http://www.spcourt.ru/second.php> (дата обращения 28.02.2013).
7. Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 20 от 29.10.2009 г. «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания» // Российская газета. — 2009. — 11 нояб.
8. Борисенко, Е. А. Назначение наказания при множественности преступлений (ст. 68, 69 УК РФ) : дис. ... канд. юрид. наук / Е. А. Борисенко. — Краснодар, 2006.
9. Яковлев, А. М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву / А. М. Яковлев. — М., 1960.
10. Малков, В. П. Совокупность преступлений (вопросы квалификации и назначения наказания) // В. П. Малков. Избранные труды : в 3 т. — Т 2. — Казань : Познание, 2011.
11. Становский, М. Н. Назначение наказания / М. Н. Становский. — СПб. : Юридический центр Пресс, 1999.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 2 от 11.01.2007 г. (ред. 03.12.2013 г.) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения 17.02.2014).

КОРОТКИХ Наталья Николаевна, докторант кафедры уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет, кандидат юридических наук, доцент. 690950, Приморский край, Владивосток, ул.Суханова, 8. E-mail: crimlaw@rambler.ru

KOROTKIKH Natalia Nikolaevna, doctoral student of the Department of Criminal Law and Forensic Science of Far Eastern Federal University, Cand. Sc. Law, associate professor. 8, Sukhanova Str., 690950, Vladivostok, Primorsky Krai. E-mail: crimlaw@rambler.ru

А. В. Кудряшов

О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ РАВЕНСТВА ВСЕХ ГРАЖДАН ПЕРЕД ЗАКОНОМ

A. V. Kudryashov

ON CERTAIN PRINCIPLES OF EQUALITY OF ALL CITIZENS BEFORE THE LAW

В статье проводится анализ отечественного уголовного законодательства, в частности рассматривается пункт «о» части первой статьи 63 УК РФ — совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел как обстоятельство, отягчающее наказание. По мнению автора, данное положение нарушает конституционный принцип равенства граждан перед законом по занимаемому должностному положению. Подвергается анализу определение Конституционного Суда РФ от 08.12.2011 № 1623-О-О «По запросу Лабитнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта “о” части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, сотрудники органов внутренних дел, нарушение конституционных принципов, уголовное законодательство.

The article analyzes domestic criminal law and consider item “o”, Part 1, Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation, namely commission of intentional crimes by internal affairs officer as aggravating circumstances. In author’s opinion, this provision violates the constitutional principle of the equality of citizens before the law to get an official status. The author also analyzes the decree of the Constitutional Court of the Russian Federation as of N1623 4/4/2011-o-o on request of the Labytnangsky City Court of Yamal-Nenets Autonomous District on constitutionality test of item “o”, article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, members of bodies of internal affairs, violation of constitutional principles, criminal legislation.

Анализируя современное российское уголовное законодательство, можно прийти к выводу что в некоторых статьях Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) есть некоторые несоответствия с основным законом нашего государства — Конституцией Российской Федерации.

В статье 19 Конституции Российской Федерации закреплены принципы равенства граждан перед законом и судом. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств [1]. Однако, по нашему мнению, пунктом «о» статьи 63 УК РФ — «обстоя-

тельства, отягчающие наказание», нарушается принцип равенства граждан перед законом по занимаемому должностному положению. Так, согласно данной норме, обстоятельством, отягчающим наказание, является совершение умышленного преступления сотрудником органов внутренних дел [2].

Данное положение соответствовало бы принципам равенства всех граждан перед законом, если бы преступление было совершено сотрудником органов внутренних дел при исполнении им служебных обязанностей. В данном случае преступление посягало бы на общественные отношения, связанные с авторитетом государственной власти, и безусловно считалось бы более тяжким преступлением либо обстоятельством, отягчающим наказание. Однако из смысла пункта «о» статьи 63 УК РФ вытекает, что любое бы-

товое умышленное преступление, не связанное с выполнением своих служебных обязанностей по противодействию преступности, совершенное сотрудником органов внутренних дел, будет обстоятельством,отягчающим наказание.

Не вносит ясности и внятного объяснения определение Конституционного Суда РФ от 08.12.2011 № 1623-О-О «По запросу Лабытнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» [3]. Так, в производстве Лабытнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа находилось уголовное дело по обвинению гражданина В. В. Фролова в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 «Превышение должностных полномочий» УК РФ, т. е. в совершении должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан и охраняемых законом интересов государства, сопряженных с применением насилия. В обвинительном заключении указано на наличие в действиях В. В. Фролова предусмотренного п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ обстоятельства, отягчающего наказание (совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел). Лабытнангский городской суд Ямало-Ненецкого автономного округа, придя к выводу о том, что данное законоположение, подлежащее применению при вынесении приговора, противоречит Конституции Российской Федерации, приостановил производство по уголовному делу и направил в Конституционный Суд Российской Федерации запрос о проверке его конституционности.

Конституционный Суд Российской Федерации игнорировал мнение заявителя о том, что п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ противоречит принципу равенства всех перед законом и судом, так как приводит к дискриминации по профессиональному признаку сотрудников органов внутренних дел при привлечении их к уголовной ответственности за совершение умышленного преступления, и тем самым не соответствует ст. 19 Конституции Российской Федерации, а также положениям Международного пакта о гражданских и политических правах (ст. 26) [4] и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 14) [5], являющимся в силу ст. 15 (ч. 4) Конституции Российской Федерации частью правовой системы Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении разъяснил, что совершение преступления сотрудниками органов внутренних дел, на которых возложена исключительная по своему объему и характеру — даже в сравнении с сотрудниками иных правоохранительных органов — ответственность по защите жизни и здоровья граждан, противодействию преступности и охране общественного порядка, умышленного преступления свидетельствует об их осознанном, вопреки профессиональному долгу и принятой присяге, противопоставлении себя целям и задачам деятельности полиции, что способствует формированию негативного отношения к органам внутренних дел и институтам государственной власти в целом, деформирует нравственные основания взаимодействия личности, общества и государства, подрывает уважение к закону и необходимость его безусловного соблюдения и, как следствие, предполагает допустимость поиска законодателем наиболее адекватных мер уголовно-правового реагирования на подобного рода преступные деяния, в том числе при определении общих начал назначения уголовного наказания.

В своем определении Конституционный Суд Российской Федерации признал что к числу обстоятельств, отягчающих наказание, совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел не может расцениваться как противоречащее конституционному принципу равенства всех перед законом, исходя из приоритетов проводимой в условиях конкретной социально-экономической ситуации уголовной политики.

Проведя анализ определения Конституционного Суда Российской Федерации, можно прийти к выводу что его мнение не является убедительным. В особенности не является обоснованным положение о том, что совершение преступления сотрудниками органов внутренних дел происходит в противопоставлении себя целям и задачам деятельности полиции, что способствует формированию негативного отношения к органам внутренних дел и институтам государственной власти. Возникает закономерный вопрос, каковы цели и задачи у сотрудников других правоохранительных органов, ФСБ, прокуратуры, следственного комитета, суда, которые также противодействуют преступности? Данные лица также совершают преступления, однако их правовой статус разительно отличается от статуса сотрудников органов внутренних дел. Многие из них согласно закону имеют

неприкосновенность. А положение о том, что формирование негативного отношения к органам внутренних дел и институтам государственной власти, вообще выглядит циничным в свете совершения преступлений лицами, занимающими должности в законодательных и исполнительных органах государственной власти, органах местного самоуправления. Чиновники, совершающие преступления коррупционной направленности, наносят большой ущерб авторитету государственной власти, а в сравнении с сотрудниками органов внутренних дел, при совершении преступления не только несут менее строгое наказание, но и зачастую уходят от уголовной ответственности благодаря наделенному статусу неприкосновенности.

По нашему мнению, вышеуказанное определение Конституционного Суда Российской Федерации основано на политическом решении, связанном с реформой органов внутренних дел и нежеланием вступать в конфронтацию с другими ветвями государственной власти. Подобными определениями Конституционного Суда Российской Федерации ставится под сомнение положение, обозначенное в ст. 10 Конституции Российской Федерации, что государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную и что данные ветви власти самостоятельны.

В связи с этим, по нашему мнению п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ — совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел как обстоятельство, отягчающее наказание, противоречит принципу равенства всех перед законом и судом, так как приводит к дискриминации по профессиональному признаку сотрудников органов внутренних дел. Схожей точки зрения придерживается и Т. В. Кленова, которая отмечает: «Такое законодательное решение ... влечет неравенство должностных лиц как субъек-

тов уголовной ответственности в зависимости от их ведомственной принадлежности. Представляется, что исходя из принципа равенства должностное положение лица само по себе, вне связи с характеристиками совершенного преступления, не может служить основанием ни усиления, ни смягчения уголовной ответственности» [6, с. 21]. Проблемный характер рассматриваемой нормы отмечает также А. В. Елинский: «Федеральный законодатель действительно вправе устанавливать в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, совершение преступления отдельными категориями граждан, наделенных специальными полномочиями, усиливающими их криминальную опасность. Но в этом случае, исходя из конституционного принципа равенства и справедливости, следует признать отягчающим обстоятельством совершение преступления не только сотрудником органов внутренних дел, но и сотрудниками других правоохранительных органов, которые наделены схожим правовым статусом, в частности, имеют право на хранение и ношение огнестрельного оружия, а также выполняют функции борьбы с преступлениями и иными правонарушениями» [7, с. 40].

Подобными положениями существенно принижается статус сотрудника органов внутренних дел как представителя государственной власти и согласно ст. 63 УК РФ ставит его в один ряд с лицами, совершившими преступление при рецидиве, в соучастии либо при совершении преступления с особой жестокостью, садизмом, издевательствами, а также мучениями для потерпевшего. Данная уголовно-правовая политика в отношении сотрудников органов внутренних дел как субъектов умышленного преступления в дальнейшем может привести не к тому желаемому результату, который хотели бы видеть органы государственной власти.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ и от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 22 июля 2010 г. № 155-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Конституционного Суда РФ от 08.12.2011 № 1623-О-О «По запросу Лабытнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // СЗ РФ. — 2001. — № 2. — Ст. 163.

5. Международный пакт от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1994. — № 12.
6. Кленова, Т. В. О равенстве и неравенстве. Политике не место в уголовном законодательстве / Т. В. Кленова // Юридическая газета. — 2011. — № 17.
7. Елинский, А. В. О критериях ограничения пределов усмотрения федерального законодателя в сфере уголовно-правового регулирования: практика Конституционного Суда России / А. В. Елинский // Журнал конституционного правосудия. — 2010. — № 5.

КУДРЯШОВ Андрей Владимирович, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Южно-Уральский государственный университет, канд. юрид. наук. 454081, г. Челябинск, ул. Артиллерийская, д. 98, каб. 109. E-mail: andrej.kudryashov.1975@mail.ru

KUDRYASHOV Andrey Vladimirovich, Associate Professor of the Department of Criminal and Legal Disciplines of South Urals State University, Cand. Sc. Law. Office 109, 98, Artylleryskaya Str., 454081, Chelyabinsk. E-mail: andrej.kudryashov.1975@mail.ru

УДК. 343.775
ББК Х408.133

И. В. Попов

НЕКОТОРЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ГЛАВЫ 26 УК РФ

I. V. Popov

CERTAIN CONTRADICTIONS IN INVESTIGATIVE PRACTICE ON THE CASES PROVIDED BY CHAPTER 26 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье исследуется, de lege lata, практика применения норм главы 26 УК, предусматривающих ответственность за преступления против природной среды. Автор демонстрирует на примерах из судебно-следственной практики, что в зависимости от региона страны правоохранные органы и суд принимают разные процессуальные решения по квалификации одних и тех же типичных ситуаций. Так, самовольную добычу полезных ископаемых вместо ст. 255 УК квалифицируют по ст. 158 УК «Кража», либо по ст. 171 УК «Незаконное предпринимательство». Отсутствует единый подход к оценке деяния, выразившегося в нарушении правил охраны окружающей среды при производстве работ на особо охраняемой природной территории.

Ключевые слова: экологические преступления, природная среда, квалификация преступлений.

The article considers the practice of application of Chapter 26 of the Criminal Code which establishes liability for crimes against environment de lege lata. The author shows the examples of investigative practice where law enforcement bodies and courts make different proceeding decisions on same standard situations depending on country regions. Unauthorized mineral extraction (mining) is qualified under Article 158 of the Criminal Code "Theft" or Article 171 of the Criminal Code "Illegal Business" instead of Article 255 of the Criminal Code. There is no unified approach to the assessment of the act of violation of environmental regulations on production works within conservation areas.

Keywords: environmental offences, natural environment, classification of crimes.

Изучение судебно-следственной практики по делам о преступлениях против природной среды (гл. 26 УК РФ) выявило существенные противоречия в применении уголовного закона. В зависимости от региона схожие по объективным признакам деяния по-разному квалифицируются правоохранными органами и судом. В настоящей статье мы обратим внимание лишь на некоторые такие противоречия.

1. Статья 255 УК предусматривает ответственность за нарушение правил охраны и использования недр.

Ранее нами высказаны аргументы в обоснование позиции, согласно которой самовольная, т. е. без получения соответствующей лицензии, добыча полезных

ископаемых (в том числе и общераспространенных) должна квалифицироваться по ст. 255 УК [1, с. 31—34]. Подтверждение этому можно было найти в судебной практике. Так, Красноармейский районный суд Краснодарского края признал виновным А. в совершении преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ и ст. 255 УК РФ, который осознавая нарушение правил охраны и использования недр, без получения соответствующей лицензии на недропользование, без составления и утверждения планов работ по использованию недр, повредив верхний слой почвы, добыл в общей сложности 5890 м³ песка и реализовал его. Ущерб составил 1 767 000 рублей [2].

101

Уголовно-правовая
доктрина

Однако судебно-следственная практика последнего времени идет по иному пути.

1.1. Например, встречаются факты квалификации таких деяний по ст. 158 УК. Так, на земельном участке неустановленными лицами производилась выемка песчаника на площади 3 га. Сумма ущерба от безлицензионной добычи полезных ископаемых (песка) составила свыше одного миллиона рублей. Следственным отделом СУ СКП по Красноярскому краю вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, выделении материалов проверки, и направлении их по подследственности, поскольку на основании закона недр являются объектом вещных прав и принадлежат государству. Деяние квалифицировано по п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, в связи с чем в возбуждении уголовного дела по ст. 255 УК РФ было отказано, а материалы проверки направлены по подследственности в ОВД по Березовскому району Красноярского края» [3].

В настоящий момент такой подход встречается все чаще. Так, приговором от 20 мая 2013 г. мирового судьи судебного участка № 5 города Киселевска Кемеровской области И. осужден по ч. 1 ст. 158 УК, поскольку организовал незаконный разрез по добыче угля. Было добыто 44 т угля, который сбывался по цене 1120 руб. за тонну [4].

1.2. Другой подход, который обнаружился в судебно-следственной практике, — квалификация добычи полезных ископаемых без лицензии по ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство».

Так, по п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ осужден исполнительный директор ОАО «Васильевский Мох» Ц., который организовал добычу торфа без получения соответствующей лицензии на месторождении «Святинский Мох», расположенном в Тверской области [5].

В другом деле Я. приговором Заволжского районного суда г. Ульяновска от 9 февраля 2010 г. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 171 УК РФ, который с привлечением неустановленных следствием лиц осуществлял безлицензионную добычу песка.

1.3. В Краснодарском крае устоялась судебная практика привлекать за безлицензионную добычу песка (гравия) к ответственности по ст. 262 УК «Нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов».

Так, К. осужден по ст. 262 УК за то, что организовал незаконную выборку гравийно-песчаной смеси из русла

р. Мзымта в районе с. Черешня Адлерского района города-курорта Сочи, причинив ущерб на сумму 792 272 руб. [6]. В другом деле приговором Адлерского районного суда г. Сочи Краснодарского края от 25 июля 2012 г. осужден К. по ст. 262 УК РФ, который, находясь в русле реки Мзымта в 200 метрах от технологического места № 2 в Адлерском районе города-курорта Сочи, при помощи экскаватора «Hitachi» производил выборку гравийно-песчаной смеси ковшом экскаватора, добыв 3,3 т, чем причинил значительный ущерб на общую сумму 313 868 руб. [7]. Подобная квалификация объясняется тем, что территория г. Сочи объявлена особо охраняемой природной территорией — курортом федерального значения.

1.4. Отсутствие судебной практики по ст. 255 УК обусловлено следующим. В период с января 2006 г. по март 2008 г. работники ОАО «Угольная компания «Южный Кузбасс» незаконно, в отсутствие лицензии на право пользования недрами, за пределами границ горного отвода осуществили добычу каменного угля открытым способом в объеме 784,9 тыс. т. По данному факту было возбуждено уголовное дело по ст. 255 УК РФ. Однако процессуальный акт о возбуждении уголовного дела был обжалован в суде. Постановлением Федерального суда Заводского района г. Кемерово от 15 сентября 2008 г., оставленным определением судебной коллегии по уголовным делам Кемеровского областного суда от 18.11.2008 г. без изменения, постановление о возбуждении уголовного дела было признано незаконным. В качестве обоснования суд указал, что действия по добыче полезных ископаемых не относятся к действиям объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 255 УК РФ, поскольку нарушения правил охраны и использования недр при эксплуатации горнодобывающих предприятий, указанные в диспозиции ст. 255 УК РФ, по мнению суда, не связаны с добычей полезных ископаемых [8]. Ввиду этого в Кемеровской области при установлении факта незаконной добычи полезных ископаемых с нарушением правил охраны и использования недр в возбуждении уголовного дела отказывается¹.

Такая позиция суда привела к тому, что согласно данным ГИАЦ МВД и Судебного

¹ См., напр.: постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 29.10.2009 г., вынесенное Следственным комитетом по Кемеровской области по факту вскрышных работ, проводимых ООО «Шахтоуправление «Бунгурское», с попутной добычей угля открытым способом с нарушением правил охраны и использования недр.

департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2009—2012 годах в суд не направлено ни одного дела по ст. 255 УК РФ.

2. Отсутствует единство по вопросу о квалификации нарушений правил охраны окружающей среды при производстве работ, допущенных на особо охраняемой природной территории.

2.1. Существуют примеры, когда такие нарушения квалифицируются только по нормам ст. 246 УК. Так, Ч. организовал строительство туристической базы на особо охраняемой природной территории природного парка «Волго-Ахтубинская пойма». В результате были осуществлены сплошная рубка деревьев, самовольное снятие плодородного слоя почвы, проведены работы по устройству ленточных фундаментов. Ущерб, причиненный преступлением, составил 38 092 360 руб. [9]

2.2. Иногда деяние оценивается только по ст. 262 УК. Например, приговором от 13 февраля 2013 г. Адлерского суда г. Сочи Краснодарского края Х. осужден по ст. 262 УК, который на участке местности, отнесенном к курорту федерального значения городу-курорту Сочи, в 100 м от реки Мзымта производил несанкционированное размещение грунта, чем причинил ущерб на сумму 768 000 руб. [10].

2.3. Встречается позиция, согласно которой нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ, совершенное на особо охраняемой территории, квалифицируется по правилам об идеальной совокупности преступлений, предусмотренных ст. 246 и ст. 262 УК. Так, П. на полученном по договору аренды в пользование для культурно-оздоровительных целей участке лесного фонда в прибрежной защитной полосе оз. Тургояк, имеющего статус памятника природы, без проекта строительства и положительного заключения государственной экологической экспертизы осуществила с привлечением неустановленных лиц и использованием трактора планировку прибрежной защитной полосы озера в 12 м от уреза воды со снятием плодородного слоя лесных почв, отсыпкой щебнем. Указанные действия повлекли за собой повреждение почвы, лишившейся функции воспроизводства травянистой, кустарниковой, древесной растительности, нарушение естественной

экологической системы памятника природы, причинение значительного ущерба в размере 476 902,70 руб. Действия П. квалифицированы по ст. 246 и ст. 262 УК РФ [11].

В другом деле приговором Аргаяшского районного суда Челябинской области осужден по ст. 246 и ст. 262 УК директор ООО «Фирма «Блик», арендовавший земельный участок особо охраняемой природной территории в прибрежной защитной полосе памятника природы оз. Увильды. Не имея надлежащего проекта, положительного заключения государственной экологической экспертизы, ордера, лесного билета на право лесопользования, разрешения на строительство объектов, осуществил силами нанятых им рабочих строительство двух домов на ленточных железобетонных фундаментах, чем нарушил режим особо охраняемой природной территории и охранной зоны памятника природы оз. Увильды и причинил значительный ущерб на сумму 1 257 337,14 руб. [12].

2.4. По-разному квалифицируется незаконная рубка лесных насаждений на особо охраняемой природной территории. В одном деле рубка лесных насаждений на территории биологического заказника была квалифицирована по ст. 262 УК РФ [13]. В другом рубка деревьев на территории памятника природы оценена по совокупности преступлений ч. 1 ст. 260 УК и ст. 262 УК [14].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в судебной практике отсутствует единая позиция по вопросам квалификации типичных ситуаций. Это обусловлено недостатками построения системы норм главы 26 УК, допущенными при принятии УК РФ 1996 г., что требует своего исправления. На данном этапе существующие противоречия могут быть разрешены на уровне Верховного Суда Российской Федерации. Для этого следует выработать единую правовую позицию по квалификации обозначенных фактов и отразить ее в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», внося в него соответствующие изменения.

Литература

1. Попов И. В. Безлицензионная (самовольная) добыча полезных ископаемых как нарушение правил охраны и использования недр (ст. 255 УК) // Уголовное право. — 2012. — № 4.

2. Приговор Красноармейского районного суда Краснодарского края от 17.05.2007 г. // Архив прокуратуры Красноармейского района Краснодарского края за 2007 г.
3. Архив Березовского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета при прокуратуре РФ по Красноярскому краю за 2009 г.
4. Дело № 1-55/2013 // Архив Мирowego суда судебного участка № 5 города Киселевска Кемеровской области.
5. URL: www.vmps.ru/novosti/109/ (дата обращения: 06.12.2013).
6. Дело № 1-142/13 // Архив Адлерского районного суда Краснодарского края за 2013 г.
7. Дело № 1-15/2012 // Архив Адлерского районного суда Краснодарского края за 2012 г.
8. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 10.02.2009 г. // Архив Управления Следственного комитета по Кемеровской области за 2009 г.
9. Дело № 1-110/10 // Архив Среднеахтубинского районного суда Волгоградской области за 2010 г.
10. Дело № 1-83/13 // Архив Адлерского районного суда г. Сочи за 2013 г.
11. Дело 1-1/2007 // Архив Миасского городского суда Челябинской области за 2007 г.
12. Дело № 035-06 г. // Архив Аргаяшского районного суда Челябинской области за 2006 г.
13. НП № 57м-06/18049 // Архив прокуратуры Кыштовского района Новосибирской области за 2006 г.
14. Дело № 1-100/11 // Архив Туапсинского районного суда Краснодарского края за 2010 г.

ПОПОВ Игорь Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры, кафедра уголовного права, Омская юридическая академия. 644010, Российская Федерация, Омская область, г. Омск, ул. Короленко, 12. E-mail: magistr.igorpopov@rambler.ru

POPOV Igor Vladimirovich, Cand. Sc. Law, associated professor, Department of Criminal Law, Private Educational Institution of Higher Professional Institution 'Omsk Academy of Law' 12, Korolenko Str., 644010, Omsk, Omsk region, Russian Federation. E-mail: magistr.igorpopov@rambler.ru

В. В. Пучкова

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ОСЛОЖНЕНИЙ ВСЛЕДСТВИЕ ВРАЧЕБНЫХ ОШИБОК И ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПАЦИЕНТОВ

V. V. Puchkova

STUDY OF THE PROBLEM OF COMPLICATIONS DUE TO MEDICAL MALPRACTICE AND LEGAL PROTECTION OF PATIENTS

В статье исследуются проблемы осложнений вследствие врачебных ошибок и защиты пациентов. Проанализирована необратимость осложнений, которые развиваются у миллионов людей из-за современной лекарственной терапии. Рассмотрены примеры исследований по врачебным ошибкам, способствующим возникновению осложнений у пациентов. С целью выяснения последствий врачебных ошибок проведен сравнительный анализ спонтанных сообщений о неблагоприятных последствиях в результате лекарственной терапии.

Ключевые слова: лекарственная терапия, врачебная ошибка, контроль безопасности, правовая система контроля безопасности лекарств.

The article studies the problem of complications due to medical errors and patient protection. The author analyzes the irreversibility of the complications that are developed in millions of people because of modern drug therapy. The examples of research on medical errors facilitating the emergence of complications in patients are considered. To clarify the effects of medical errors a comparative analysis of spontaneous reports of adverse effects as a result of drug therapy is made.

Keywords: drug therapy, medical error, security control, the legal system of drug safety monitoring.

Современная лекарственная терапия привлекает большое внимание ученых своими негативными последствиями, которые способствуют возникновению осложнений у многих пациентов и эта проблема становится все более актуальной во всем мире. Это связано прежде всего с тем, что в результате «врачебных ошибок» возникают осложнения у пациентов именно от неправильного назначения лекарственной терапии.

В медицинской практике за счет коммерциализации наблюдается активное внедрение фармакологических препаратов, обладающих высокой биологической активностью, их неправильное использование, применение некачественных и фальсифицированных препаратов. Создавшуюся проблему необходимо срочно решать на законодательном уровне, в противном случае недооценка и запоздалое решение этой проблемы чреваты развитием самых серьезных последствий в целом для нации. Это подтверждают результаты проведенных за последние годы

фармакоэпидемиологических исследований [5].

В исследованиях была проанализирована необратимость осложнений, которые развиваются у миллионов людей из-за современной лекарственной терапии. Например, отмечается большое количество летальных исходов, связанных с применением лекарств. В США ежегодно госпитализируется от 3,5 до 8,8 млн больных и погибает 100—200 тыс. пациентов вследствие развития неблагоприятных побочных реакций, связанных с применением лекарств [6, р. 1949—1956].

Аналогичные осложнения отмечаются и в других развитых странах. Например, во Франции в 1997 г. около 10% всех госпитализированных составляли больные с побочными реакциями. Осложнения лекарственной терапии возникли у 1 317 650 пациентов, из них в 33% случаев — серьезные и в 1,4% — летальные. Осложнения и побочные реакции стали причиной госпитализации 5,8% больных в Германии [4, р. 71—77].

Рассмотренные примеры исследований по врачебным ошибкам, способствующим возникновению осложнений у пациентов, — это не только медицинская, социальная, экономическая проблема, но и серьезная правовая, которая требует срочной модернизации законодательной базы медицинского права.

Для выяснения последствий врачебных ошибок был проведен анализ спонтанных сообщений, поступивших в Федеральный центр России за 1997—2000 гг.

Из 565 проанализированных сообщений было установлено, что в результате лекарственных осложнений из-за врачебных ошибок 27,4% приходилось на эту группу опрошенных. Также выявлены следующие типы врачебных ошибок:

- непереносимость лекарственного препарата из-за аллергических реакций;
- неправильное назначение лекарственного препарата при наличии противопоказаний к его применению;
- ошибка назначения дозы лекарственного препарата;
- одновременное назначение для применения двух и более препаратов одной группы;
- одновременное назначение для применения двух и более препаратов разных групп без учета их взаимодействия.

Также большое количество ошибок — 73,6% было допущено врачами при комбинированной терапии. Это под-

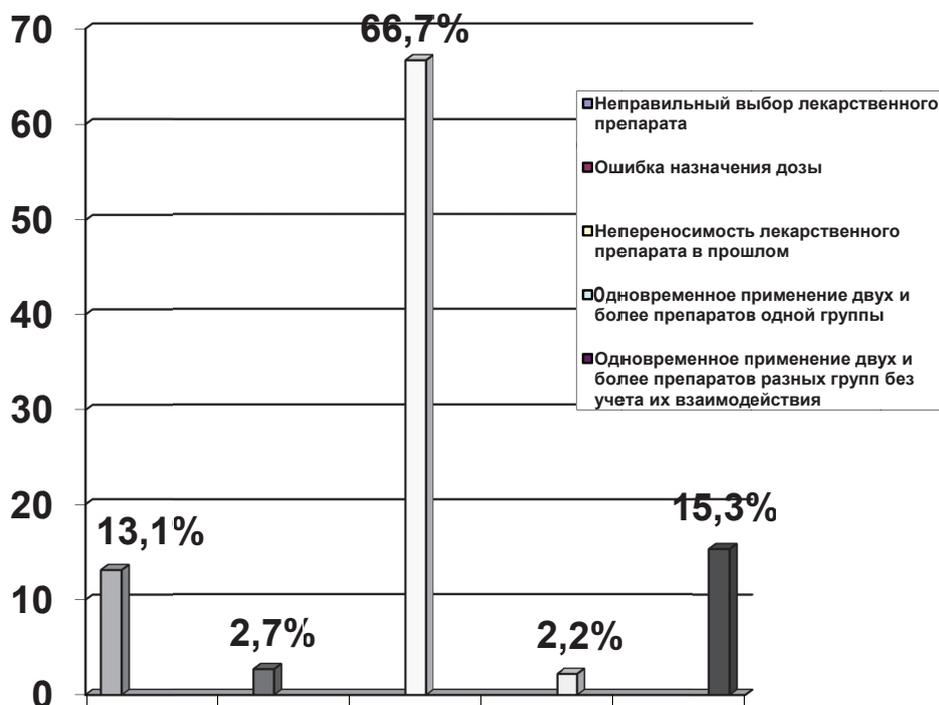
тверждают теоретические исследования, которые осведомляют, что возможность лекарственных осложнений возрастает в результате увеличения числа одновременно назначаемых препаратов. Например, при одновременном применении 2—4 лекарств возможность развития побочных реакций увеличивается до 4%, 15—20 лекарственных препаратов — до 54% [1, с. 34—38].

Данные исследования показали, что 20% из общего количества сообщений содержали сведения о том, что некоторые пациенты получали 12 лекарственных препаратов одновременно, а 40,9% получали по 8 лекарственных препаратов.

Спонтанные сообщения о развитии неблагоприятных осложнений вследствие врачебных ошибок. Из них 78,7% составили сообщения о серьезных лекарственных осложнениях, из которых 4,2% закончились летально.

В результате сравнительного анализа было выявлено, что кроме серьезных осложнений, возникающих из-за врачебных ошибок, также встречались осложнения у пациентов из-за несоблюдения рекомендаций инструкций по медицинскому использованию лекарств.

Для решения проблемы осложнений вследствие врачебных ошибок и защиты пациентов мы выдвигаем следующие рекомендации:

Распределение сообщений по группам в зависимости от типа врачебных ошибок [2]

1. Образовательные программы для подготовки медицинских работников должны предусматривать не только профессиональную компетентность будущего врача, но и правовую компетентность, предупреждающую совершение врачебных ошибок при лечении больных.

2. На медицинских работников необходимо наложить правовую ответственность в случае совершения врачебной ошибки с тяжелыми последствиями для пациента, а также при возникновении других неблагоприятных реакций у пациента на лекарственные средства в случае взаимодействия их друг с другом и с биологически активными веществами.

3. Требуется срочное совершенствование правовой системы контроля безопасности лекарств как на федеральном и региональном уровнях, так и непосредственно в лечебно-профилактических учреждениях.

Необходимо учитывать, что практика и отдельные исследования требуют правильного отношения при рассмотрении возникших «врачебных ошибок», в связи с этим на всех уровнях системы здравоохранения необходимо создать доброжелательную атмосферу экспертизы сообщений об осложнениях лекарственной терапии и разработки мер их предотвращения [7, с. 369—372].

Литература

1. Истратов, С. Ю. Взаимодействие лекарственных средств / С. Ю. Истратов, Е. В. Брайцева, И. Р. Вартанян // Новая аптека. — 2000. — № 9.
2. Лепехин, В. К. Врачебные ошибки как причина осложнений лекарственной терапии / В. К. Лепехин, А. В. Астахова и др. // Качественная клиническая практика. — 2002. — № 1.
3. Seeger, J. D. Characteristics associated with ability to prevent adverse-drug reactions in hospitalized patients / J. D. Seeger, S. X. Kong, G. T. Schumock // Pharmacotherapy. — 1998. — Nov-Dec, No 18(6).
4. Muehlberger, N. ADRs Monitoringt Pharmacoepidemiology and drug safety / N. Muehlberger, S. Schneeweis, J. Hasford, 1997. — No 6. — Suppl. 3.
5. Quality of Health Care in America Committee. The Institute of Medicine Report on Medical Errors: Misunderstanding Can Do Harm // Med. Gen. Med. — 2000. — September 19.
6. Johnson, J. A. Drug-related morbidity and mortality. A cost-of-illness model / J. A. Johnson, J. L. Bootman // J. Arch. Intern. Med. — 1995. — Oct. 9; 155 (18).
7. Williams, D. Drug interactions avoided a useful indicator of good prescribing practice / D. Williams, A. Kelly, J. Feely; Br. J. Clin // Pharmacol. — 2000. — Apr. 49(4).

ПУЧКОВА Виктория Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры общеспциальных и правовых дисциплин, Международный юридический институт (Смоленский филиал), 214000, г. Смоленск, ул. Октябрьской Революции, д. 9, корп. 1. E-mail: viktoriya-puchko@mail.ru.

PUCHKOVA Viktoria Viktorovna, Cand. Sc. Law, associated professor of the Department of General, Specific, and Legal Disciplines of International Institute of Law (Smolensk Branch), Bld. 1, 9, Oktiabrskoj Revolutsii Str., 214000, Smolensk. E-mail: viktoriya-puchko@mail.ru.

УДК 343.137.5 + 343.121.5
ББК Х404.532 + Х410.213.81 + Х518.8

И. А. Беленько

КАРАТЬ ИЛИ ВОСПИТЫВАТЬ? (ИЗ ОПЫТА ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ ГЕРМАНИИ)

I. A. Belenko

TO PUNISH OR TO EDUCATE? (FROM THE EXPERIENCE OF GERMAN JUVENILE JUSTICE)

История появления в Германии судов по делам несовершеннолетних и молодежи (Jugendgericht) насчитывает более 100 лет. Проанализировав закон о судах по делам несовершеннолетних и молодежи (Jugendgerichtsgesetz), автор сообщает о структуре этих судов, о некоторых особенностях состава суда и о мерах воспитательного характера, назначаемых судьей. В статье имеется информация об организациях, имеющих право участвовать в судебном процессе. Автор рассказывает о некоторых проектах и программах, которые внедрены в практику работы с детьми с девиантным поведением. Богатый исторический и практический опыт Германии в сфере профилактики преступности среди несовершеннолетних и молодежи может быть использован при создании ювенального правосудия в России.

Ключевые слова: структура судов по делам несовершеннолетних и молодежи в Германии, ювенальная юстиция, профилактика преступности среди несовершеннолетних и молодежи.

The history of juvenile courts (Jugendgericht) in Germany extends back over 100 years. The author has analyzed the Law on Juvenile Courts (Jugendgerichtsgesetz) and dwells on the structure of these courts, certain peculiarities of composition of the court, and compulsory measures of educational nature appointed by the judge. The article also contains information on the organizations which has a legal right to participate in legal proceedings. The author considers certain projects and programs which are implemented in the practice of work with children and teenagers with deviant behavior. Rich historical and practical experience of Germany in the sphere of crime prevention among the youth could be used in creating juvenile justice in Russia.

Keywords: German juvenile court system, juvenile justice, juvenile delinquency prevention.

Становление и развитие правовых институтов в России требует судебно-правовой реформы и, в частности, создания системы ювенального правосудия. Особенностью современного российского правосудия и деятельности правоохранительных органов является репрессивный подход к несовершеннолетним правонарушителям. Обращаясь к историческому и международному опыту, мы полагаем, что в России следует создать такую модель ювенального правосудия, которая консолидировала бы работу всех ведомств, занимающихся воспитанием несовершеннолетних и профилактикой подростковой преступности. Причем, говоря о системе ювенальной юстиции, мы предлагаем не только создание специальных судов по делам несовершеннолетних, но и целого ряда организаций,

взаимодействующих друг с другом, и деятельность которых будет направлена прежде всего на профилактические мероприятия по противодействию преступности среди несовершеннолетних и молодежи. В настоящее время имеются законопроекты, целевые программы, указы Президента России и постановление Пленума Верховного суда РФ [3], направленные на улучшение ситуации в сфере защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних и снижение уровня преступности в этой среде. Вместе с тем отсутствие системного подхода к проблеме создания ювенальной юстиции в России, несогласованность действий государственных органов и общественных организаций в вопросах воспитания несовершеннолетних, существование «на бумаге» законов, обеспечивающих права

108

Уголовно-правовая
доктрина

детей, подростков и молодежи, глубокое социально-экономическое расслоение общества — все это тормозит становление института ювенального правосудия в нашей стране.

Обратимся к более чем 100-летнему опыту ювенальной юстиции Германии. Кёльнская юстиция была и остается частью международного движения молодежных судов, которое началось в конце XIX века и существует до сих пор. 26 мая 2008 г. в Германии отмечали 100-летний юбилей молодежных судов. В 1908 г. был впервые учрежден во Франкфурте при суде 1-й инстанции (Amtsgericht) молодежный суд. В этом же году этому примеру последовали суды в Кёльне и Берлине. В 1909 г. в Виттлихе (Wittlich) появилась первая колония для молодых заключенных. Уже в 1912 г. в Германии насчитывалось 212 независимых молодежных судов. Но только в 1923 г. вступил в силу закон о молодежных судах (Jugendgerichtsgesetz). В основе наказания детей и подростков лежит принцип «воспитание до наказания» (Erziehung vor Strafe). Закон исходит из того, что у молодых преступников может отсутствовать необходимая для уголовно-правовой ответственности способность различать право и нарушение права, т. е. сознание неправомерности деяния. Если исключить из истории Германии период, когда у власти находились национал-социалисты, страна всегда следовала этому принципу, поэтому в ФРГ самое незначительное в странах ЕС количество юных заключенных [14].

Понятие «ювенальное уголовное право» определяется в Германии как особое уголовное право для юных преступников, которые во время совершения правонарушения находились в критической переходной стадии между детством и взрослостью. Действие Закона о суде по делам несовершеннолетних и молодежи распространяется на преступников в возрасте от 14 лет и до исполнения 18 лет, а также на молодых людей в возрасте от 18 лет и пока не исполнилось 21 год (§ 1 Закона о судах по делам несовершеннолетних и молодежи) [5]. Основные правонарушения, совершаемые подростками, — это незначительные магазинные кражи, порча имущества (граффити), причинение телесных повреждений, оскорбление, езда «зайцем», кража мобильных телефонов у школьников, то, что можно назвать «проступок» (Verfehlung). Суды по делам несовершеннолетних и молодежи являются отделениями уголовных судов. В судах первой инстанции уголовные дела рассматривает один судья (Jugendrichter)

либо суд присяжных (Jugendschöffengericht), либо коллегия по уголовным делам (Jugendkammer). Суд присяжных (Jugendschöffengericht) согласно закону о судах по делам несовершеннолетних и молодежи состоит из судьи и двух заседателей, причем на каждом судебном разбирательстве один заседатель должен быть мужчиной, другой заседатель — женщиной (§ 33 Закона о судах по делам несовершеннолетних и молодежи) [5]. Коллегия по уголовным делам несовершеннолетних и молодежи состоит из трех судей, включая председателя, и двух заседателей (große Jugendkammer). При рассмотрении апелляции на приговор суда первой инстанции в составе коллегии входят один судья в качестве председателя и два заседателя, так называемый малый состав коллегии по уголовным делам (kleine Jugendkammer). Согласно закону о судах по делам несовершеннолетних и молодежи судьи и заседатели должны иметь опыт воспитания несовершеннолетних. При рассмотрении уголовных дел судья руководствуется не только уголовным правом несовершеннолетних, но и Гражданским кодексом и, в частности, семейным правом [4; 5]. Кроме того, в судебных заседаниях принимают участие представители организации при управлении по делам молодежи, оказывающей судебную помощь несовершеннолетним (Jugendgerichtshilfe) [5]. Представители этой организации всесторонне исследуют личность обвиняемого и на судебном заседании излагают свою точку зрения на то, какие меры следует принять. Судья (Jugendrichter) суда первой инстанции не имеет права выносить приговор на срок более одного года и предписывать помещение обвиняемого в психиатрическую больницу (§ 39 Закона о судах по делам несовершеннолетних и молодежи) [5]. Судья выбирает при вынесении решения либо меры воспитательного характера (определить место проживания обвиняемого, дать предписание о прохождении определенного социального тренинга и т. д.), либо меры принудительного воспитательного характера (предостережение на основе норм уголовного права, предусматривающих ответственность несовершеннолетних; возложение определенных обязанностей на обвиняемого или арест). 7 марта 2013 года были приняты изменения в закон о судах по делам несовершеннолетних и молодежи, которые расширили возможность педагогической реакции суда. В инструментарии воспитательных мер появился так называемый «предупредительный арест» по аналогии с предупредительным выстрелом.

Эта мера не предполагает фактического лишения свободы, но способствует тому, чтобы правонарушитель осознал незаконность своего деяния. Кроме того, был увеличен максимальный срок наказания за совершение убийства с 10 лет до 15 лет для молодежи от 18 лет и до исполнения 21 года [10].

Судья, а также представители организации, оказывающей судебную помощь несовершеннолетним правонарушителям, являются ответственными за исполнение вынесенного наказания. Если преступнику ко времени совершения преступления не исполнилось 14 лет, то он не привлекается к уголовно-правовой ответственности, а вся информация передается в соответствующее управление по делам несовершеннолетних и молодежи (Jugendamt) [5].

В Германии постоянно разрабатываются и внедряются в практику различные проекты и программы по предупреждению и профилактике преступности среди несовершеннолетних и молодежи. В Баварии, например, внедрена модель суда «Волнорез» (Wellenbrecher). Суть этой инновации заключается в том, чтобы несовершеннолетних, впервые совершивших правонарушение, судили ровесники. Будущие судьи обучаются ведению диалога на судебном заседании, постановке юридически правильных вопросов, а затем команда юных судей, состоящая из трех человек, принимает участие в заседании суда. Как правило, перед ними предстают сверстники, совершившие незначительное правонарушение, например, безбилетный проезд. Главное, что должны понять правонарушители, что их проступок осуждают их ровесники. После судебного разбирательства, где судья твой одноклассник, правонарушитель должен осознать, что он нарушил закон и его поведение вызывает порицание в собственной среде. Цель суда подростков не допустить, чтобы у правонарушителя был рецидив¹.

Новые явления молодежной преступности ставят перед юстицией новые задачи. Кёльнская уголовная юстиция отвечает на эти требования времени посредством новых проектов, таких как «Желтая карта» (Gelbe Karte) и «Кёльнский проект работы с преступниками, отличающимися интенсивным криминальным поведением» (Kölner Intensivtäterprojekt). Таким образом, можно говорить о «Кёльнском пути», главной идеей которого станет объединение под одной крышей людей, занимающихся правовыми нормами, касающихся молодежи, служащих, ответственных за веде-

ние дел несовершеннолетних, полиции и ответственных лиц из прокуратуры [6].

Рассмотрим, как практически реализуется такой проект. 14 подростков и молодых людей из Ашенберга (земля Северный Рейн-Вестфалия) в возрасте от 14 до 21 года, которые обращали на себя внимание своим активным криминальным поведением, были взяты под опеку в рамках проекта (Intensivtäterprojekt). При этом были объединены усилия местного управления по делам молодежи, полиции, местной общины (орган самоуправления), суда первой инстанции (Amtsgericht), прокуратуры и общественных организаций, работающих с молодежью (offene Jugendarbeit). В рамках сотрудничества для молодых людей были разработаны две программы: программа по формированию личности и программа по получению соответствующего образования. Молодые люди должны взять на себя ответственность перед общиной по выполнению этих программ. В случае несогласия или невыполнения программ молодыми людьми принимаются меры принудительного характера [6].

Проект «Желтая карта» был создан социальным педагогом Майо Гаме (Mayo Game) в школе (Anne-Frank-Schule, г. Гронау) с целью выявлять прогульщиков занятий и выяснять причины их асоциального поведения. Если ученик знает, что его прогулы не будут иметь последствий, то частота и продолжительность их будет увеличиваться, будет снижаться мотивация к учебе и, как следствие, плохие оценки, конфликты и с учителями и с одноклассниками. Зачастую родители не знают о том, что их ребенок прогуливает занятия, или уже не могут заставить его ходить в школу. Разработанная Майо Гаме программа должна в будущем воспрепятствовать этому. Если учитель устанавливает, что ученик часто или постоянно отсутствует на уроках, то он заносит время отсутствия ученика в «желтую карту», которую в конце недели передает социальному педагогу Майо Гаме. Она собирает информацию и основательно разбирается с каждым случаем прогула занятий. Первый шаг — это беседа с учеником по выяснению причин прогулов. Если после этого не меняется поведение ученика, беседуют с родителями, если и это не помогает — то предупреждают, что ученик будет приведен в школу представителем службы порядка (Ordnungsamt). В качестве последней воспитательной меры используется денежный штраф, 1000 евро, который может быть наложен как на родителей прогуль-

¹ Jugendrichterin Franziska.

щика, так и на самого ученика, если ему исполнилось 14 лет [7].

Все федеральные министерства и ведомства Германии, занимающиеся проблемой детей, семьи и молодежи, на своих официальных сайтах разъясняют несовершеннолетним и молодежи их права и обязанности. На сайте министерства юстиции gerechte-sache.de можно найти ответы на неожиданные вопросы, например, есть ли предписания, как должны воспитывать меня родители, или могут ли родители запретить мне делать пирсинг и татуировку. На детской странице сайта министерства по делам семьи, пожилых людей, женщин и молодежи можно прочитать федеральный закон о защите детей и несовершеннолетних (*Bundeskinderschutzgesetz*) [11] и федеральный закон о защите молодежи (*Jugendschutzgesetz*) [12] и их разъяснение [13].

Уровень преступности среди несовершеннолетних и молодежи в Германии в 2013 году снизился по сравнению с 2012 г. [10]. С 1 июня 2013 года на платформе сотрудничества объединили свои

усилия по реализации закона о защите детей и несовершеннолетних 6 федеральных министерств, 4 исследовательских научных центра и множество муниципальных и общественных организаций [9]. До 31 декабря 2015 года министерство по делам семьи, пожилых людей, женщин и молодежи должно подготовить федеральному правительству для представления в парламент доклад о результатах работы в сфере защиты прав, свобод и законных интересов детей и несовершеннолетних, а также о предупреждении и профилактике преступности среди несовершеннолетних и молодежи.

В России, к сожалению, процесс формирования ювенального правосудия идет вяло. Пока государство и общество не поставят во главу угла обеспечение прав и свобод детей и несовершеннолетних, не организуют четкую работу в сфере профилактики и предупреждения детской преступности, мы не можем говорить о социальном правовом государстве в полном смысле этого слова.

Литература

1. Вилкова, А. В. Ювенальная юстиция в России: «за» и «против» / А. В. Вилкова, А. Н. Антипов // Вестник Кузбасского института. — 2012. — № 11. — С. 105—110.
2. Михайлов, А. П. Современные проблемы процесса институционализации восстановительного правосудия / А. П. Михайлов // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2006. — № 11. — С. 92—95.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних». URL: http://www.rg.ru/official/doc/min_and_vedom/plenum/14_02_7.htm (дата обращения 22.02.2014).
4. Гражданский кодекс (ФРГ). URL: <http://dejure.org/gesetze/BGB> (дата обращения 19.02.2014).
5. Закон о судах по делам несовершеннолетних и молодежи (*Jugendgerichtsgesetz, JGG*). URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/jgg/gesamt.pdf> (дата обращения 22.02.2014).
6. Проект «Активный преступник» в Ашенбепре (*Intensivtäterprojekt in Aschenberg*). URL: <http://www.azonline.de/Muensterland/Kreis-Coesfeld/2012/06/Kreis-Coesfeld-Intensivtaeterprojekt-in-Ascheberg> (дата обращения 09.02.14).
7. Новый проект «желтая карта для прогульчиков» в Гронау (*Gronau Neues Projekt "Gelbe Karte für Schwänzer"*). URL: <http://www.wn.de/Muensterland/Kreis-Borken/Gronau/2007/08/Gronau-Neues-Projekt-Gelbe-Karte-fuer-Schwaenzer> (дата обращения 12.02.2014).
8. Структура судов в Германии. URL: http://ec.europa.eu/justice_home/judicialatlascivil/html/pdf/org_justice_ger_de.pdf (дата обращения 24.02.2014).
9. Схема взаимодействия федеральных министерств, общественных и научных организаций по реализации федерального закона по защите детей и несовершеннолетних. URL: <http://www.bmfsfj.de/RedaktionBMFSFJ/Abteilung5/Pdf-Anlagen/1-evaluation-bundeskinderschutzgesetz,property=pdf,bereich=bmfsfj,spache=de,rwb=true.pdf> (дата обращения 26.02.14).
10. Федеральное министерство внутренних дел. Преступность среди несовершеннолетних и молодежи. URL: http://www.bmi.bund.de/DE/Themen/Sicherheit/Kriminalitaetsbekaempfung/Jugendkriminalitaet/jugendkriminalitaet_node.html (дата обращения 23.02.2014).
11. Федеральный закон о защите детей (ФРГ). URL: http://www.bagkjs.de/media/raw/BGBl_VKischG_28_12_2011.pdf (дата обращения 06.12.2013).
12. Федеральный закон о защите молодежи (ФРГ). URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/juschg/> (дата обращения 05.12.2013).

13. Федеральное министерство по делам семьи, пожилых людей, женщин и молодежи (ФРГ). Детская страница. URL: <http://www.bmfsfj.de/BMFSFJ/Kinder-und-Jugend/kinderseite.html> (дата обращения 25.02.2014.)
14. 100-юбилей молодежных судов в Германии. URL: <http://www.nrw.de/presse/100-jahre-jugendgerichte-in-deutschland-4601/> (дата обращения 25.02.2014).

БЕЛЕНЬКО Ирина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальных дисциплин и управления, Южно-Уральский государственный университет, Россия, 454080, г. Челябинск, пр. им. Ленина, д.76. E-mail: Sommerlady@yandex.ru

BELENKO I. A., Candidate of Pedagogics, Associate Professor of Social Subjects and Management Chair, South Ural State University, Russia, 454080, Chelyabinsk, Lenin avenue, 76. E-mail: Sommerlady@yandex.ru

ГРАЖДАНСКОЕ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

УДК 343.985.7:343.57 + 343.976
ББК Х521 + Х512 + Х408.132.11

Р. Г. Панферов

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КОНТРАБАНДЫ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ АНАЛОГОВ

R. G. Panferov

CRIMINALISTIC CHARACTERISTIC FEATURES OF PERSONALITY OF A CRIMINAL IN THE PROCESS OF THE INVESTIGATION OF SMUGGLING DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES AND THEIR ANALOGUES

В статье обосновываются роль и значение изучения личности преступника для раскрытия и расследования преступлений, определяется ее место в структуре криминалистической характеристики преступных деяний, анализируются имеющиеся подходы авторов к содержанию исследуемого понятия, определяются группы сведений, представляющих наибольший интерес при расследовании контрабанды наркотических средств и психотропных веществ, обосновывается типовая информационная модель личности преступника — контрабандиста наркотиков, проводится классификация анализируемых лиц, приводятся полученные в ходе исследования выводы.

Ключевые слова: личность преступника, криминалистическая характеристика, наркотические средства, психотропные вещества, контрабанда, свойства личности преступника, типовая информационная модель личности преступников, классификация личностей преступников.

The article explains the role and importance of studying a criminal for the purpose of crime investigation, as well as determines its place in the structure of forensic characteristics of criminal acts, analyzes existing approaches to the concept, defines groups of information which are of main interest in the investigation of the smuggling of drugs and psychotropic substances. The author dwells on a standard information model of a personality of a drug smuggler, and classify the analyzed individuals.

Keywords: personality of a criminal, forensic characterization, narcotic drugs, psychotropic substances, smuggling, personality traits, standard information model of a personality of a smuggler, classification of criminal's personalities.

Личность преступника является важным элементом криминалистической характеристики преступления. Она отражается в способе совершения преступления, влияет на выбор предмета преступного посягательства, на сокрытие преступления и мо-

жет оставлять на месте преступления следы определенного «почерка» преступника.

Юристы постоянно подчеркивают, что для криминалистики могут быть важны и такие свойства личности, которые изучаются другими науками.

113

Гражданское и уголовное
судопроизводство

В криминалистической литературе проблеме изучения личности уделяется большое внимание. В. К. Гавло отмечает, что «криминалистику и ее методику в первую очередь интересуют такие данные о личности субъекта преступления, которые указывают на закономерные связи между ним и совершенным преступлением, проявляющиеся вовне — в различных последствиях содеянного. В этом случае личность надо изучать как слеодообразующий объект, источник информации о совершенном преступлении и как средство его раскрытия» [1, с. 197].

Р. С. Белкин пишет о том, что криминалистический аспект изучения личности является актуальным и перспективным направлением в научных криминалистических исследованиях [2, с. 15]. Поддерживая позицию Р. С. Белкина, отметим, что в большинстве случаев от свойств личности в прямой зависимости находятся способ хранения и перевозки наркотиков, а также обстановка их совершения. Чем прочнее преступник связан с наркотическими средствами и психотропными веществами, тем его действия по совершению и сокрытию следов более избирательны и совершенны.

Таким образом, свойства личности преступника оказывают влияние на обстоятельства преступления, а изучение судебно-следственной практики может быть использовано для установления важных признаков личности преступника.

В криминалистической науке нет единого подхода к содержанию понятия «личность преступника».

Наиболее широким, на наш взгляд, является подход Г. М. Резника, который указывает, что личность преступника — это лицо для которого преступление стало основным полем деятельности [3, с. 29; 10, с. 37]. В содержании данного понятия личность преступника определяется как признак лица, регулярно совершающего преступления или же занимающегося преступным промыслом на профессиональной основе. В то же время лицо, совершившее единичное преступление, также нас будет интересовать с позиции личности преступника.

Ряд ученых представляют личность преступника как совокупность криминологически-значимых свойств человека, обусловивших совершение им преступления [4, с. 105; 11, с. 87; 13, с. 9]. Последователи данной позиции определение криминологически значимых свойств личности ставят в непосредственную зависимость от возможности

совершения преступления, подчеркивая неизбежность его совершения что, на наш взгляд, не вполне приемлемо.

Сторонники иной позиции говорят о том, что личность преступника является абстрактным понятием, образованным в результате вычленения на массовом статистическом уровне наиболее существенных криминогенных черт [5, с. 53]. Данное мнение, на наш взгляд, подразумевает недопустимость подмены понятия «личность преступника» понятием «субъект преступления» и отграничивает их.

Мы согласны с мнением А. И. Алексеева, который под личностью преступника понимает совокупность ее социально значимых свойств, влияющих в сочетании с внешними условиями (ситуацией) на преступное поведение [6, с. 84]. Такое понимание личности преступника, на наш взгляд, обладает большими объяснительными возможностями, дает основания для построения типологии, способствует индивидуальной профилактике преступности.

И здесь нельзя не отметить, что среда лиц, совершающих рассматриваемую категорию преступлений, значительна и многолика, что позволяет при исследовании обозначенной нами проблемы использовать разные методики.

Проведенный нами анализ материалов уголовных дел и судебно-следственной практики позволяет утверждать, что для характеристики личности при расследовании контрабанды наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов наибольший интерес представляют следующие группы сведений:

— сведения социально-демографического характера (пол, возраст, род занятий, образование, семейное положение);

— сведения производственно-бытового характера: имеет ли постоянную или временную работу, как характеризуется по месту работы (если имеет работу), имеет ли постоянное место жительства, поведение по месту жительства;

— сведения социально-правового характера (судимость, привлекался ли ранее к уголовной ответственности, страдает ли наркоманией, состоит ли на учете у врача-нарколога, состоит ли на учете в психоневрологическом диспансере).

Типовая информационная модель личности преступника, совершающего контрабанду наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, определяется следующими данными исследования:

1) Сведения социально-демографического характера:

В 70% (от 120 изученных автором уголовных дел) незаконное хранение и перевозку наркотиков осуществляли мужчины. Наиболее криминогенны лица в возрасте от 30 до 40 лет (76% от числа изученных дел). Около 55% лиц имели среднее или среднее специальное образование, 45% — высшее образование.

2) Сведения производственно-бытового характера:

Лица, совершающие данные преступления, в 75% случаев являются безработными. В 63% случаев от числа изученных дел незаконное хранение и перевозка наркотиков осуществлялись одним лицом, в 37% — группой лиц. Группы формируются, как правило, по национальному признаку, реже — по региональному. Среди лиц, совершивших незаконное хранение и перевозку наркотиков, — 65% граждане иностранных государств либо лица без гражданства.

3) Сведения социально-правового характера:

Только 7% осужденных за данное преступление ранее привлекались к уголовной ответственности (за аналогичное преступление либо за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков по ст. 228—234 УК РФ). Встречаются лица (3% от числа изученных дел), состоящие на учете в наркологических диспансерах (с диагнозом наркомания).

В настоящее время нет единства в подходе к классификации типов личности преступников применительно к вышеуказанному преступлению.

Так, например, В. И. Мельник предлагает по степени общественной безопасности различать несколько типов личности участника незаконного хранения и перевозки наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: «начинающие потребители — самая многочисленная группировка... которая может быть разделена на две группы: случайные и эпизодические потребители; регулярные потребители и больные наркоманией» [7]. Разумеется, при разработке типологии преступника эти факторы необходимо учитывать.

Уголовно-правовым законом предусмотрена ответственность за различные действия, связанные с незаконным хранением и перевозкой наркотических средств и психотропных веществ. В своей совокупности они образуют многогранную цепочку действий лиц, взаимосвязанных между собой и осуществляющих противоправное движение наркотических

средств от источника (хранение, перевозка и т. д.) к потребителям — наркоманам. В этой связи желательна характеристика личности преступника рассматривать соотносимо с определенными этапами преступления — поставщики, распространители, потребители [8, с. 6—7].

П. Н. Бирюков, Е. А. Пидусов, Н. Г. Шурухунув помимо предложенной классификации различают и другие криминалистически значимые сведения о субъектах преступления. Помимо сбытчиков, изготовителей они различают — преступление совершено одним человеком, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой [9, с. 78; 12, с. 537—538]. И все же, на наш взгляд, подобная классификация не дает полного представления о личности преступника. Здесь нет контрабандистов, лиц, незаконно выращивающих наркотикосодержащие растения, и др. Разумеется, это огромный пласт проблем, которые невозможно рассмотреть в данной диссертации.

Вышеуказанные сведения позволяют определить направление поиска преступника, методы по его выявлению, задержанию и изобличению.

Проведенный анализ позволяет дать следующую классификацию лиц, совершивших контрабанду наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Первую группу составляют лица, которые, во-первых, систематически занимаются немедицинским употреблением наркотиков и находятся от них в физической и психической зависимости, и, во-вторых, имеющие в стране — производителе таких препаратов и сырья для их производства родственников или знакомых, к которым они могут периодически выезжать. Такие лица занимаются незаконным хранением и перевозкой наркотических средств в основном для личного потребления, поэтому совершают это преступление в большинстве случаев в одиночку и в редких случаях по предварительному сговору с другими лицами.

Во вторую группу входят лица, которые в связи с их служебным положением и выполняемыми обязанностями постоянно пересекают государственную границу Российской Федерации (служащие железнодорожного, морского, воздушного и автомобильного транспорта, сотрудники дипломатических и консульских служб иностранных государств, международных организаций и др.). Для этой группы характерно совершение преступления как индивидуально, так и по предварительному сговору с другими лицами, а также

в составе организованной группы. В преступные группы помимо указанных лиц могут входить поставщики наркотиков, проживающие на территории страны — производителя этих препаратов, и их постоянные покупатели, находящиеся на территории стран-потребителей.

Третью, наиболее опасную группу составляют лица, для которых контрабанда наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов является профессиональной преступной деятельностью и постоянным источником дохода. Эти лица сплачиваются не только в организованные группы, но и в разветвленные устойчивые преступные сообщества, имеющие высококвалифицированный состав, в том числе из бывших сотрудников правоохранительных органов. Такая группа может включать специалистов по различным отраслям знаний, подразделения охраны и боевиков, оснащенных современной техникой и оружием.

Таким образом, личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений, связанных с контрабандой наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, позволяет определить типологию категорий преступников, совершающих данные преступления, а также основные группы сведений об этих лицах (сведения социально-демографического характера, сведения производственно-бытового характера и сведения социально-правового характера). Все вышеперечисленные данные могут быть использованы и используются для выделения криминогенных признаков, черт, свойств при раскрытии и расследовании преступлений, способствуют выработке мер и способов профилактики предупреждения незаконного хранения и перевозки наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов при осуществлении международного (транспортированного) транзита.

Литература

1. Гавло, В. К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений / В. К. Гавло. — Томск, 1985.
2. Белкин, Р. С. Курс советской криминалистики / Р. С. Белкин. — Т. 2. — М., 1978.
3. Резник, Г. М. Криминологическая профилактика и социальное планирование / Г. М. Резник // Вопросы борьбы с преступностью. — Вып. 31. — М., 1979.
4. Криминология. — М., 1979.
5. Антонян, Ю. М. Изучение личности преступника / Ю. М. Антонян. — М., 1982.
6. Алексеев, А. И. Криминология : курс лекций / А. И. Алексеев. — М., 1998.
7. Прохорова, М. Л. Криминологические и уголовно-правовые аспекты профилактики преступлений : автореф. ... канд. юрид. наук / М. Л. Прохорова, В. И. Мельник. — Саратов, 2003.
8. Соловьев, А. В. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств : учеб. пособие / А. В. Соловьев. — Саратов : СГАП, 1998.
9. Лысенко, В. М. Способы хищения психотропных веществ / В. М. Лысенко // Проблемы национальной политики России по контролю за наркотиками и международное сотрудничество. — Белгород, 1998.
10. Иншаков, С. М. Криминология / С. М. Иншаков. — М., 2000.
11. Лунеев, В. В. Криминология / В. В. Лунеев. — М., 1986.
12. Шурухун, Н. Г. Криминология : учеб. пособие / Н. Г. Шурухун. — М., 2002.
13. Лейкина, Н. С. Криминология о преступнике / Н. С. Лейкина. — Л., 1978.

ПАНФЕРОВ Роман Геннадьевич, адъюнкт кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова. 302006, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2. E-mail: romanpanferoff@yandex.ru

PANFEROV R. G. Adjunct of the Department of Forensic Science and Preliminary Investigation in the Department of Internal Affairs of Lukianov Orlovsky Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2, Ignatova Str., 302006, Orel. E-mail: romanpanferoff@yandex.ru

УДК 343.12
ББК Х410.201

И. Н. Пустовая

ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

I. N. Pustovaya

PROTECTION OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF PARTICIPANTS OF CRIMINAL PROCEEDINGS

В ходе производства по уголовному делу участники со стороны обвинения и защиты сталкиваются с множеством конфликтных ситуаций, затрагивающих их права и свободы. Президиум Верховного Суда Российской Федерации является окончательной инстанцией, где может быть рассмотрен вопрос об охране и защите прав и свобод участника уголовного судопроизводства. К перечню новых обстоятельств относится решение Европейского Суда по правам человека о нарушении положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, имевшем место при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела. За защитой своих прав и свобод участник уголовного судопроизводства может обратиться в Европейский Суд по правам человека, о чем законодатель умалчивает в нормах УПК РФ. Решение Европейского Суда по правам человека о нарушении положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, имевшем место при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела, является закономерным основанием к возобновлению уголовного дела. Однако поскольку есть такое основание, то соответственно в уголовно-процессуальном законодательстве должен быть и повод. В связи с этим, целесообразно дополнить главу 16 УПК РФ новой статьей.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, защита прав и свобод, обжалование действий и решений суда, прокурора, следователя, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Европейский Суд.

Criminal Procedure in the Russian Federation is established by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Participants from prosecution and defense face many problematic issues that affect their rights and freedoms in the course of criminal proceedings. The Presidium of the Supreme Court is the final authority that solves the questions and issues of the protection of the rights and freedoms of members of criminal proceedings. The judgment of the European Court of Human Rights on violation of the Convention on Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms is a new matter which is applied in the course of criminal proceedings. Member of criminal proceedings may appeal to the European Court of Human Rights to protect their rights and freedoms. However, it is not mentioned in the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. The Judgment of the European Court of Human Rights on the violation of provisions of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms which took place in the process of the criminal proceedings is a reasonable basis for the reopening of the criminal case. However, this basis should provide occasion in the criminal law. Therefore, Chapter 16 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation should be complemented with a new article.

Keywords: Criminal proceedings; protection of rights and freedoms; appeal of decisions of the court, prosecutor, and investigator; the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, the European Court.

Конституция Российской Федерации каждому гарантирует судебную защиту его прав и свобод (ст. 46). Если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты, каждый

вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека [1, с. 15].

117

Гражданское и уголовное
судопроизводство

Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство. Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, основанным на Конституции Российской Федерации (ст. 1 УПК РФ) [2].

Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, то применяются правила международного договора.

Следовательно, можно определить, что основные положения международных договоров должны найти отражение в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации.

Назначение уголовного судопроизводства связано как с защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и с защитой личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ).

В ходе производства по уголовному делу участники со стороны обвинения и защиты (чаще всего потерпевший и обвиняемый) сталкиваются с множеством конфликтных ситуаций, затрагивающих их права и свободы.

В целях предупреждения возможных нарушений законодатель предусматривает ст. 11 УПК РФ «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве». В ч. 1 ст. 11 УПК РФ отмечается, что суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав.

Вред, причиненный лицу в результате нарушения его прав и свобод судом, а также должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, подлежит возмещению по основаниям и в порядке, установленном УПК РФ (ч. 4 ст. 11).

Статья 19 УПК РФ предусматривает право на обжалование процессуальных действий и решений.

1. Действия (бездействие) и решения суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа

дознания и дознавателя могут быть обжалованы в порядке, установленном УПК РФ.

2. Каждый осужденный имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном главами 45.1, 47.1, 48.1 и 49 УПК РФ.

Нормы, предусматривающие охрану прав и свобод, а также защиту участников уголовного судопроизводства в различных конфликтных ситуациях, разбросаны по многим статьям УПК РФ.

Порядок обжалования действий и решений суда, должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, законодатель предусмотрел в гл. 16 УПК РФ.

С жалобой можно обратиться на действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, начальника подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда участнику уголовного судопроизводства, а также иному лицу в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы.

Порядок рассмотрения жалобы прокурором, руководителем следственного органа, судом регламентируется ст. 124, 125 УПК РФ.

Порядок подачи жалобы и представления на приговоры, определения, постановления судов первой и апелляционной инстанций, а также жалобы и представления на судебные решения, принимаемые в ходе досудебного производства по уголовному делу, приносятся в соответствии с нормами, установленными гл. 45.1 и 47.1 УПК РФ (ст. 127 УПК РФ).

Жалобы и представления на судебные решения, вступившие в законную силу, приносятся в порядке, установленном гл. 48.1 и 49 УПК РФ.

Так гл. 45.1 «Производство в суде апелляционной инстанции» предусматривает обжалование в апелляционной инстанции решения суда первой инстанции, не вступившего в законную силу, определения или постановления о порядке исследования доказательств, об удовлетворении или отклонении ходатайств участников судебного разбирательства и других судебных решений, вынесенных в ходе судебного разбирательства.

Представления и жалобы приносятся через суд, постановивший приговор, вынесший иное обжалуемое судебное решение, начиная с районного суда и оканчивая Апелляционной коллегией Верховного Суда Российской Федерации (ст. 389.3 УПК РФ).

Глава 47.1 «Производство в суде кассационной инстанции» предусматривает нормы, содержащие положения о проверке законности приговора, определения или постановления суда, вступивших в законную силу. Судебное решение может быть обжаловано в суд кассационной инстанции в течение одного года со дня его вступления в законную силу. Кассационная жалоба, представление подаются непосредственно в суд кассационной инстанции, правомочный пересматривать обжалуемое судебное решение, начиная с президиумов Верховного Суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа и заканчивая Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации (ст. 401.3 УПК РФ).

Глава 48.1 «Производство в суде надзорной инстанции» предусматривает положения о пересмотре вступивших в законную силу судебных решений в порядке надзора Президиумом Верховного Суда Российской Федерации. Пересмотр судебных решений в порядке надзора регламентируется ст. 412.1 УПК РФ.

Таким образом, исходя из анализа статей УПК РФ, Президиум Верховного Суда Российской Федерации является окончательной инстанцией, где может быть рассмотрен вопрос об охране и защите прав и свобод участника уголовного судопроизводства.

Однако при рассмотрении положений гл. 49 УПК РФ «Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств» отмечается, что вступившие в законную силу приговор, определение и постановление суда могут быть отменены и производство по уголовному делу возобновлено ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

К перечню новых обстоятельств относится решение Европейского Суда по правам человека о нарушении положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод [3], имевшем место при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела. Такие нарушения могут быть связаны с применением федерального закона, не соответствующего положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также иными нарушениями положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ч. 4 ст. 413 УПК РФ).

Согласно п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ установленное Европейским Судом по

правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела является основанием для возобновления производства по делу ввиду новых обстоятельств, а состоявшиеся по делу судебные решения подлежат отмене на основании ч. 5 ст. 415 УПК РФ с передачей дела на новое судебное разбирательство.

Следовательно, обжалование процессуальных решений, связанных с защитой, охраной прав и свобод участников уголовного судопроизводства, не ограничивается окончательной инстанцией — Президиумом Верховного Суда Российской Федерации. За защитой своих прав и свобод участник уголовного судопроизводства может обратиться в Европейский Суд по правам человека, о чем законодатель умалчивает в нормах УПК РФ.

Как отмечает Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин: «В России не вызывает сомнений особая роль решений Европейского Суда по правам человека, их обязательность и прецедентный характер. Важное значение таких решений для России официально признано как Конституционным Судом Российской Федерации, так и другими судебными органами страны» [4].

На территории Российской Федерации «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» вступила в силу 5 мая 1998 года. С этого дня все российские граждане получили право на обращение в Европейский Суд по правам человека с жалобой на неправомерные действия государственных органов Российской Федерации, нарушающих их гражданские права, что предусмотрено ст. 46 Конституции РФ.

Согласно статистическим данным Европейского Суда за период с 1959 г. по 2012 г. по статьям Конвенции и Протоколов к ней в отношении России было вынесено 1346 постановлений о нарушениях. Россия стоит на третьем месте по количеству нарушений из 47 государств-ответчиков после Турции (2870) и Италии (2229).

При рассмотрении жалоб за 2011 год по статьям Конвенции и Протоколов к ней в отношении России было вынесено 133 постановления о нарушениях, за 2012 год — 143.

Наиболее характерные нарушения, допущенные в ходе процессуальной деятельности, приведены в таблице:

№	Нарушение прав по Конвенции	1959— 2012 гг.	2011 г.	2012 г.
1.	Право на жизнь и лишение жизни	230	53	28
2.	Право на эффективное расследование	249	58	32
3.	Право не подвергаться пыткам	33	6	2
4.	Право не подвергаться бесчеловечному или унижающему достоинство обращению	405	62	48
5.	Право на свободу и личную неприкосновенность	486	68	64
6.	Право на справедливое судебное разбирательство	603	40	33
7.	Право на судебное разбирательство в разумный срок	170	13	7

За период с 2007 по 2012 г. на рассмотрение судей Европейского Суда по правам человека гражданами России были переданы жалобы:

2007 г. — 9493, 2008 г. — 10 146, 2009 г. — 13 666, 2010 г. — 14 309, 2011 г. — 12 455, 2012 г. — 10 755 [5].

Необходимо отметить, что количество жалоб и соответственно нарушений прав и свобод граждан России сократилось. Законодательство России все больше соответствует международным договорам и продолжает совершенствоваться свое законодательство, соблюдая европейские стандарты в области прав человека, закрепленные в Конвенции о защите прав и основных свобод.

Судья Европейского Суда по правам человека, избранный от Российской Федерации, А. И. Ковлер отметил, что с признанием Россией юрисдикции Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней получила свое реальное воплощение и конституционная норма: «Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты» (ч. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации).

В судебной практике немало примеров прямого применения норм Европейской Конвенции судами общей юрисдикции, арбитражными судами, Конституционным Судом РФ. Это подтверждается и постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» [6], а также проектом Федерального закона № 235881-6, внесенным

Правительством Российской Федерации и прошедшим первое чтение в Государственной Думе Российской Федерации «О внесении изменения в статью 18 Федерального закона “О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений”» (в части реализации прав подозреваемых и обвиняемых на обращение в Европейский Суд по правам человека) [7].

Таким образом, представляется, что решение Европейского Суда по правам человека о нарушении положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, имевшем место при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела, является закономерным основанием к возобновлению уголовного дела. Однако поскольку есть такое основание, то соответственно в уголовно-процессуальном законодательстве должен быть и повод. В связи с этим предлагается целесообразным дополнить гл. 16 УПК РФ новой статьей.

Ст. 127.1 Право обжалования в Европейский Суд по правам человека

1. Участник уголовного судопроизводства, исчерпавший все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты, вправе обратиться за охраной и защитой своих прав и свобод в Европейский Суд.

2. Порядок обращения в Европейский Суд осуществляется на основании международных договоров Российской Федерации.

Введение соответствующей нормы в УПК РФ будет стимулировать должностных лиц, осуществляющих процессуальную деятельность, к более строгому соблюдению законов в отношении граждан России, что сократит поток жалоб в Европейский Суд по правам человека и поднимет престиж России на международном уровне.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. — М. : Юрайт, 2008.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (в редакции Федерального закона от 30.12.2012. № 317-ФЗ // СЗ РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод // СЗ РФ. — 2001. — № 2. — Ст. 163.
4. Права человека. Практика Европейского суда по правам человека. URL: <http://www.jpr-pechr.ru/> (дата обращения 28.11.2013).
5. Статистика Европейского Суда по правам человека 1959—2013 гг. // Сайт Олега Анищика. О подаче жалоб против России в Европейский Суд по правам человека. URL: <http://european-court.ru/statistika-evropejskogo-suda/> (дата обращения 28.11.2013).
6. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2013. — № 8.
7. О внесении изменения в статью 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»: проект Федерального закона № 235881-6. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=39156> (дата обращения 28.11.2013).

ПУСТОВАЯ Ирина Николаевна, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Южно-Уральский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент. 4544081, г. Челябинск, ул. Артиллерийская, д. 98, каб. 109. E-mail: elfrybka@mail.ru

PUSTOVAYA Irina Nikolaevna, Associate Professor of the Department of Criminal and Legal Disciplines of South-Ural State University, Cand. Sc. Law, Associate professor. Office 109, 98, Artilleryskaya Str., 454081, Chelyabinsk. E-mail: elfrybka@mail.ru

Н. А. Рощупкин

ПРОБЛЕМЫ ПОДСУДНОСТИ СУДА ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ ПРАВАМ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ О НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ ПО ТОВАРНЫМ ЗНАКАМ

N. A. Roshchupkin

PROBLEMS OF JURISDICTION OF THE COPYRIGHT COURT IN CASES OF UNFAIR COMPETITION ASSOCIATED WITH TRADEMARKS

Оспаривание решений антимонопольных органов осуществляется в арбитражных судах Российской Федерации. В зависимости от основания признания действий лица недобросовестной конкуренцией обжалование по первой инстанции отнесено к подсудности либо арбитражных судов субъектов РФ, либо Суда по интеллектуальным правам. В статье анализируются возможные причины отхода законодателя от общего правила определения дел, подсудных арбитражным судам.

Применительно к кассационному пересмотру судебных актов по указанным делам выявлена коллизия между подсудностью Суда по интеллектуальным правам и федеральных арбитражных судов округов. В статье формулируется предложение о введении в Арбитражный процессуальный кодекс РФ коллизионного правила, согласно которому все дела о защите интеллектуальных прав в порядке кассационного производства должны относиться к подсудности Суда по интеллектуальным правам.

Ключевые слова: товарный знак, недобросовестная конкуренция, коллизии подсудности, федеральные арбитражные суды округов, Суд по интеллектуальным правам.

Cases of unfair competition connected with use of the trademarks or acquisition of exclusive rights to it are considered by the territorial divisions of Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation. The decisions of antimonopoly authorities are challenged in arbitration courts (state commercial courts) of the Russian Federation. These decisions are contested on the first instance in arbitration courts of constituent units of the Russian Federation or the copyright court. It depends on the grounds of recognition of actions of unfair competition. The article analyzes the possible reasons for deviation of the legislator from the general rule of jurisdiction in arbitration courts.

The author identifies the conflict of jurisdiction between copyright court and regional branches of federal commercial courts when these cases are reviewed on cassation. The author also formulates a proposal on introduction of the conflict of law rule in the Commercial Procedural Code of the Russian Federation. According to this rule all cases of protection of intellectual rights under the cassation procedure should relate to the jurisdiction of copyright court.

Keywords: trademark, unfair competition, conflicts of jurisdiction, federal commercial courts, copyright court.

В соответствии со ст. 14 Федерального закона «О защите конкуренции» [1] (далее — ФЗ «ОЗК») территориальные подразделения Федеральной антимонопольной службы (далее — антимонопольные органы) применительно к товарным знакам наделены полномочиями по при-

знанию действий лица недобросовестной конкуренцией в двух случаях. Во-первых, если имело место введение в оборот товара с незаконным использованием товарного знака. Во-вторых, если приобретение и использование исключительных прав на товарный знак осуществлялось

правообладателем в целях недобросовестной конкуренции.

Решения и предписания, выносимые антимонопольными органами, могут быть оспорены в судебном порядке, как и любые другие ненормативные акты. Подсудность этих дел имеет свои особенности как при рассмотрении в первой, так и в кассационной инстанциях. Рассмотрим подробнее каждую из них.

Первая инстанция. В соответствии со ст. 35 Арбитражного процессуального кодекса [2] (далее — АПК РФ) иск предъявляется в арбитражный суд по месту нахождения ответчика. Это же правило применяется при рассмотрении дел об оспаривании ненормативных правовых актов. Так, к примеру, все ненормативные акты Роспатента подлежат оспариванию в Суде по интеллектуальным правам (далее — СИП), поскольку и первый, и последний расположены в г. Москве. В данном случае нормы, определяющие специальную подведомственность Суда по интеллектуальным правам (п. 2 ч. 4 ст. 34 АПК РФ), соответствуют общим правилам подсудности.

Иная ситуация сложилась в отношении решений антимонопольного органа. Если действия лица признаны недобросовестной конкуренцией в связи с *приобретением и использованием исключительного права на товарный знак* (ч. 2 ст. 14 ФЗ «ОЗК»), дело подсудно СИП, если за *введение в оборот товара с незаконным использованием товарного знака* (п. 4 ч. 1 ст. 14 ФЗ «ОЗК») — арбитражным судам субъектов РФ. При этом каждое из названных решений выносится территориальными подразделениями антимонопольной службы. И соответственно, если следовать общим правилам подсудности, заявления лиц, не согласных с ними, должны подаваться в арбитражный суд того субъекта Российской Федерации, в котором расположено подразделение антимонопольной службы, принявшее такое решение. Однако в соответствии с абз. 3 п. 2 ч. 4 ст. 34 АПК РФ оспаривание решений о признании недобросовестной конкуренцией действий, связанных с приобретением исключительного права на товарный знак, отнесено к подсудности Суда по интеллектуальным правам. Возможно несколько причин такого решения законодателя.

Во-первых, причиной могло послужить то, что по таким делам в качестве третьего лица привлекается Роспатент, как орган, который регистрировал товарный знак. В ходе рассмотрения дела он может дать пояснения, подавались и рассматри-

вались ли в процессе регистрации товарного знака какие-либо возражения заинтересованных лиц, в том числе и в связи с тем, что регистрируемое обозначение может ввести потребителей в заблуждение (пп. 1 п. 3 ст. 1483 ГК РФ). Если причина в этом, то вряд ли ее можно считать достаточной, поскольку если подобные факты имели место, то они обязательно будут озвучены в судебном заседании лицами, участвующими в деле, и при необходимости детального ознакомления арбитражный суд может истребовать материалы дела из Роспатента.

Вторая причина может заключаться в том, что правообладателем товарного знака может быть как юридическое лицо, так и индивидуальный предприниматель. Так, например, если действия индивидуального предпринимателя были признаны недобросовестной конкуренцией, но к моменту подачи заявления в арбитражный суд он уже утратил свой статус, отнесение рассматриваемых дел к подсудности Суда по интеллектуальным правам решало бы проблемы подведомственности, поскольку все дела, отнесенные к его компетенции, рассматриваются независимо от субъектного состава (п. 4.2 ч. 1 и ч. 2 ст. 33 АПК РФ). Однако если причина заключалась в этом, то на уровне Постановления Пленума или Информационного письма Высшего арбитражного суда могли быть даны соответствующие разъяснения, что решало бы проблему. Вряд ли причина заключалась в этом.

Наконец, третьей возможной причиной отнесения названных дел к подсудности Суда по интеллектуальным правам могла явиться их особенная сложность. Но как показывает анализ предмета доказывания, это маловероятно. Если сравнить дела об оспаривании решений антимонопольных органов, связанных как с введением в оборот товара с незаконным использованием товарного знака, так и с незаконным приобретением и использованием исключительного права на товарный знак, придем к выводу, что предмет доказывания по данным делам отличается только объективной стороной правонарушения (подробнее об этом ниже). Во всем остальном он складывается из общих признаков недобросовестной конкуренции, рассмотрение которых за многолетнюю практику, кажется, уже не таит каких-либо неожиданностей.

Ни одна из рассмотренных причин не кажется достаточной для того, чтобы решения антимонопольных органов рассматривались разными судами. **Правильным представляется отнесение всех таких**

дел к подсудности арбитражных судов субъектов РФ, которые территориально приближены к участникам спора. Такой подход упростит систему подсудности, не затронув полномочий Суда по интеллектуальным правам как суда кассационной инстанции, что позволит ему сосредоточиться на наиболее важной функции — обобщении судебной практики и обеспечении ее единообразия.

Отнесение же схожих по своему юридическому составу споров к ведению разных судов вызывает сомнения. Во-первых, отличается процедура их рассмотрения в арбитражных судах субъектов РФ и в Суде по интеллектуальным правам. Последний, например, дела по первой инстанции рассматривает в коллегиальном составе, а его решения вступают в силу немедленно и могут быть обжалованы только в кассационном порядке. Во-вторых, существование различных правил рассмотрения одной и той же категории споров при практически одинаковом составе лиц, участвующих в деле, вряд ли можно признать оправданным. Тем более особенной специфики в указанных делах, которая бы требовала обязательного рассмотрения в специализированном суде, тоже нет.

Кассационная инстанция. Неопределенность в вопросе соотношения подсудности Суда по интеллектуальным правам как суда кассационной инстанции и федеральных арбитражных судов округов (далее — ФАС округов) в первую очередь касается дел:

1. О привлечении к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных частью 1 (в части недобросовестной конкуренции, связанной с приобретением и использованием исключительного права на средства индивидуализации) и частью 2 статьи 14.33 Кодекса об административных правонарушениях [3] (далее — КоАП РФ);

2. Об оспаривании постановлений административных органов о привлечении к административной ответственности за нарушения, предусмотренные ч. 1 (в части недобросовестной конкуренции, связанной с приобретением и использованием исключительного права на средства индивидуализации) и ч. 2 ст. 14.33 КоАП РФ (в том случае, если лицо привлекается к административной ответственности исключительно по ч. 1 ст. 14.33 КоАП РФ, каких-либо трудностей, связанных с подсудностью, не возникает).

Ответственность по ст. 14.33 КоАП РФ наступает в случае совершения лицом

действий, указанных в ст. 14 ФЗ «ОЗК», квалифицируемых как недобросовестная конкуренция. Суд по интеллектуальным правам осуществляет пересмотр этих дел, только если действия лица были одновременно квалифицированы антимонопольным органом по: 1) п. 4 ч. 1 ст. 14 ФЗ «ОЗК» (введение в оборот товаров с незаконным использованием товарного знака); и 2) части 2 ст. 14 ФЗ «ОЗК» (приобретение и использование исключительных прав на товарные знаки) [4; 11—13].

Но существуют и иные варианты совместной квалификации по разным основаниям, предусмотренным ст. 14 ФЗ «ОЗК» (что не является редкостью [5; 14; 15]), а именно:

1. По п. 1—3, 5 (распространение ложных сведений, введение потребителей в заблуждение и т. д.) и п. 4 ч. 1 ст. 14 ФЗ «ОЗК» (введение в оборот товаров с незаконным использованием товарного знака);

2. По п. 1—3, 5 ч. 1 (распространение ложных сведений, введение потребителей в заблуждение и т. д.) и ч. 2 ст. 14 ФЗ «ОЗК» (приобретение и использование исключительных прав на товарные знаки).

В каждом из обозначенных случаев имеет место ситуация совмещения требований о защите интеллектуальных прав и иных гражданско-правовых требований, так как п. 4 ч. 1 и ч. 2 ст. 14 ФЗ «ОЗК» относятся к первым (поскольку непосредственно связаны с товарными знаками), а пп. 1—3, 5 ч. 1 ст. 14 ФЗ «ОЗК» — ко вторым. Однако согласно ст. 43.2 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации» [6] (далее — ФКЗ «Об АС РФ») Суд по интеллектуальным правам рассматривает дела только по спорам, связанным с защитой интеллектуальных прав. Соответственно, если исходить из буквального толкования норм о подсудности, Суду по интеллектуальным правам в качестве суда кассационной инстанции подсудна только одна часть требований; другая часть — федеральным арбитражным судам округов. В соответствии с правилами подсудности требования, связанные с недобросовестной конкуренцией, выразившейся:

— во введении в оборот товара с незаконным использованием товарного знака (п. 4 ч. 1 ст. 14 ФЗ «ОЗК» и ч. 2 ст. 14.33 КоАП) или в приобретении и использовании исключительных прав на товарные знаки (ч. 2 ст. 14 ФЗ «ОЗК» и ч. 1 ст. 14.33 КоАП) **подсудны СИП**;

— в совершении действий, предусмотренных п. 1—3, 5 ч. 1 ст. 14 ФЗ «ОЗК» —

соответствующим ФАС округов, так как к защите интеллектуальных прав не относятся.

Таким образом, в случае если антимонопольный орган вынес решение, в котором одно из оснований относится к защите исключительного права на товарный знак, а другое нет, в арбитражных судах субъектов РФ и арбитражных апелляционных судах каких-либо трудностей с подсудностью не возникает, поскольку она у них «общая». Специализированный же суд может рассматривать только одну категорию споров — споры, связанные с защитой интеллектуальных прав. Но судебный акт, принимаемый по итогам оспаривания таких решений, один и в нем совмещены и подсудные, и не подсудные СИП требования. Возможность их раздельного рассмотрения Судом по интеллектуальным правам и ФАС округов отсутствует, поскольку в каждом из случаев речь идет о недобросовестной конкуренции, а значит, юридические факты, входящие в предмет доказывания по каждому основанию, в части своей совпадают и могут подтверждаться одними и теми же доказательствами.

Например, гарантийный талон может содержать в себе воспроизведение товарного знака, право использования которого у лица отсутствует, и указание на то, что лицо является официальным дистрибьютором производителя товара, когда это не так [6]. Таким образом, гарантийный талон одновременно подтверждает незаконное использование товарного знака, необходимое для квалификации по п. 4 ч. 1 ст. 14 ФЗ «ОЗК» (подсудно СИП), и распространение ложных сведений, необходимое для квалификации по п. 1 ч. 1 ст. 14 ФЗ «ОЗК» (подсудно тому или иному ФАС округа).

Таким образом, в случае раздельного рассмотрения требований разными кассационными судами одним и тем же доказательствам может быть дана различная правовая оценка, что недопустимо. И это не говоря о том, что оспариваемые судебные акты могут быть по-разному оценены с точки зрения соблюдения норм процессуального законодательства.

Предотвращение конкуренции компетенций различных кассационных судов возможно посредством внесения изменений в ч. 4 ст. 34 АПК РФ, а именно введения коллизионной нормы, устанавливающей правило, в соответствии с которым будет определяться, какому суду — Суду по интеллектуальным правам или ФАС округов — подсудны споры, в которых одновременно соединены требования о

защите интеллектуальных прав и иные гражданско-правовые требования.

Возможны две редакции такой нормы.

Первая предполагает отнесение всех споров, в которых хотя бы одно из требований относится к защите интеллектуальных прав, к подсудности Суда по интеллектуальным правам. Такой подход основан на статусе Суда по интеллектуальным правам как специализированного суда, рассматривающего все споры о защите интеллектуальных прав. Нормы главы IV.1 ФКЗ «Об АС в РФ», определяющие полномочия СИП, являются специальными по отношению к нормам о полномочиях иных арбитражных судов. Следовательно, в соответствии с правилом *lex specialis derogat generali* (лат. — *специальный закон отменяет действие общего закона*) рассмотрение таких споров должно быть отнесено к подсудности Суда по интеллектуальным правам. Подобное правило установлено в абз. 5 п. 1 Постановления Пленума Высшего арбитражного суда РФ № 60 (далее — ППВАС РФ № 60) [8], согласно которому «*в случае если в одном заявлении соединено несколько требований... одно из которых подсудно Суду по интеллектуальным правам, а другое — иному арбитражному суду первой инстанции, все дело подлежит рассмотрению Судом по интеллектуальным правам*». Однако применение этой позиции к кассационному пересмотру представляется неоправданным, поскольку она сформулирована применительно к рассмотрению дел по первой инстанции. Допустить ее расширительное толкование с целью распространения на кассационное производство было бы неправильным по той причине, что толкование применяется к нормам права, а не к актам, которые уже представляют результат толкования.

Вторая редакция «коллизионной нормы» предусматривает обратное правило — отнесение всех пересматриваемых в кассационном порядке дел, в которых одновременно заявлены требования о защите интеллектуальных прав и иные гражданско-правовые требования, к подсудности ФАС округов. Данный подход может быть обоснован применением по аналогии ч. 4 ст. 22 Гражданского процессуального кодекса РФ [9] (далее — ГПК РФ), в соответствии с которой *в случае если в суд подано заявление, содержащее несколько связанных между собой требований, из которых одни подведомственны суду общей юрисдикции, а другие — арбитражному суду, и их разделе-*

ние невозможно, дело подлежит рассмотрению в суде общей юрисдикции.

Арбитражные суды считаются специализированными судами по отношению к судам общей юрисдикции, так же, как Суд по интеллектуальным правам по отношению к иным арбитражным судам. Соответственно все споры, в которых соединены требования, отнесенные и к ведению специализированного суда, и суда, наделенного «общей» компетенцией, должны рассматриваться в последнем.

Как и в предыдущем случае, схожее правило предусмотрено ППВАС № 60, согласно п. 9.1 которого *пересмотр в порядке кассационного производства судебных актов по делам о несостоятельности, налоговым и корпоративным спорам, даже если в ходе их рассмотрения рассматривались те или иные вопросы защиты интеллектуальных прав, осуществляется в общем порядке федеральными арбитражными судами округов.*

Недостатком такой позиции является то, что применение по аналогии ч. 4 ст. 22 ГПК не совсем корректно, так как в ней идет речь о разграничении подсудности между судами одной ветви.

Что же касается последнего процитированного пункта Пленума, то в нем, как видится, и содержится «ключ» для решения анализируемой проблемы. Смысл рассмотрения федеральными арбитражными судами округов дел о несостоятельности и корпоративных споров, даже если в них затрагиваются вопросы защиты интеллектуальных прав, заключается в том, чтобы не разрывать связь между доказательствами, подтверждающими одни и те же обстоятельства, пусть и в отношении разных объектов гражданских прав. Поскольку в ином случае создается ситуация, когда один спор фактически рассматривается двумя разными судами.

Применительно к Суду по интеллектуальным правам и пересматриваемым им в кассационном порядке судебным актам по делам об оспаривании решений антимонопольных органов можно утверждать, что в каждом из таких дел устанавливается наличие или отсутствие факта недобросовестной конкуренции. И как было выяснено ранее, данный факт, выражаясь математически, содержит в себе постоянную и переменную части.

Постоянная часть складывается из признаков недобросовестной конкуренции, складывающихся из совокупности следующих юридических фактов (п. 9 ст. 4

ФЗ «ОЗК»): 1) наличия конкурентных отношений между субъектами; 2) совершения одним из них каких-либо действий, которые: а) противоречат законодательству; б) направлены на приобретение преимуществ перед конкурентом; и в) причинили или могут причинить убытки. Переменная часть состоит из меняющейся объективной стороны правонарушения, которая может выражаться в противоправных действиях, закрепленных в ч. 1 и ч. 2 ст. 14 ФЗ «ОЗК», в том числе распространении ложных сведений, введении потребителей в заблуждение, введении в оборот товара с незаконным использованием товарного знака и т. д.

Таким образом, во всей совокупности юридических фактов меняется лишь один из них — юридический факт, составляющий объективную сторону административного правонарушения. Учитывая, что Суд по интеллектуальным правам уже осуществляет кассационный пересмотр части дел о недобросовестной конкуренции, можно утверждать, что рассмотрение им «смежных» дел не повлечет увеличения числа судебных ошибок и не вызовет каких-либо затруднений у судей.

В связи с этим, хотя ни одна из редакций предполагаемой коллизионной нормы не обладает однозначными преимуществами, наиболее обоснованным является вариант отнесения указанных дел к подсудности Суда по интеллектуальным правам. Это позволит оставить в его ведении «узкую» категорию дел, для рассмотрения которой он и создавался. Отнесение же их к подсудности федеральных арбитражных судов округов, наоборот, повлечет рассмотрение требований о защите интеллектуальных прав неспециализированным судом.

Таким образом, кассационный пересмотр судебных актов по делам об оспаривании решений антимонопольных органов о признании действий лица недобросовестной конкуренции даже в том случае, если только одно из таких действий связано с товарным знаком, должен осуществляться Судом по интеллектуальным правам.

Что же касается самой модели определения дел, подсудных Суду по интеллектуальным правам и как суду первой инстанции, и как суду кассационной инстанции, то она должна содержать коллизионные правила, которые бы позволяли безошибочно определять компетентный суд. В конечном итоге такие правила являются одним из элементов, обеспечивающих право на судебную защиту, закрепленное в ст. 46 Конституции РФ [10]. Кроме

того, они непосредственно направлены на реализацию принципа, согласно которому никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (ст. 47 Конституции РФ). Введение коллизионного правила обосновано еще и тем, что в законодательстве не закреплено понятие споров

о защите интеллектуальных прав, и соответственно однозначно определить, в каком случае требования лица относятся к интеллектуальным правам, а в каком нет, может быть затруднительно. Вместе с тем, что перечень дел, отнесенных к подсудности Суда по интеллектуальным правам, открытый, вероятность возникновения коллизий подсудности только увеличивается.

Литература

1. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Российская газета. — 2006. — № 162.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета. — 2002. — № 137.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. — 2001. — № 256.
4. Постановление ФАС Центрального округа от 31.07.2013 по делу № А36-7549/2012.
5. Постановление ФАС Уральского округа от 05.04.2013 № Ф09-815/13 по делу № А60-22513/12.
6. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // Российская газета. — 1995. — № 93.
7. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 13.07.2012 по делу № А60-22590/2012.
8. Постановление Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 № 60 «О некоторых вопросах, возникших в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» // Вестник ВАС РФ. — 2012. — № 12.
9. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета. — 2002. — № 220.
10. Конституция Российской Федерации // СЗ РФ. — 2014. — № 9. — Ст. 851.
11. Определение ВАС РФ от 30.04.2009 по делу № А56-12512/2008.
12. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 29.10.2010 по делу № А79-1183/2010.
13. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 01.06.2009 по делу № А79-2967/2008.
14. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 25.10.2013 № 06АП-5009/2013 по делу № А04-4420/2013.
15. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 14.12.2010 по делу № А67-964/2010.

РОЩУПКИН Николай Александрович, магистр права, аспирант кафедры гражданского процесса, Уральская государственная юридическая академия. 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: n.roshupkin@gmail.com

ROSHCHUPKIN Nikolai, master of law, postgraduate student of civil procedure department of the Ural State Law Academy. Bld. 21, Komsomolskaya Str., Ekaterinburg, 620137. E-mail: n.roshupkin@gmail.com

К. Ю. Хатмуллин

ПОНЯТИЕ ПРАВО-ВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ИХ ПРИРОДА

K. Y. Khatmullin

NOTION OF LEGAL AND TEMPORARY MEANS IN CRIMINAL PROCEEDINGS AND THEIR NATURE

В статье рассматривается природа право-временных средств в уголовном судопроизводстве через определение их места и значения в системе правовых средств в целом. Анализируются различные взгляды на природу правовых средств теории права, выявляются признаки и назначение правовых средств связь их с целью правового регулирования и механизмом правового регулирования. На этой основе определяются признаки право-временных средств в уголовном судопроизводстве и дается им определение.

Ключевые слова: правовые средства, механизмы правового регулирования, право-временные средства, длительность уголовного судопроизводства.

The article examines the nature of legal and temporary means in criminal proceedings through the determination of their place and importance in the system of legal means in general. The author analyzes different views on the nature of legal means of the theory of law, and reveals the characteristics and purpose of legal means. The author reveals the relationship of legal means for the purpose of regulatory and legal frameworks. On this basis, the author defines the features of legal and temporary means in criminal proceedings, and gives them definitions.

Keywords: legal means, the mechanism of legal regulation, legal and temporary means in criminal proceedings, duration of the criminal proceedings.

Термин «правовые средства» относится к теоретическим категориям и понятиям и на законодательном уровне не определен. Исследование природы право-временных средств в уголовном судопроизводстве как разновидности правовых требует изучения понятия от его истоков.

Категория «правовое средство» была введена в научный оборот еще в до-революционной литературе [1; 2]. Так, Л. И. Петражицкий с психологической точки зрения писал о правовых средствах: «...основным методом правополитического мышления является психологическая дедукция, умозаключения на основании подлежащих психологических посылок относительно тех психических-мотивационных и педагогических последствий, которые должны получаться в результате действия известных начал и институтов права, или относительно тех

законодательных средств, которые способны вызвать известные желательные психические-мотивационные и педагогические эффекты» [1, с. 4]. О правовых средствах в своих работах упоминал и Г. Ф. Шершеневич: «Юридические средства обеспечения интересов предполагают именно наличие воли, способной усвоить угрозу и воздержаться от нарушения» [3, с. 639].

Существенное развитие данная категория получила в 70-е годы прошлого века. В трудах была проведена связь между эффективностью правового воздействия и правового регулирования и триадой «цель — средство — результат». Правовые средства тесно связаны с категорией «цель в праве» и механизмом правового регулирования (правового воздействия). Роль правовых средств нельзя рассматривать вне категорий «цель», «цель в праве», «цель в правовом регули-

ровании» и «результат». Правовое регулирование невозможно без целеполагания, где главным выступает упорядочивание общественных отношений.

Сама по себе категория «цель» устанавливается в разных смыслах, например, цель нормативно-правового акта, цель субъекта права, цель юридической ответственности, цель наказания, цель уголовно-процессуальной деятельности, цель отдельных видов производств. В нашем контексте мы имеем в виду прежде всего цель правового регулирования (правового воздействия) посредством право-временных средств. Однако категория «цели правового регулирования», в том числе и в уголовном судопроизводстве, должна исходить из общего понимания цели в философии как науки о бытие. Так, философы под целью понимают «совокупное представление о некоторой модели будущего результата, способного удовлетворить исходную потребность при имеющихся реальных возможностях, оцененных по результатам прошлого опыта» [4, с. 69]. Таким образом, в триаде «цель — средство — результат» цель во многом предопределяет и средства ее достижения и осуществления. Установление цели регулирования с помощью право-временных средств, признаков и природы право-временных средств, их места в системе правовых средств и результата такого регулирования поможет усовершенствовать сами право-временные средства регулирования, что в конечном итоге приведет к повышению эффективности уголовного судопроизводства в целом.

В теории права отмечается неразрывная связь целей уголовно-правового регулирования с юридическими (правовыми) средствами такого регулирования. В частности, А. В. Малько указывает: «Цели играют важную роль в процессе правового регулирования, отражая злободневные общественные потребности и стремления, они показывают значение и смысл самого существования юридических средств, ориентируют на те ценности, которые лежат в основе правовой политики конкретного государства» [5, с. 283].

Правовые средства являются категорией, через которую во многом определяется механизм правового регулирования, основное понятие и элементы которого были разработаны С. С. Алексеевым. В частности, он считал, что правовое регулирование возможно за счет определенных форм и звеньев: запретов, правоспособности, прав и обязанностей и др. Вскоре автор пришел к выводу, что

правовое регулирование и его результат могут быть достигнуты посредством механизма правового регулирования, и определил его как «взятую в единстве систему правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения» [6, 21; 22], т. е. механизм правового регулирования реализуется через правовые средства. В числе взаимосвязанных основных правовых средств С. С. Алексеев назвал правовые нормы, правоотношения, правоприменительные акты и юридические последствия (право-реализацию) [7, с. 281]. В. А. Сапун, продолжая и развивая данное направление, стал обосновывать инструментальную теорию права как результат аналитического подхода в праве и оценки юридических средств. В дальнейшем такой подход получил широкое признание в юридической литературе и стал называться инструментальным [8, 14, гл. 326; 18, гл. 19].

Значение правовых средств для достижения социально значимого результата обусловлено следующими причинами, которые в полной мере определяют и значение право-временных средств при регулировании уголовного судопроизводства.

1. Определение правовых средств как средств возможности повышения эффективности права в целом позволяет установить, какие социальные задачи эти правовые механизмы могут решать, где и в каком порядке их можно использовать в практической и правовой деятельности для достижения социально значимых результатов [8, с. 20; 9; 19, с. 48—55; 20, с. 157—164; 21—22; 23, гл. 22; 24].

2. Правовые средства (как и право-временные средства в уголовном судопроизводстве) определяют функциональную, прикладную сторону правовой системы (прикладную, правоприменительную сторону уголовного судопроизводства). С. С. Алексеев отмечал: «Вопрос правовых средств не столько вопрос обособления в особое подразделение тех или иных фрагментов правовой действительности, сколько вопрос их особого видения в строго определенном ракурсе — их функционального предназначения, их роли как инструментов оптимального решения социально значимых задач... во всех случаях перед нами фрагменты правовой действительности, рассматриваемые под углом зрения их функций, их роли как инструментов юридического воздействия» [10, с. 218, 223].

3. Исследование правовых средств необходимо с целью выявления эффектив-

ности правового регулирования (правового воздействия) и разработки направлений усовершенствования правовых средств для повышения эффективности правового регулирования (правового воздействия) в целом.

4. Правовые средства являются гарантиями усиления позитивных регулятивных факторов и устранения препятствий (негативных) факторов при регулировании и воздействии на общественные отношения. В. М. Сырых пишет: «Эффективно действующие нормы призваны закреплять такие юридические средства, которые бы позволили нейтрализовать негативные факторы и усилить действие позитивных» [11, с. 10]. В частности, с помощью право-временных средств в уголовном судопроизводстве нейтрализуются такие негативные явления, как волокита и некачественность расследования и разрешения уголовных дел, нарушение и ограничения прав участников уголовного судопроизводства.

5. Правовые средства являются звеном в механизме правового регулирования и характеризуют его как логически завершённую систему, как самодостаточный организм. «Механизм правового регулирования — это технологическая схема правового регулирования. Зная механизм правового регулирования, юрист может представить себе, какие звенья пройдет процесс воплощения нормы права в жизнь, какие остановки и сбои могут произойти в этом процессе, а значит, он в состоянии предложить научно обоснованный план повышения эффективности правового регулирования за счет укрепления его основных звеньев» [12, с. 266]. Другими словами, исследование и совершенствование правовых средств с целью повышения эффективности правового регулирования (правового воздействия) влечет за собой совершенствование механизма правового регулирования (правового воздействия).

6. Правовые средства являются элементами системы права в том смысле, что закреплены они в нормах права и без закрепления данных правовых средств они соответственно теряют свойство быть правовыми. В некоторых случаях право-временные средства в уголовном судопроизводстве могут быть закреплены в правоприменительных актах, например, следователь может ходатайствовать перед судом об ограничении срока ознакомления с материалами уголовного дела при определенных условиях, а соответственно суд может по ходатайству следователя своим постановлением ограничить

этот срок, установив период ознакомления с материалами уголовного дела. Однако такое право следователя обратиться в суд с таким ходатайством и право суда установлены также нормами права.

7. Правовые средства должны быть адекватными общественным отношениям, сложившимся в данном обществе и государстве, и им соответствовать. Это позволяет гибко и дифференцированно регулировать общественные отношения в определенных государственных режимах в условиях сложившейся социально-экономической и политической ситуации в стране.

8. Система установленных в законодательстве качественных юридических средств и степень их использования выступает важнейшей характеристикой правовой культуры. Субъекты права должны иметь возможность реально пользоваться предложенными государством правовыми средствами, которые должны быть достаточны для исполнения ими своих обязанностей и реализации своих прав.

В юридической литературе мы встречаем следующие определения правовых средств. Так, С. С. Алексеев писал: «Правовые средства не образуют каких-либо особых, принципиально отличных от традиционных зафиксированных догмой права в общепринятом понятийном аппарате явлений правовой действительности. Это весь арсенал, весь спектр правовых феноменов различных уровней с той лишь особенностью, что они вычлениаются и рассматриваются не с позиций одних лишь нужд юридической практики и в этом отношении в виде объективированных фрагментов правовой действительности, а с позиций их функционального предназначения, тех черт, которые характеризуют их как инструменты правового регулирования, решения экономических и иных социальных задач» [13, с. 349].

Данная точка зрения была подвергнута критике как односторонне отражающая сущность правовых средств, так, А. В. Малько полагает, что «существующая в юридической литературе точка зрения на правовые средства как сугубо субстанциональные феномены, на наш взгляд, отражает только части истины» [5, с. 295]. Особое значение ученые — представители науки права уделяют так называемому «инструментальному» подходу при определении правовых средств [8].

«Правовые средства — это правовые явления, выражающиеся в инструментах, установлениях и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечиваются

достижение социально полезных целей» [5, с. 292].

В последнем определении проявляются точки зрения, в соответствии с которыми правовые средства необходимо подразделять на юридические установления, сформулированные в правовых нормах, и юридические технологии (деяния) [14, с. 326]. Безусловно, такое деление условно, поскольку они могут действовать только в сочетании друг с другом: «Не могут юридические технологии существовать вне правового опосредования, вне юридических конструкций и моделей» [15, с. 6—10; 16, с. 10].

При этом под средствами-установлениями в науке теории права обычно понимают способы воздействия (внешние по отношению к воле субъекта факторы — дозволения и запреты, выраженные в нормах права), а под средствами-деяниями (технологиями) понимают способы реализации права в самих урегулированных общественных отношениях (результат реагирования субъектов на правовое воздействие — совершение дозволяемых действий, воздержание от запрещенных действий) [17, с. 10—11].

В теории государства и права в качестве признаков правовых средств отмечают следующие.

1) Они выражают собой все обобщающие юридические способы обеспечения интересов субъектов права, достижения поставленных целей (в этом проявляется социальная ценность данных образований в целом права).

2) Отражают информационно-энергетические качества и ресурсы права, что придает им особую юридическую силу, направленную на преодоление препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов участников правоотношений.

3) Сочетаясь определенным образом, выступают основными работающими частями элементами действия права, механизма правового регулирования, правовых режимов (т. е. функциональной стороны права).

4) Приводят к юридическим последствиям, корректным результатам, той, или иной степени эффективности либо дефектности правового регулирования.

5) Обеспечиваются государством [5, с. 292—293].

Следует отметить, что всем этим признакам отвечают и право-временные средства в уголовно-процессуальном праве, в системе механизма уголовно-процессуального регулирования.

Следует выделить следующие признаки право-временных средств в уголовном

судопроизводстве на основе признаков правовых средств, разработанных в теории права, которые и определяют природу право-временных средств в уголовном судопроизводстве:

1) Право-временные средства являются разновидностью правовых средств, т. е. звеньев функционирования механизма уголовно-процессуального регулирования. Право-временные средства закреплены в процессуальных нормах и поэтому правильнее говорить о правовой норме, закрепляющей право-временное средство, как об элементе правового регулирования;

2) Право-временные средства служат достижению триединой цели уголовного судопроизводства: во-первых, обеспечивают быстроту расследования и разрешения уголовных дела, обеспечивают принцип процессуальной экономии, способствуют рациональному использованию иных правовых средств, действуя совместно с ними; во-вторых, установлению обстоятельств уголовного дела в разумные сроки; в-третьих, обеспечивают соблюдение и охрану прав участников уголовного судопроизводства, в том числе и тех участников, которые не имеют своего интереса в уголовном деле.

3) Право-временные средства, закрепленные в нормах права как определенные средства достижения целей и задач уголовного судопроизводства, приводят к определенным последствиям, имеющим юридическое значение;

4) Соблюдение право-временных средств обеспечивается принуждением государства.

5) Основным назначением (функцией) право-временных средств является в воздействии (регуливании) уголовно-процессуальных отношений посредством установления временных параметров совершения определенных действий и принятия определенных решений, влекущих за собой юридические последствия, обеспечивая при этом своевременность и последовательность протекания уголовно-процессуальной деятельности.

Таким образом, на основе исследования природы право-временных средств в уголовном судопроизводстве им можно дать следующее определение.

Право-временные средства, закрепленные в нормах уголовно-процессуального права, являясь средством регулирования уголовно-процессуальных отношений путем установления определенных промежутков времени для совершения процессуальных действий и принятия решений, влекущих за собой определен-

ные процессуальные последствия, обеспечиваются уголовно-процессуальными санкциями и служат гарантией принципа процессуальной экономии, своевремен-

ности и эффективности расследования и разрешения уголовных дел, охране прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Литература

1. Петражицкий, Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии / Л. И. Петражицкий. — СПб., 1908.
2. Иеринг, Р. Цель в праве / Р. Иеринг. — Т. 1. — СПб., 1881.
3. Шершеневич, Г. Ф. Общая теория права / Г. Ф. Шершеневич. — М., 1912.
4. Карташов, В. А. Система систем. Очерки общей теории и методологии / В. А. Карташов. — М., 1995.
5. Малько, А. В. Цели и средства в праве / А. В. Малько // Общая теория государства и права : академический курс : в 3 т. — Изд. 2-е, перераб. и доп. ; под ред. М. Н. Марченко. — Т. 3. — М. : Зерцало-М, 2001.
6. Алексеев, С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С. С. Алексеев. — М., 1966.
7. Проблемы теории государства и права : учебник / под ред. С. С. Алексеева. — М. : Юрид. лит., 1987. — 448 с.
8. Сапун, В. А. Инструментальная теория права в юридической науке / В. А. Сапун // Современное государство и право : сб. — Владивосток, 1992. — С. 20—26.
9. Методология правоприменения и инструментальные свойства права // Методология юридической науки: состояние, проблемы, перспективы : сб. / под ред. М. Н. Марченко. — М., 2005. — С. 49—55.
10. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. — 2-е изд. — М., 1995.
11. Сырых, В. М. Истинность и правильность как критерии теоретической эффективности норм права / В. М. Сырых // Эффективность закона ; под ред. Ю. А. Тихомирова. — М., 1997.
12. Исаков, В. Б. Механизм правового регулирования / В. Б. Исаков // Проблемы теории государства и права. — М., 1987.
13. Алексеев, С. С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. — М. : Статут, 1999.
14. Проблемы теории государства и права : учебное пособие / под ред. М. Н. Марченко. — М. : Юрист, 2001. — 656 с.
15. Власенко, Н. А. Законодательная технология. Теория. Опыт. Практика / Н. А. Власенко. — Иркутск, 2001.
16. Нормотворческая юридическая техника / под ред. Н. А. Власенко. — М., 2011.
17. Горшенев, В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в современный период коммунистического строительства : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / В. М. Горшенев. — Свердловск, 1969.
18. Проблемы теории государства и права / под ред. С. С. Алексеева. — М., 1979.
19. Горшенев, В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе / В. М. Горшенев. — М., 1972.
20. Фаткуллин, Ф. Н. Проблемы теории государства и права / Ф. Н. Фаткуллин. — Казань, 1987.
21. Малько, А. В. Механизм правового регулирования / А. В. Малько // Правоведение. — 1996. — № 3.
22. Шундилов, К. В. Механизм правового регулирования / К. В. Шундилов. — Саратов, 2001.
23. Черданцев, А. Ф. Теория государства и права / А. Ф. Черданцев. — М., 2003.
24. Куликов, В. Л. Способы правового регулирования / В. Л. Куликов, И. С. Лохлова. — Саратов, 2010.

ХАТМУЛЛИН Камилль Юнусович, соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики, Южно-Уральский государственный университет, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76; адвокат Адвокатской палаты Челябинской области, 454091, г. Челябинск, ул. Свободы 155в. E-mail: advokat74-982@yandex.ru

KHATMULLIN Kamille Yunusovich, applicant of the Criminal Procedure and Criminalistics Cathedra in the South-Urals state university, a lawyer, member of the Bar Association of the Chelyabinsk region. E-mail: advokat74-982@yandex.ru

УДК 364.324(470) + 364.324(494)
ББК Х405.212.12(2) + Х405.212.12(4Шве)

В. В. Стародубцева

ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПО ИНВАЛИДНОСТИ В ШВЕЙЦАРИИ И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

V. V. Starodubtseva

PENSION PROVISION IN CASE OF DISABILITY IN SWITZERLAND AND RUSSIA: COMPARATIVE AND LEGAL ASPECT

В статье автор рассматривает государственное пенсионное обеспечение по инвалидности в Швейцарии и сравнивает его с российским. Отмечается, что по швейцарскому законодательству для назначения пенсии необходима совокупность условий или юридических фактов, образующих сложный юридический состав. Автор делает вывод, что условия назначения пенсии по российскому законодательству более «мягкие». В то же время обращается внимание на то, что швейцарскому пенсионному обеспечению по инвалидности свойственны некоторые положительные аспекты, которые могут быть восприняты и российским пенсионным законодательством.

Ключевые слова: право социального обеспечения, инвалидность, пенсии, уход на пенсию, страховой стаж, государственное социальное обеспечение, пенсионная система.

In this article the author analyses the state social provision in case of disability in Switzerland and makes a comparison between Russian and Swiss systems. It is noted that the Swiss social security legislation demands a complex of conditions or legal facts constituting the complex legal composition. The author makes a conclusion that conditions of pension admission in case of disability stipulated by the Russian legislation are more "lenient". At the same time it is noted that the Swiss pension provision in case of disability has several positive aspects which can be perceived by the Russian legislation.

Keywords: social security law, disability, pensions, retirement, insurance period, rehabilitation, state social security system, pension system.

Государственная поддержка инвалидов в Швейцарии основывается на Конституции Швейцарии, ч. 1 ст. 111 и ч. 6 ст. 112 которой устанавливаются, что Союз принимает меры для достаточной заботы об инвалидах и поощряет их трудоустройство.

Наряду с государственным пенсионным обеспечением инвалидов в Швейцарии также действуют корпоративное и индивидуальное пенсионное страхование, что позволяет дополнительно повысить уровень их пенсионных выплат.

Законодательной основой государственного пенсионного обеспечения

инвалидов в Швейцарии является Федеральный закон от 19 июня 1959 г. «О страховании по инвалидности» (далее — Закон) [1].

При анализе Закона выявляем, что для назначения пенсии требуется: обращение лица в орган пенсионного обеспечения, установление инвалидности, наличие степени ограничения к приносящей доход деятельности (повседневной деятельности) не менее 40% и ее продолжительности не менее одного года, прохождение застрахованным обязательных предупредительных и реабилитационных мер, наличие

страхового стажа не менее трех лет, решение органа пенсионного обеспечения о назначении пенсии. Несмотря на то что понятие «сложный юридический состав» в Швейцарии не используется, видим, что перечисленные условия являются по сути юридическими фактами, а их совокупность образует сложный юридический состав, наличие которого необходимо для назначения пенсии.

Понятие «инвалидность» упоминается в двух швейцарских федеральных законах. Так, ст. 8 Федерального закона от 6 октября 2000 г. «Об общей части права социального страхования» [2] предусматривает, что инвалидность — это длительная или пожизненная неспособность к осуществлению приносящей доход деятельности. Статья 4 Закона устанавливает, что инвалидность может являться (является) следствием внутреннего заболевания, врожденного недуга или травмы.

Таким образом, можно говорить о том, что понятие «инвалидность» по швейцарскому законодательству имеет два аспекта — *экономический (социальный)*, который отражен в ст. 8 Федерального закона «Об общей части права социального страхования» и выражен в снижении или потере способности к осуществлению приносящей доход деятельности, и *медицинский*, который обозначен в ст. 4 Закона и означает, что инвалидность наступает вследствие расстройства здоровья.

Понятия «инвалид» и «инвалидность» определены в международных документах. Согласно п. 1 Декларации о правах инвалидов, принятой резолюцией 3447 (XXX) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1975 года, инвалид — это лицо, которое не может самостоятельно обеспечить полностью или частично потребности нормальной личной и/или социальной жизни в силу недостатка, будь то врожденного или нет, его или ее физических или умственных способностей.

Статья 54 Конвенции № 102 Международной организации труда¹ (далее — Конвенция) устанавливает, что инвалидность включает неспособность в установленной степени заниматься какой-либо деятельностью, приносящей доход, когда эта неспособность представляется постоянной или не устраняется к моменту прекращения выплаты пособия по болезни.

Полагаем, что принятый в Швейцарии подход к определению инвалидности в целом соответствует Декларации о правах инвалидов ООН 1975 г. и Конвенции.

¹ [3, с. 1055—1086]. Конвенция ратифицирована Швейцарией и не ратифицирована Российской Федерацией.

В Российской Федерации понятие «инвалид» на уровне федерального закона определено только в Федеральном законе от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [4] (далее — Закон о СЗИ), согласно которому инвалидом является лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты. Здесь говорится об ограничении жизнедеятельности, что является более широким понятием по сравнению с ограничением способности к приносящей доход деятельности. Но этот закон не относится к пенсионному законодательству.

Анализ норм других федеральных законов приводит к возникновению вопросов. В ст. 8 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» [5] говорится о том, что страховым риском признается утрата застрахованным лицом заработка (выплат, вознаграждений в пользу застрахованного лица) или другого дохода в связи с наступлением страхового случая, в который входит и наступление инвалидности.

Согласно Федеральному закону «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» [6] трудовая пенсия — это ежемесячная денежная выплата в целях компенсации застрахованным лицам заработной платы и иных выплат и вознаграждений, утраченных ими в связи с наступлением нетрудоспособности вследствие старости или инвалидности.

Однако такая редакция норм, делающая акцент на утрате дохода, а не на неспособности заниматься трудовой деятельностью, не соответствует ст. 54 Конвенции.

Полагаем, что необходимо закрепить понятие инвалидности в законе «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», приняв за основу соответствующее определение из Закона о СЗИ: инвалидом является лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности, в связи с которой лицо обеспечивается пенсией.

Как в Швейцарии, так и в России инвалидность должна быть признана в установленном законом порядке. При-

знание инвалидом и назначение пенсии по инвалидности в Швейцарии производится после обязательного применения в отношении лица предупредительных и реабилитационных мер и признания их неэффективности.

Предупредительные меры — это мероприятия, направленные на сохранение прежнего рабочего места лица или его трудоустройство на новое место работы в случае невозможности сохранения прежнего места. Они включают профессиональную ориентацию, образовательные курсы, мероприятия по поиску работы и являются обязательными. При несоблюдении обязанности пройти их размер пенсионных выплат может быть уменьшен или лицу может быть отказано в назначении пенсии.

После применения предупредительных мер будет принято одно из трех возможных решений: о нецелесообразности применения реабилитационных мер и назначении пенсии, о применении реабилитационных мер, об отсутствии необходимости применения реабилитационных мер и отказе в назначении пенсии.

Реабилитационные меры подразделяются на медицинские и социопрофессиональные мероприятия, направленные на поддержание способности лица осуществлять оплачиваемую деятельность (профориентация, содействие в получении начального профессионального образования лицами, которые его не имеют, содействие в получении другого профессионального образования лицами, которые не могут работать по прежней профессии, поиск подходящей работы, назначение единовременной выплаты для лиц, желающих заняться предпринимательской деятельностью, стажировка на предприятии).

В российском законодательстве реабилитация инвалидов означает систему и процесс полного или частичного восстановления способностей инвалидов к бытовой, общественной и профессиональной деятельности. Она направлена на устранение или возможно более полную компенсацию ограничений жизнедеятельности, вызванных нарушением здоровья со стойким расстройством функций организма, в целях социальной адаптации инвалидов, достижения ими материальной независимости и их интеграции в общество.

Можно отметить, что цели реабилитации инвалида по законодательству Швейцарии и России схожи, но значение реабилитации различно.

Так, прохождение реабилитации не выступает условием назначения пенсии

по инвалидности по российскому пенсионному законодательству. Кроме того, реабилитация в России носит добровольный и рекомендательный характер.

Однако представляется, что можно учесть зарубежный опыт и расширить перечень реабилитационных мероприятий. Ведь реабилитации значительное внимание уделяют такие страны, как Швеция, Голландия, Великобритания, США, Швейцария. Значение возвращения инвалидов к трудовой деятельности подчеркивается в отечественной и зарубежной научной литературе. Так, как отмечает Н. В. Мюллер, по данным Управления реабилитационного обслуживания США, на каждую 1000 долларов, вложенную в реабилитацию, обществу возвращается 35 000 долларов в последующей трудовой деятельности инвалида [7, с. 61].

Как отмечается в отечественной научной литературе, в России растет число инвалидов (с 6,5 млн человек в 1995 г. до 16 млн инвалидов в настоящее время). При этом только около 15% инвалидов трудоспособного возраста вовлечены в трудовую деятельность [8, с. 91]. Это может свидетельствовать о неэффективности государственной политики в сфере профилактики инвалидности и трудоустройства инвалидов.

Поэтому интерес представляют такие активно применяемые в Швейцарии меры реабилитации, как направление на стажировку и назначение единовременной выплаты для лиц, желающих заняться предпринимательской деятельностью.

Так, направление на стажировку позволяет инвалиду осуществлять на выбранном предприятии либо в организации трудовую деятельность до шести месяцев. Назначение единовременной выплаты для лиц, желающих заняться предпринимательской деятельностью, позволяет обеспечить для них стартовый капитал в случае, если они не рассматривают трудовую деятельность по трудовому договору как эффективный вариант интеграции в общество.

Представляется целесообразным закрепить аналогичных мер в российском законодательстве.

В Швейцарии не выделяются группы инвалидности, как это предусмотрено российским законодательством. Кроме того, ранее наряду с тремя группами инвалидности существовали еще и три степени ограничения к трудовой деятельности, что, как отмечают некоторые ученые, запутывало не только граждан, но и экспертов [9]. В Швейцарии определяется степень ограничения к осуществ-

влению трудовой (приносящей доход) деятельности (далее — степень ограничения), выражаемая в процентах. Если лицо никогда не осуществляло трудовую (оплачиваемую) деятельность, то оценивается способность совершать повседневные действия, такие как прием пищи, передвижение и т. д. Пенсия назначается, если степень ограничения составляет от 40% до 100%.

Этот опыт демонстрирует, что возможно обойтись без закрепления в законодательстве групп инвалидности, что имеет место в российском законодательстве. Само выделение именно трех степеней инвалидности в России вызывает неоднозначную оценку ученых. Так, некоторые ученые предлагают объединить первую и вторую группы, поскольку не всегда проводится полноценная дифференциация мер социальной поддержки для всех трех групп населения [10].

Пенсия по инвалидности в Швейцарии назначается лицам при наличии не менее трех лет страхового стажа. Хотя понятие «страховой стаж» в Швейцарии не используется, для назначения пенсии учитываются периоды, в течение которых лицо отчисляло установленную законом сумму страховых взносов, что соответствует подходу к страховому стажу, имеющему место в законодательстве Российской Федерации. Предусмотренный швейцарским законодательством страховой стаж дольше, чем установленный российским законодательством, поскольку лицо должно быть застрахованным хотя бы один день.

Решение о назначении пенсии производится на основании заявления лица компетентным органом — пенсионной кассой.

Отметим, что в целом условия назначения пенсии по инвалидности по швейцарскому законодательству жестче, чем по российскому законодательству, что проявляется в закреплении более длительного страхового стажа, необходи-

мости прохождения застрахованным обязательных предупредительных мер и реабилитации, установлении требований к длительности неспособности осуществлять приносящую доход деятельность в течение не менее одного года. Это можно объяснить стремлением швейцарского законодателя ограничить назначение пенсий по инвалидности в связи с проявившимся в 1990-х и 2000-х годах дефицитом средств на государственное пенсионное обеспечение по инвалидности.

В 1997 году дефицит системы пенсионного страхования по инвалидности составлял 2,2 млрд швейцарских франков и продолжал расти впоследствии. Его наличие объясняется невысокими страховыми взносами на пенсионное страхование по инвалидности и значительным ростом количества назначенных пенсий в 1990-е и 2000-е годы. Для снижения дефицита предпринимались различные меры, в том числе проводилась крупная научно-исследовательская работа. Впоследствии был принят Федеральный закон «О финансовом оздоровлении системы пенсионного страхования по инвалидности», предусматривающий ряд мероприятий, в том числе увеличение налога на добавленную стоимость, повышение роли реабилитации, изменение правил исчисления пенсий.

Однако следует отметить, что законодатель не просто стремится сократить количество назначенных пенсий, но предусматривает совершенствование системы реабилитации инвалидов с целью предоставления им возможности осуществлять оплачиваемую деятельность и самостоятельно обеспечивать себя. Так, Федеральный закон «О финансовом оздоровлении системы пенсионного страхования по инвалидности» [11] предусматривает необходимость оказания содействия в возвращении на рынок труда 17 000 инвалидов.

Литература

1. RS 831.20.
2. RS 830.1.
3. Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией труда. 1919—1956. — Т. I. — Женева : Международное бюро труда, 1991.
4. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ // Российская газета. — 1995. — № 234. — 2 дек.
5. Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации : федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ // Российская газета. — 2001. — № 247. — 20 дек.
6. О трудовых пенсиях в Российской Федерации : федеральный закон от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ // Российская газета. — 2001. — № 247. — 20 дек.

7. Мюллер, Н. В. Реформирование управления услугами реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья : дис. ... канд. экон. наук / Н. В. Мюллер. — СПб., 2004.
8. Международные и российские нормы пенсионного обеспечения / под ред. Э. Г. Тучковой, Ю. В. Васильевой. — М. : Проспект, 2013.
9. Галаева, Л. А. Страховые случаи как юридические факты в обязательном социальном страховании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л. А. Галаева. — М., 2011.
10. Жаворонков, Р. Н. Пути реформирования законодательства о трудовых пенсиях по инвалидности / Р. Н. Жаворонков // Актуальные проблемы российского права. — 2012. — № 4 (25). — С. 121—128.
11. RS 831.27.

СТАРОДУБЦЕВА Виктория Валентиновна, юрист ОАО «Автофрамос», 109147, г. Москва, ул. Воронцовская, 35; соискатель кафедры трудового права, Академия труда и социальных отношений. 119454, г. Москва, ул. Лобачевского, 90. E-mail: sonador10@gmail.com.

STARODUBTSEVA Victoria, the lawyer of OJSC "Avtoframos", 109147, Moscow, street Vorontsovskaya, 35; the applicant of the department of labour law of the Academy of labour and social relationships, 119454, Moscow, street Lobachevskogo, 90, e-mail: sonador10@gmail.com.

УДК 347.998.85 + 341.6
ББК Х910.882 + Х410.1

С. М. Иванов

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

S. M. Ivanov

TO THE QUESTION OF THE INFLUENCE OF THE NORMS OF INTERNATIONAL LAW FOR JUDICIAL DEFENSE IN ADMINISTRATIVE JUDICIAL PROCEEDING

В статье анализируется процесс имплементации норм международного права в законодательство российского государства. Автор различает два основных направления имплементации: непосредственное применение судами международных норм при разрешении конкретных дел и в рамках исполнения решений Европейского суда по правам человека при обращении судов к международным стандартам обеспечения и защиты прав человека. Рассматривается судебная практика имплементации. Анализируются нормативные и ненормативные акты, регламентирующие процесс внедрения международных норм в российскую практику. По мнению автора, нормы международного права являются одним из элементов, укрепляющим фундамент российской правовой системы.

Ключевые слова: нормы международного права, международные договоры, административное судопроизводство, защита прав

The article analyzes the process of implementation of international law in Russian legislation. The author distinguishes between two main areas of implementation: direct application of the international rules by the courts in adjudication of specific cases and in the execution of judgments of the European Court of Human Rights in appealing to the international standards and to ensure the protection of human rights. The implementation of judicial practice is considered. The regulatory and non-regulatory acts which regulate the process of the implementation of international standards in the Russian practice are analyzed. According to the author norms of international law are one of the strengthening elements of the foundation of the Russian legal system.

Keywords: the norms of international law, international treaties, administrative judicial proceeding, protection of rights.

В современный период общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации все чаще применяются в практике деятельности судов общей юрисдикции. На наш взгляд, в общем виде необходимо различать два основных направления такого применения. Первое:

непосредственное применение судами общепризнанных норм и положений международных договоров при разрешении конкретных дел [5—8]. Второе: в рамках исполнения решений Европейского суда по правам человека суды обращаются к международным стандартам обеспечения и защиты прав человека. В силу призна-

ния Российской Федерацией юрисдикции Европейского суда обязательность исполнения его решений, вынесенных против России, может включать в себя и пересмотр приговора либо решения суда, если им нарушены положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод [11—14].

Усиление влияния международно-правовых норм на нормы российского права основывается на ряде теоретических подходов, а именно: первое — в повышении влияния международных договоров Российской Федерации на законодательство, регулирующие административные отношения и защиту прав в административном судопроизводстве; второе — в интенсивном и эффективном внедрении общепризнанных международных принципов и норм в российское законодательство, регламентирующее общественные отношения в сфере судебной защиты прав; третье — использование в национальном нормотворчестве документов, разработанных и принятых межгосударственными и международными организациями.

Не стоит сбрасывать со счетов тот факт, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы (п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации) и в качестве нормативных источников правового регулирования административных отношений включаются и международные договоры, ратифицированные Федеральным Собранием Российской Федерации. К ним относится, в частности, Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами — членами, с другой стороны [3].

Глобализация вызывает множество изменений, в том числе связанных с необходимостью внесения существенных поправок в базу внутригосударственных нормативных актов, регулирующих административные отношения и процесс. Результатом проведенного сближения национальных законодательств является принятие межгосударственных соглашений, составляющих единое законодательство, регулирующие административные отношения.

Рассматривая вопрос о характере взаимодействия международного права и правовой системы современного российского государства при формировании глобального административного права,

необходимо, на наш взгляд, исходить, прежде всего из оценки двух взаимосвязанных между собой факторов:

— все более глубокой и разносторонней включенности правовой системы Российского государства в межгосударственные интеграционные соглашения;

— в формально-юридическом отношении равноправные и равноценные действия государств, на основе которых базируется заключение межгосударственных соглашений.

На наш взгляд, стимулирующая роль международного права в развитии национального административного права и процесса, регулирующего деятельность в сфере государственного управления того или иного сегмента жизнедеятельности государства, защиты прав субъектов данных общественных отношений, проявляется: в развитии внутригосударственного законодательства в связи с применением адекватных современных форм, принятых в международной практике правового регулирования административных отношений; в возрастании актуальности системного построения законодательства в сфере государственного управления того или иного сегмента жизнедеятельности государства в связи с определением приоритета и условий применения международных норм и норм национального права, регулирующих административные отношения в этих областях.

Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» установлено, что Российская Федерация, выступая за соблюдение договорных и обычных норм, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права — принципу добросовестного выполнения международных обязательств.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» дает следующее разъяснение: «Права и свободы человека согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, а также международным договорам Российской Федерации являются непосредственно действующими в пределах юрисдикции Российской Федерации. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

При рассмотрении судом гражданских, уголовных или административных дел непосредственно применяется такой международный договор Российской Федерации, который вступил в силу и стал обязательным для Российской Федерации и положения которого не требуют издания внутригосударственных актов для их применения и способны порождать права и обязанности для субъектов национального права (ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, ч. 1 и 3 ст. 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», ч. 2 ст. 7 Гражданского кодекса РФ).

Международные договоры, которые имеют прямое и непосредственное действие в правовой системе Российской Федерации, применимы судами, в том числе военными, при разрешении гражданских, уголовных и административных дел, в частности: при рассмотрении дел об административных правонарушениях, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законодательством об административных правонарушениях [4].

Необходимо отметить, что нормы международного права имплементированы не только в нормативную базу Российского государства, но и в правовые акты, как то — резолюции международных организаций, конференций, в совместных заявлениях и коммюнике [2]. Согласимся с мнением А. С. Линникова: «содержание норм международного права в ненормативных актах, применяемых к правилам, стандартам, рекомендациям, инструкциям и положениям, принятым различного рода организациями, требования которых не носят нормативного (обязательного) характера, но тем не менее оказывают значительное влияние на формирование внутреннего права государства» [1], поскольку в данном утверждении справедливо обозначена роль международных норм для развития норм внутригосудар-

ственного права и совершенствования правового регулирования административных отношений.

Полагаем, что вышеназванные положения определяют, что международно-правовые нормы являются элементом международной нормативной системы и, как следствие, требуют своего осуществления в национальной правовой системе. Противоречие международно-правового и административно-правового регулирования заключается в реальном осуществлении общей обязанности государства, которая может осуществляться исключительно на стадии правотворчества. Однако практика показывает, что взятые государством обязательства по международному договору не влекут непременно реализацию общей обязанности, исполнение которой может быть растянуто во времени или вообще не исполняться.

Таким образом, особое значение на развитие механизма судебной защиты в рамках административного судопроизводства имеют международно-правовые нормы, а также судебная практика их применения. Основываясь на повышении влияния международных договоров Российской Федерации на законодательство, регулирующие административные отношения и защиту прав в административном судопроизводстве; на внедрении общепризнанных международных принципов и норм в российское законодательство, регламентирующих общественные отношения в сфере судебной защиты прав; на использовании в национальном нормотворчестве документов, разработанных и принятых межгосударственными и международными организациями, нормы международного права и судебная практика применения международных норм являются элементами, укрепляющими фундамент российской правовой системы, определяющими вектор ее поступательного развития.

Литература

1. Линников, А. С. Роль источников «мягкого права» на европейском уровне в развитии законодательства ЕС о банковском надзоре / А. С. Линников // Московский журнал международного права. — 2009. — № 1.
2. Лукашук, И. И. Нормы международного права в международной нормативной системе / И. И. Лукашук. — М.: Спарк, 1997.
3. Федеральный закон от 25 ноября 1996 г. № 135 «О ратификации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами — членами, с другой стороны» // СЗ РФ. — 1996. — № 49.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года, № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

5. Определение Верховного Суда РФ от 23 марта 2011 г. № 24-Г11-4 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Решение Верховного Суда РФ от 21 декабря 2012 г. № АКПИ12-1478 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Решение Верховного Суда РФ от 16 мая 2012 г. № АКПИ12-592 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Верховного Суда РФ от 02 апреля 2013 г. № АПЛ13-85 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 23 января 2014 г. № 310-П13 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 08.02.2012 № 360-П11 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18.12.2013 № 225-П13 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18.12.2013 № 170-П13 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 06.11.2013 № 167-П13 // СПС «КонсультантПлюс».

ИВАНОВ Сергей Моисеевич, соискатель кафедры государственного и административного права, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68. E-mail: statut2000@mail.ru

IVANOV Sergey Moiseevich, doctoral candidate of the Department of State and Administrative Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Ogarev Mordovian State University. 68, Bolshevistskaya Str., Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Saransk. E-mail: statut2000@mail.ru

РЕЦЕНЗИЯ

УДК 342 (470)
ББК Х400(2)

А. Т. Карасев, А. В. Савоськин

РЕЦЕНЗИЯ НА КУРС ЛЕКЦИЙ В. А. ЛЕБЕДЕВА «КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»¹

A. T. Karasev, A. V. Savoskin

REVIEW: V. A. LEBEDEV CONSTITUTIONAL RIGHT OF THE RUSSIAN FEDERATION

В рецензии отмечается, что курс лекций Валериана Алексеевича Лебедева «Конституционное право Российской Федерации» (часть 1) соответствует современным научным представлениям и целям учебной дисциплины. Авторы рецензии подробно анализируют рукопись с точки зрения структуры, содержания и методологических приемов, отмечают как достоинства работы, так и некоторые дискуссионные моменты.

Ключевые слова: конституционное право, курс лекций, учебный курс.

The review notes that course of lectures of Valerian Alekseevich Lebedev «Constitutional Law of the Russian Federation» (part 1) corresponds with modern scientific ideas and goals of the discipline. The authors of the review analyze the work in details in terms of its structure, contents, and methodological techniques, as well as state the advantages of work and certain discussion points.

Keywords: constitutional law, course of lectures, training course.

Конституционное право России является первой учебной дисциплиной, с которой студенты начинают изучение отраслей отечественного права. Поэтому перед авторами учебников, курсов лекций и учебных пособий по конституционному праву стоит особая задача. Необходимо не только полно изложить материал на достаточном научном уровне, но и сделать его понятным и доступным для студентов младших курсов, только начинающих освоение российского права. Материал пособия по конституционному праву должен излагаться таким образом, чтобы, с одной стороны, знакомить студента с особенностями конституционно-правового регулирования и учить толкованию конституционных норм, а с другой стороны, готовить к изучению специальных юри-

дических дисциплин. Необходимо всегда помнить, что изучение конституционного права России закладывает гражданскую позицию студентов, формирует их отношение к политическим институтам, определяет конституционную культуру обучающихся. Полученные студентами в ходе изучения конституционного права России установки и убеждения оказывают влияние не только на дальнейшее обучение отраслевым дисциплинам, но и во многом определяют уровень правосознания и качество работы будущего правоприменителя. Здесь уместно привести суждение известного русского государствоведа А. Д. Градовского, процитированное автором во введении к курсу лекций: «именно эта наука подготавливает к общественной деятельности, выясняя прямые обязанности гражданина и просвещая общественную совесть».

Думается, что автор рецензируемого учебно-теоретического издания справил-

142

Рецензия

¹ Лебедев, В. А. Конституционное право Российской Федерации : курс лекций : в 2 ч. / В. А. Лебедев. — Ч. 1. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2012. — 328 с.

ся со стоящими перед ним задачами. Выбранная форма учебно-теоретического издания соответствует современным научным представлениям и назначению учебного курса. Рукопись представляет собой 13 авторских лекций по отдельным темам конституционного права России.

В отечественном конституционном праве нет устоявшегося правила деления учебного курса на общую или особенную части, хотя такие попытки предпринимаются¹. В первую часть курса лекций автором вынесены темы, посвященные конституционному праву как отрасли права, науке и учебной дисциплине; учению о конституции; основам конституционного строя; конституционному статусу человека и гражданина (где автор посвятил отдельные главы институтам гражданства, правового положения иностранных граждан, референдума, а также вопросам избирательного права и процесса); государственному устройству РФ. Представленная в рукописи структура изложения материала традиционна и уже в силу этого приемлема. Однако обращает на себя внимание глава 11 «Конституционный статус Российской Федерации», раскрывающая конституционные признаки России как единого суверенного государства. По замыслу автора, ряд конституционных характеристик отечественного государства, в том числе отдельных основ конституционного строя (суверенитет, территориальное верховенство, государственный язык и некоторые другие), более подробно изложены именно в гл. 11, которая предваряет главы: 12 — «Конституционные основы российского федерализма», 13 — «Государственное Устройство Российской Федерации».

Можно предположить, что с учетом издания второй части курса лекций, куда войдут конституционные основы организации публичной власти в России, содержание учебной дисциплины будет освещено полностью.

Представленная часть 1 курса лекций содержит определяющие научныесылки, принципиально важные для понимания конституционно-правовых норм и их надлежащего применения. Основы теории, изучаемые понятия и категории, причинно-следственные связи и характеристики конституционно-значимых социальных процессов излагаются логично, последовательно и в доступной для студентов форме. Автору удалось избежать перегрузки рукописи теоре-

¹ См. напр.: Конституционное право Российской Федерации : учебник / под общ. ред. Н. В. Витрука. — М. : Норма ; ИНФРА-М, 2010. — 656 с.

тическими конструкциями, равно как и множественностью ссылок на суждения ученых-конституционалистов, при этом автор не уклонился от освещения актуальных проблем конституционализма, но сумел представить их в интересной для читателя форме.

Почти все главы сопровождаются короткими историческими экскурсами, что позволяет студентам лучше уяснить не только смысл действующего правового регулирования, но и осознать ценность и значимость отдельных конституционных норм.

Всегда в пособиях по конституционному праву непросто найти место для рассмотрения вопросов конституционно-правовой ответственности. Думается, включение автором указанного элемента в главу 1 вполне органично и продиктовано структурой рукописи. В названном фрагменте неплохо показано своеобразие конституционно-правовых санкций по сравнению с юридической ответственностью иной отраслевой принадлежности. В то же время трудно согласиться с отнесением роспуска Государственной Думы и отставки Правительства РФ к мерам позитивной конституционно-правовой ответственности (с. 30).

Самостоятельный блок глав посвящен конституционно-правовым основам положения человека. Материал излагается системно, четко и доступно. Особо можно отметить широкий набор принципов конституционного статуса личности, которые раскрываются через призму правоприменения, а также предложенную автором систему юридических гарантий. Рассматриваются в этой главе и относительно узкие вопросы, например, правовой статус коренных малочисленных народов (с. 168).

Конституционно-правовому статусу иностранных граждан посвящена глава 8, которая в числе прочих структурных элементов включает вопросы, посвященные таким категориям граждан, как беженцы, вынужденные переселенцы, лица, получившие политическое или временное убежище.

В главе 10 удачно очерчены тенденции развития отечественного избирательного законодательства и представлена авторская позиция по многим актуальным вопросам избирательного права (с. 238, 242 и др.), в том числе по такому болезненному вопросу, как аполитичный абсентеизм (с. 256). Автор выделяет две группы принципов избирательного права: принципы участия граждан в выборах и принципы организации и проведения выборов.

Достаточно подробно представлен в настоящем курсе лекций вопрос о государственном устройстве Российской Федерации. Так, автором удачно раскрываются такие принципы российского федерализма, как равноправие субъектов Федерации и право народов на самоопределение. Валериан Алексеевич не только рассматривает их противоречивое содержание, но и объясняет причины такого положения дел (с. 290—293, 298—299). Изложение материала сопровождается критическими замечаниями автора, например, о правилах включения в состав Российской Федерации новых субъектов (с. 316—317).

В рецензируемом пособии ярко проявились авторские начала, текст персонализирован и отражает особенности стиля автора курса. Однако оригинальность авторского текста и манера изложения не затрудняют восприятие основного содер-

жания учебного материала, а наоборот, способствуют успешному его усвоению и запоминанию. Чувствуется, что текст учебно-теоретического издания составлялся на базе уже многократно озвученного перед студентами материала. Валериан Алексеевич раскрывает конкретные проблемы, ставит спорные вопросы, аргументирует собственную позицию. При этом научная дискуссия ведется корректно, а студенты всегда могут более подробно ознакомиться с альтернативными точками зрения благодаря оставленным подтекстовым ссылкам.

Завершить рецензию хотелось бы словами Альберта Эйнштейна: «Все должно быть изложено так просто, как только возможно, но не проще». Убеждены, что Валериану Алексеевичу удалось реализовать эту простую, и вместе с тем трудноосуществимую идею, и желаем автору успехов в издании второй части курса лекций.

АРАСЕВ Анатолий Тиханович, профессор кафедры конституционного права, Уральская государственная юридическая академия, доктор юридических наук, профессор. 620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21. E-mail: merger@k66.ru

KARASEV Anatoly Tikhonovich, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Academy of Law, PhD Law, Professor, 21, Komsomolskaya Str., 620137, Yekaterinburg. E-mail: merger@k66.ru

САВОСЬКИН Александр Владимирович, советник судьи, Уставной Суд Свердловской области, кандидат юридических наук, доцент. 620075, г. Екатеринбург, ул. Пушкина, д. 19. E-mail: savoskinav@yandex.ru

SAVOSKIN Aleksandr Vladimirovich, Judge Advisor of the Statutory Court of Sverdlovsk Region, Cand. Sc. Law, Associated Professor, 19, Pushkina Str., 620075, Yekaterinburg. E-mail: savoskinav@yandex.ru

УДК 342.9.03
ББК Х401.041

Н. М. Конин

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ А. Б. ПАНОВА «АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ»

N. M. Konin

RIVIEW OF THE MONOGRAPH OF A. B. PANOV 'ADMINISTRATIVE LIABILITY OF LEGAL BODIES'

В науке административного права в этом году произошло интересное событие. Вышла в свет монография, посвященная рассмотрению современных представлений об административной ответственности юридических лиц. В книге, изданной в 2013 году, на основе анализа накопленной за период действия нынешнего КоАП РФ правоприменительной практики рассмотрен целый пласт проблемных вопросов, с которыми сталкиваются правоприменители и невластные субъекты при привлечении юридических лиц к административной ответственности¹. Монография кандидата юридических наук Алексея Борисовича Панова определенно вызывает большой интерес у читателя еще и потому что посвящена весьма актуальной социально-правовой проблеме: по разным данным, ежегодно в России к административной ответственности привлекается большое число юридических лиц, число которых растет с каждым годом.

Работа отличается оригинальностью, нестандартностью подходов к изучению материальных и процессуальных вопросов административной ответственности юридических лиц, опирается на тщательный, глубокий анализ большого числа российских и зарубежных литературных источников (прежде всего США и ЕС), материалов (в т. ч. статистических) судебной и административной практики, широчайший опыт правоприменительной деятельности арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Она содержит много новых, тщательно обоснованных теоретических выводов и положений.

Так в главе 1 «Юридические лица как субъекты административной ответственности» справедливо отмечается, что ин-

ститут административной ответственности активно участвует в обеспечении законного правопорядка и повышении гарантий защищенности прав граждан, юридических лиц и тем самым приобретает значимость эффективного правового способа воздействия на общественные отношения. И в этой связи следует всецело поддержать автора, подчеркивающего, что в последнее время возрастает количество и увеличиваются размеры юридических лиц, не находящихся под управлением или прямым контролем государства, в их руках сосредотачиваются огромные материальные и финансовые ресурсы, что делает затруднительным воздействие на них со стороны государства и в то же время дает этим лицам большие возможности, которые могут быть использованы во вред обществу. Можем согласиться с тем, что необходимо внести ясность в КоАП РФ в части определения понятия административной ответственности, под которой автор понимает вид государственного принуждения, реализуемого в предусмотренной КоАП РФ процессуальной форме и отражающего такое правовое состояние лица, при котором оно претерпевает неблагоприятные последствия морального, личного, имущественного или организационного характера в результате государственного осуждения совершенного им административного правонарушения (глава 1 § 1). Автор высказывает очень интересную мысль о том, что в условиях, когда государство и муниципалитеты признаются самостоятельными субъектами гражданского права, нет первостепенной необходимости признавать их органы особыми публичными юридическими лицами, принимая во внимание наличие у них статуса обыкновенного бюджетного учреждения в случае участия в имущественных отношениях от собственного имени. Надо заметить, что

¹ Панов, А. Б. Административная ответственность юридических лиц : монография / А. Б. Панов. — М. : Норма, 2013. — 192 с.

данный вопрос довольно спорен и вызывает желание вступить в дискуссию. Тем не менее можем согласиться с тем, что проблема административной ответственности органов государственной власти имеет особую значимость и нуждается в тщательном рассмотрении (глава 1 § 2). Большое внимание автор уделяет особенностям определения вины юридических лиц. Справедливо отмечается, что определение вины юридического лица является одной из самых сложных практических проблем непосредственно в правоприменительной, административно-юрисдикционной деятельности, особенно сейчас, когда административная ответственность юридических лиц окончательно признана законодательно, в том числе и на уровне КоАП РФ. Подробно анализируются различные подходы в науке административного права к определению вины юридических лиц. Автор довольно скептически относится к предпринятой в НК РФ попытке свести вину юридического лица к вине других лиц, разделить понятие вины юридического лица на составляющие, свести свойство самостоятельного субъекта к свойствам его отдельных элементов. Тут важно заметить, что применительно к юридическим лицам говорить о «психическом отношении» невозможно, поэтому в отношении их вина определена законодателем через виновность уполномоченных лиц. Вызывает интерес и заявление автора, что при таком научном подходе, когда вина юридического лица определяется через вину его работника, позиция арбитражных судов представляется весьма дискуссионной, ведь зачастую действия работника трактуются судом как действия юридического лица, если не доказано то обстоятельство, что работник совершил деяние, выходящее за рамки его полномочий. В работе отмечается, что понятие вины юридического лица является единым и заключается в возможности соблюдения установленных норм и правил, а также в непринятии всех зависящих мер по их соблюдению (ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ). Правовая возможность для соблюдения норм и правил имеет место только в том случае, когда определенное поведение лица урегулировано нормой права, устанавливающей его обязанность. Лишь одновременное наличие двух предпосылок: юридической и фактической — позволяет утверждать, что лицо имело возможность соблюсти нормы и правила, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность (глава 1 § 3). Здесь можно согласиться с автором, хотя утверждения

об отсутствии налоговой ответственности продолжают вызывать определенные дискуссии в научных кругах.

Во второй главе «Проблемы привлечения юридических лиц к административной ответственности» автор затрагивает широкий спектр актуальных вопросов правоприменения, в основном используя материалы обширной практики арбитражных судов.

Вызывает неподдельный интерес стремление автора описать проблемы привлечения к административной ответственности юридических лиц за деяния административные правонарушения. И действительно, одной из нерешенных проблем административного права является вопрос о применении на практике понятия «деящееся правонарушение», предусмотренного ч. 2 ст. 4.5 КоАП РФ. Абсолютно правильно отмечается, что различия в понимании судьями данного термина приводят к появлению большого количества судебных постановлений Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ, призванных исправлять ошибки в толковании норм закона нижестоящими судами (глава 2 § 1). На наш взгляд, заслуживают одобрения выделенные автором критерии, которым должно удовлетворять понятие «продолжаемое правонарушение» (там же).

Представляется верным предложение о необходимости и своевременности осуществить законодательное закрепление соответствующих положений путем внесения изменений в КоАП РФ в части определения понятия «деящееся правонарушение», установления его основных элементов (признаков) и четкого указания на то, что считать днем обнаружения деящегося административного правонарушения. Автор правильно определяет деящееся правонарушение (для целей КоАП РФ) как правонарушение, выражающееся в длительном непрекращающемся невыполнении или ненадлежащем выполнении лицом обязанности, возложенной на него законом или подзаконными актами.

Полностью поддерживаем автора в попытке разобраться в таком непростом для правоприменителей вопросе, как малозначительность административных правонарушений при привлечении к административной ответственности юридических лиц (глава 2 § 2). Действительно, оценка деяния на предмет выявления его малозначительности — прерогатива правоприменителя, который при ее осуществлении не может руководствоваться произвольными подходами. Очевидно,

что ему необходимы достаточно четкие критерии оценки по факту полного, объективного и всестороннего установления определенной фабулы дела. При этом помимо конкретной нормы, закрепленной в ст. 2.9 КоАП РФ и прямо не предусматривающей таких критериев, следует прежде всего принимать во внимание принципы и цели юридической ответственности. Согласимся с автором в том, что иногда общий контекст судебного акта может восприниматься неоднозначно, поэтому совершенно уместно в монографии дается широкий пласт судебной практики арбитражных судов по этому вопросу. Полностью не можем согласиться с одним из вариантов решения проблемы разнобоя в вопросе малозначительности — предложением о том, чтобы не применять институт малозначительности к юридическим лицам. Лучше идти вторым путем, а именно внесением дополнений в ст. 2.9 КоАП РФ о том, что малозначительность правонарушения представляет действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений и определяется исходя из конкретных обстоятельств совершения правонарушения.

Еще одна проблема при привлечении юридических лиц к административной ответственности — проблема законного представителя. Автор затрагивает и этот вопрос (глава 2 § 3). В частности, замечание автора о том, что КоАП РФ возлагает на законного представителя юридического лица неоправданно широкий круг полномочий и не допускает возможности реализации этих полномочий иными лицами, в частности, уполномоченными представителями юридического лица, находит свое подтверждение в практике

арбитражных судов. В монографии справедливо отмечается, что когда к ответственности привлекается небольшая организация, добиться непосредственного участия руководителя этой организации в производстве по делу об административном правонарушении, как правило, труда не составляет, но вот в крупных организациях управление отдельными направлениями деятельности обычно возлагается на функциональных руководителей; единоличный исполнительный орган при этом решает только вопросы стратегического планирования деятельности организации, поэтому не всегда возможно его непосредственное участие в производстве по делам об административных правонарушениях. Кроме того, нередки случаи, когда единоличный исполнительный орган большую часть времени находится вне места нахождения юридического лица. В этом случае административно-юрисдикционному органу достаточно сложно добиться неукоснительного выполнения требований КоАП РФ, в частности, порядка составления протокола об административном правонарушении, предусмотренного ст. 28.2 КоАП РФ. В связи с вышесказанным представляется, что автор совершенно верно дает предложение законодателю внести изменения в ст. 25.4 КоАП РФ.

Монография А. Б. Панова «Административная ответственность юридических лиц» является определенным вкладом не только в развитие вопросов административной ответственности, но и в науку административного права в целом. Книга читается с большим интересом, заставляет читателя задуматься над затронутыми в ней сложными проблемами, вместе с автором искать пути их решения.

Книга понравилась и тем, что автору удалось избежать на ее страницах крайних суждений по проблемам, где мнения ученых и практических работников, осуществляющих административно-юрисдикционные полномочия, бывают полярными.

КОНИН Николай Михайлович, заведующий кафедрой административного и муниципального права, Саратовская государственная юридическая академия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1. Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор. E-mail: urvest@mail.ru

KONIN Nikolai Mikhailovich, Head of the Department of Administrative and Municipal Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Saratov State Academy of Law, Honoured Worker of Science, Professor. 1, Volskaya Str., Saratov, 410056. E-mail: urvest@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ К ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ПРОБЛЕМЫ ПРАВА»

Объем статьи не должен превышать 40 тыс. знаков, включая пробелы, и не может быть меньше 5 страниц. Статья набирается в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.rtf шрифтом Times New Roman, размером 14 пунктов, в полуторном интервале. Отступ красной строки: в тексте — 10 мм, в затекстовых примечаниях (концевых сносках) отступы и выступы строк не ставятся. Точное количество знаков можно определить через меню текстового редактора Microsoft Word (Сервис — Статистика — Учитывать все сноски).

Параметры документа: верхнее и нижнее поле — 20 мм, правое — 15 мм, левое — 30 мм.

В начале статьи помещаются: инициалы и фамилия автора (авторов), название статьи, аннотация на русском языке объемом не менее 700 знаков или 10 строк, ниже отдельной строкой — ключевые слова. Ключевые слова приводятся в именительном падеже в количестве до десяти слов. Инициалы и фамилия автора (авторов) дублируются транслитерацией, название статьи должно быть переведено на английский язык.

В конце статьи перед данными об авторе должна быть надпись «Статья публикуется впервые», ставится дата и авторучкой подпись автора (авторов). При пересылке статьи электронной почтой подпись автора сканируется в черно-белом режиме, сохраняется в формате *.tif или *.jpg и вставляется в документ ниже затекстовых сносок.

Обязательно для заполнения: в конце статьи (в одном файле) на русском языке помещаются сведения об авторе (авторах) — полностью имя, отчество, фамилия, затем ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз (или организация, в которой работает автор); рабочий адрес вуза или организации (полные — включая название, город и страну — адресные сведения вместе с почтовым индексом, указывать правильное полное название организации, желательно — его официально принятый английский вариант), электронный адрес и контактные телефоны.

Библиографические ссылки

При подготовке рукописи автору рекомендуется использовать ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» (Полный текст ГОСТ Р размещен на официальном сайте Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии).

В редакцию журнала статья передается качественно по электронной почте одним файлом (название файла — фамилия автора). Тема электронного письма: Проблемы права.

148

Отправляемая статья должна быть вычитана автором; устранены все грамматические, пунктуационные, синтаксические ошибки, неточности; выверены все юридические и научные термины. За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы) статьи.

Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

REQUIREMENTS TO THE ARTICLES TO BE PUBLISHED IN MAGAZINE “PROBLEMS OF LAW”

The article should not exceed 40 000 characters including whitespaces and may not be less than 5 pages. The article should be composed in Microsoft Word in *.rtf format using Times New Roman font, size 14, 1.5 line spacing. Indents: 10 mm (in text), no indents and hanging indents in endnotes. To calculate the characters, use Microsoft Word menu (Tools — Statistics — Include footnotes and endnotes).

Document parameters: 20 mm top margin and bottom margin, 15 mm right margin, 30 mm left margin.

Please state the following in the beginning of the article: initials and last name of the author (authors), the title of the article, annotation in Russian (not less than 700 characters or 10 lines), and the keywords on the next line. The number of keywords should not exceed 10. The initials and the last name of the author (authors) should also be transliterated. The title of the article should be translated into English.

Please include the phrase “The article is published for the first time”, date and signature of the author (authors) in the end of the article. If you send the article via email, please scan the signature in black and white mode, save it in *.tiff or *.jpg and insert it into the document after the endnotes.

Required information: Information about the author (authors) in Russian at the end of the article (in the same file) — first name, patronymic, last name, academic degree, academic rank, post, department, university (or organization where the author is employed); address of the university or the organization (full address, including city and country, post-code/ ZIP code, full name of the organization including its official English version), email, and phone.

References

Please use GOST P 7.0.5-2008 «System of standards on information, librarianship and publishing». Reference. General requirements and compilation rules” (Full text of ГОСТ P see at the Federal Agency on Technical Regulation and Metrology official web page).

Please submit the article via email in a single file (file should be named by the author's last name). Subject of the email: “Problems of Law”.

The article should be proofread by the author. Please remove all grammar, punctuation and syntax errors and inaccuracies; re-check all legal and scientific terms. The responsibility for the scientific and factual errors is taken by the author (authors) of the article.

The articles submitted to the editors office will not be returned.

Материалы к публикации отправлять по адресу: E-mail: **urvest@mail.ru**
в редакцию журнала «Проблемы права»
или по почте по адресу:
**Россия, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76,
Издательский центр.**

*Издатель: ООО «Южно-Уральский юридический вестник»
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76. Издательский центр ЮУрГУ.*

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ.

Формат 70×108^{1/16}.

Объем 13,3 усл. печ. л.

Тираж 300 экз.

Заказ / .

Подписано в печать 28.03.2014.

Цена свободная.